

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА №4 2019 г.**

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Главный редактор:

Потапенко С.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Заместитель главного редактора:

Лунарев Е.Б., доктор юридических наук, профессор, академик ЕААН, КубГУ.

Ответственный секретарь:

Латынцева В.А. КубГУ

Члены редакционного совета:

Боннер А.Т., доктор юридических наук, профессор МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Гладышева О.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Горазд М., доктор права, профессор, Мариборский университет (Республика Словения)

Гусев А.В. доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Дзидзоев Р.М., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, КрУ МВД России

Жинкин С.А., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Камышанский В.П. доктор юридических наук, профессор, КубГАУ им. И.Т. Трубилина

Киреева Е.Ю., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ

Коняхин В.П., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Костенко Р.В., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Лозовский Д. Н. доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Нгуэн Х.К., доктор права, доцент, Юридический университет г. Хо Ши Мин (Социалистическая Республика Вьетнам)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ

Позднышов А.Н., доктор юридических наук, профессор, РГЭУ (РИНХ)

Прапиестис И. доктор права, профессор, Вильнюсский университет (Литовская Республика)

Прохоров Л.А. доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Прохорова М.Л., доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Пиц А., доктор права, профессор, Белостокский университет (Республика Польша)

Попова Ю.А. доктор юридических наук, профессор, РГУП

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, КубГУ

Семенцов В.А. доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Слесарев В.Л., доктор юридических наук, профессор, МГЮА (У) им. О.Е. Кутафина

Срето Н., доктор права, профессор (Республика Сербия)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет

Щенникова Л.В. доктор юридических наук, профессор, КубГУ

Шмейкал В., доктор права, профессор, Университет «Шкода авто» (Чешская Республика)

Издатель:

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Редакция не несет ответственности за информацию, опубликованную в рекламных объявлениях

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых материалов.

При использовании материалов ссылки на журнал «Юридический вестник Кубанского государственного университета» обязательны.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20.04.2012 г. Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС 77-49493

ISSN: 2078-5836

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Миннауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук со 02.12.2019.

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа специальностей – 12.00.00 Юридические науки; научные специальности: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; 12.00.09 – Уголовный процесс; 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; 12.00.14 – Административное право; административный процесс; 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс

Адрес редакции:

350000 г. Краснодар, ул. Рашилевская, 43, Тел.: 262-35-09, E-mail: fin@law.kubsu.ru

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре КубГУ

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 25.12.2019, Выход в свет

Усл.печ.л. 4,7

Тираж 100 экз. Заказ № 3479

Входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Возрастное ограничение: для лиц, старше 16 лет

На обложке журнала использовано изображение с ресурса <https://crello.com>

© «Юридический вестник Кубанского государственного университета», 2019

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;
УГОЛОВНО – ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

**О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ ПЕРИОДА
ПРИНЯТИЯ «РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
РСФСР» 1919 ГОДА, ИХ КЛАССОВОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОДЕРЖАНИИ ОСНОВНЫХ
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ**

**ON THE CHARACTERISTICS OF CRIME IN RUSSIA DURING THE
ADOPTION OF «THE GUIDELINES ON CRIMINAL LAW OF THE RSFSR»
OF 1919, THEIR CLASS ORIENTATION AND THE LEGISLATIVE
CONTENT OF THE MAIN CRIMINAL LAW INSTITUTES**

Наумов А.В.
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)*

Naumov A. V.
*doctor of law, professor, honored worker
of science of the Russian Federation,
professor of the Department of criminal law
and criminology
All-Russian state University justice (RPA
of the Ministry of justice of Russia),
(Moscow)*

Ключевые слова: уголовный закон, понятие преступления, понятие наказания и его видов.

Аннотация: Статья посвящена анализу различных аспектов Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. – прообразу будущей Общей части Уголовного кодекса РСФСР. Особое место в статье уделяется характеристике преступлений (преступности), совершаемых в России в тот период.

Keywords: criminal law, the concept of crime, the concept of punishment and its types.

The summary: The article is devoted to the analysis of various aspects of the "Guidelines on criminal law of the RSFSR of 1919-the prototype of the future General part of the criminal code of the RSFSR". Special attention is paid to the characteristics of crimes (crimes) committed in Russia at that time.

Как известно, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. были приняты в труднейших условиях происходящей в стране Гражданской войны. Учитывая специфику преступлений тех лет, их природу, все преступления (и преступность в целом) того времени можно (с известной долей упрощения) подразделить на пять видов¹.

1) *Общеуголовные преступления (преступность) как следствие отсутствия в стране твердой власти, способной поддерживать необходимый правопорядок (преимущественно грабежи, разбои, убийство).*

Низменные инстинкты «толпы» разбудила еще Февральская революция и политика Временного правительства, его амнистия уголовникам, роспуск полиции и жандармерии. Это вызвало всплеск уголовной преступности, в основном корыстно-насильственной. Так что большевикам, взявшим в октябре 1917 г. власть в стране, досталось в этом отношении, скажем, не самое лучшее «наследство». По подсчетам (криминологов) в одном только Петрограде насчитывалось до 40 тысяч уголовных преступников, а в Одессе и в Москве – до 30 тысяч «бандитских элементов», резко активизировавших свою деятельность в послеоктябрьский период². К ним присоединялись многообразные деклассированные элементы, принимавшие участие в различного рода погромах. Вот как, например, это описывает А. Блок в своей поэме «Двенадцать»:

Эх, эх!

Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба –
Гуляет нынче голытьба!

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городского –
Гуляй, ребята, без вина!

¹ Подробнее см.: Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. М.: «Юрлитинформ», 2015. С. 427-478.

² См. Пролетарская революция. 1926. № 9. С. 69.

Следует отметить, что уголовный мир пополнялся представителями отдельных партий (в первую очередь, анархистами) и оказавшимися «не у дел» бывшими офицерами (в особенности в связи с демобилизацией старой армии с началом мирных переговоров с Германией), отчего, казалось бы, и общеуголовная преступность превращалась тоже в политическую, направленную против новой власти. Большевики это быстро поняли и перешли к более решительным действиям, уравнивая такую преступность с контрреволюционной. Уже в начале февраля 1918 г. ВЧК поместила в газетах объявление об изменении методов борьбы с контрреволюцией (во всех ее проявлениях, в том числе и в форме совершения общеуголовных преступлений как посягательств на власть и правопорядок). Отныне все они подлежали «беспощадному уничтожению на месте преступления»³. Власть предприняла меры по укреплению зарождавшейся советской милиции, что оказало в целом положительно влияние, и общеуголовная преступность была «загнана» в более или менее приемлемые рамки.

2) *Преступления (преступность) как проявление «красного» и «белого» террора – основного вида политической преступности Гражданской войны.*

Было бы странно, если бы свергнутые большевиками и потерявшие власть классы не пытались ее вернуть. Не менее странной выглядела бы и терпимость к этому новой власти. Такова элементарная логика классовой борьбы. Поэтому вооруженные выступления против советской власти являлись самыми опасными для нее контрреволюционными преступлениями, а для свергнутых – единственно возможным средством возвращения прежнего законного правления. В правовом смысле и те и другие были «правы», разным у них было лишь правовое «поле»: у первых – право победившей революции, у вторых – право упраздненных революцией законов. Большевики сделали свой террор гласным. Более того, они даже ставили своей целью распространить как можно шире информацию о терроре и его

³ См.: Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.

масштабах и тем самым запугать фактически любых противников советской власти. Так, в первые же дни после официального объявления о «красном» терроре Ф. Э. Дзержинский отдал распоряжение об издании «Еженедельника ВЧК». В течение шести недель своего существования «Еженедельник» подробно сообщал о взятии заложников, заключении в концентрационных лагерях, расстрелах (подобные издания выходили и на местах, например, в Казани, Перми, Киеве). В дальнейшем «гласный» красный террор стал уравниваться и негласным, в особенности с крайними случаями его проявления. К последним можно отнести секретную директиву о расказачивании (фактически, по современным понятиям, о геноциде по отношению к казачеству), расстрел царской семьи, а позже – подавление Кронштадтского восстания и Тамбовского крестьянского восстания, уничтожение офицерской прослойки (например, в Крыму).

Масштаб «красного» террора вполне соответствовал масштабу «белого» террора. Но если известная метафора, употребляемая в отношении «красного» террора, в значительной мере достаточно адекватна, разумеется, не в чисто цветовом (красное знамя большевиков) значении, а вследствие присущей ему одноцветности в смысле государственно-партийных истоков и начал, то терминология «белого» достаточно условна. Она охватывала не только террор национальных вооруженных формирований, но и воевавших на территории России против большевиков белофинов, белочехов, белополяков, немцев. «Белый» террор, как и «красный», сопровождался не только массовыми расстрелами, но и пытками, изощренной жестокостью в отношении жертв. И если у красных террор осуществлялся путем специально созданного для этого органа – ВЧК, то своеобразный аналог его был и у белых – это их контрразведка. Методы и нравы красных и белых контрразведчиков были вполне сопоставимы (о чем, например, в своих мемуарах сообщал А.И. Деникин¹).

3) *Преступления, явившиеся злоупотреблением большевиками своей властью, выразившимся в первую очередь в искусственном создании ложных контрреволюционных заговоров и организаций (деятельность, осуществ-*

ляемая в основном ВЧК). Фальсификация обвинения в контрреволюционном заговоре, как свидетельствует история судебных процессов 20-30-х гг. (например, «Шахтинский процесс» и «Дело Промпартии» (1930 г.), являлась обычным методом деятельности чекистских органов (ВЧК, НКВД), но началась последняя именно в годы Гражданской войны (дело адмирала Щастного, дело профессора географии В. Н. Таганцева, по которому были расстреляны 61 человек (среди них несколько женщин), в том числе известный русский поэт Н. С. Гумилев).

4) *Преступления красных и белых как следствие революционной «вседозволенности», анархии и развязывания низменных инстинктов тех и других (общегуловная преступность)*².

5) *Преступления, являющиеся свидетельством перерождения правящей партии большевиков (казнокрадство и взяточничество)*³.

В таких условиях были приняты в 1919 г. Руководящие начала. Последние представляли из себя попытку кодификации уже принятых Советским правительством нормативных актов уголовно-правового характера, регулирующих Общую часть уголовного права. «Начала» состояли из введения и восьми разделов: 1) об уголовном праве; 2) об уголовном правосудии; 3) о преступлении и наказании; 4) о стадиях осуществления преступлений; 5) о соучастии; 6) виды наказания; 7) об условном осуждении; 8) о пространстве действия уголовного права.

В основе этого нормативного акта лежал откровенно классовый характер, особенно вы-

² Свидетельства этого в художественной и мемуарной литературе есть в отношении как красных (например, И. Э. Бабель «Конармия»), так и белых (например, указанные мемуары А. Деникина).

³ О борьбе с этим злом см., например, многочисленные труды В.И. Ленина, в том числе: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 282; Т. 50. С. 70, 219; Т. 52. С. 52-53. Так, например, по личной инициативе Ленина был принят циркуляр «О взаимоотношениях парткомов с судебными комиссиями», в котором подчеркивалась безусловная необходимость «усилить ответственность членов партии в случае совершения ими проступков, подлежащих ведению гражданского суда или ревтрибунала» (См.: В.И. Ленин, КПСС о социалистической законности и правопорядке / под общ. ред. Н. И. Савинкина. М., 1982. С. 235).

¹ Генерал А. Деникин. Поход на Москву (очерки русской смуты) // Белое движение: начало-конец. М., 1990. С. 125.

развившийся в определении понятий преступления и задач уголовного права. Так, в ст. 2 определялось: «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания)», а в ст. 3 определялось, что «советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата». Но особенно тщательно классовая направленность Руководящих начал была «прописана» во введении к ним, которое больше напоминало не текст уголовного закона, а подобие либо агитационного обращения Правительства, разъясняющего суть его уголовной политики, либо научной статьи об этом же в правительственном издании или даже учебнике (будущем) по уголовному праву. При этом необходимо учитывать, что в реальной практике требования законодательных актов по реализации указанных классовых начал реализовывались со значительным «запасом» революционной жестокости. Так, один из руководителей ВЧК М. Лацис следующим образом излагал теорию красного террора: «Мы уничтожаем класс буржуазии. Поэтому нет нужды доказывать, выступало ли то или иное лицо словом или делом против Советской власти. Первое, что вы должны спросить у арестованного, это следующее: «К какому классу он принадлежит и какова его специальность». Эти вопросы должны решать судьбу арестованного. Это и есть квинтэссенция красного террора»¹.

Следует отметить, что в содержательном плане в Руководящих началах были даны «абрисы» основополагающих понятий уголовного права. В частности, преступления, включая и ответственность за предварительную и совместную преступную деятельность. Кое-что при этом было заимствовано из царского уголовного законодательства (из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовного уложения 1903 г.). К таковым следует отнести: понятие действия и бездействия как *форм* преступного поведения (преступления); деление преступления на оконченное и

неоконченное (покушение на преступление и приготовление к преступлению); указание на виды соучастников преступления (исполнители, подстрекатели, пособники). Вместе с тем необходимо признать, что при этом в некоторые уголовно-правовые понятия были внесены определенно *новые*, развивающие их содержание, уточнения. Это, например, касалось определения покушения на преступление: «Покушением на преступление считается действие, направленное на совершение преступления, когда совершивший выполнил все, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим» (определение настолько современное, что вполне соответствует нынешнему законодательному определению покушения на преступление в действующем УК РФ; это же касается и определения приготовления к преступлению). Вполне современно-прогрессивным для того времени выглядит и определение нормативного признака *субъекта* преступления. В особенности, установление его нижней возрастной границы в 14 лет; наличие у лица душевной болезни как в момент совершения им деяния, так и к моменту исполнения приговора и применение к нему вместо наказания «лечебных мер» (предвосхитившее появившееся впоследствии понятие невменяемости). В то же время к явным пробелам рассматриваемого законодательного акта следует отнести, например, фактически отсутствие в нем хотя бы попытки определения *вины* в форме умысла и неосторожности как признака преступления (что было намечено лишь в УК РСФСР 1922 г.). К таковым же пробелам следует отнести и отсутствие в них упоминания об обратной силе уголовного закона.

Заслуживает внимания и отражение в Руководящих началах проблемы наказания. Впечатляет, например, установление в нем весьма *разнообразных* видов наказания (ст. 25), в особенности не связанных с лишением свободы. Здесь, например, и «внушение», и «выражение общественного порицания», и «принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения), и «объявление под бойкотом», и «исключение из объединения на время или навсегда», и «восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба», и «отрешение от должности», и «воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу», и некоторые другие виды наказания. Сюда же следует отнести и норму об условном осужде-

¹ Красный террор. 1918. 1 ноября.

нии (раздел VII, ст. 26). В этом, несомненно, проглядывают ленинские идеи уголовной политики, в частности, выраженные им в его замечаниях на Проект программы РКП(б) в 1919 г.:

- «1) >% условного осуждения
- 2) >> >> общественного порицания
- 3) замена лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому
- 4) замена тюрьмы воспитательными учреждениями
- 5) введение товарищеских судов (для известных категорий и в армии и среди рабочих)»¹.

Если упростить ленинскую задачу, то она может выглядеть следующим образом: «меньше тюрьмы (лишения свободы) для трудящихся; больше наказаний, не связанных с лишением свободы»). Замысел неплох. Другое дело, как он реализовывался. Увы, в жизни все было наоборот. И в УК 1922 г. и в УК 1926 г. сразу же после их принятия стали вноситься многочисленные изменения, большая часть которых заключалась в ужесточении наказания за определенные преступления. Можно сказать, что уже тогда была отработана советская модель уголовной политики в области правотворчества. Начать с ее либерализации, а затем практически отказаться от нее и перейти к ужесточению в уголовно-правовой сфере (например, отказаться от смертной казни, а затем быстро ее восстановить)². Если указанный нормативный акт оценивать с современных позиций, то следует отметить его двойственность. Во-первых, необходимо указать на его высокую (даже по нынешним меркам) законодательную технику. В этом отношении был сделан значительный шаг по сравнению не только с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, действовавшим в России до Октябрьской революции,

но и с Уголовным Уложением 1903 г. (у истоков которого стоял великий Таганцев и другие выдающиеся русские юристы). Во-вторых, как уже отмечалось, нельзя не отметить попытки значительного расширения наказаний, не связанных с лишением свободы, в том числе и реализации условного осуждения. В-третьих, определением достаточно прогрессивной (хотя бы на словах) уголовной политики в отношении несовершеннолетних преступников, а также попыток законодательной расшифровки принципа индивидуализации наказания. Однако все это перечеркивалось откровенно классовым характером уголовной репрессии и несостыковкой Руководящих начал с множеством уже действующих нормативных актов о «правосудии», чинимом ВЧК и революционными трибуналами. Тем не менее нельзя отрицать положительного влияния этого нормативного акта на создание будущих советских уголовных кодексов, особенно в плане техники уголовного закона в направлении отказа от казуистического способа изложения уголовно-правовых норм (следы этого влияния можно усмотреть и в действующем УК РФ).

¹ Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.38. С.408.

² См. Наумов А.В. Указ. соч. С. 586.

Список цитируемой литературы:

1. Бабель И. Э. Конармия // Бабель И. Сочинения. Т. 1. М., 1990. С. 369-431.
2. Генерал А. Деникин. Поход на Москву (очерки русской смуты) // Белое движение: начало-конец. М., 1990. С.125.
3. Красный террор. 1918. 1 ноября.
4. Ленин В. И., КПСС о социалистической законности и правопорядке / под общ. ред. Н. И. Савинкина. М., 1982. С. 235.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 282; Т. 38. С. 408; Т. 50. С. 70, 219; Т. 52. С. 52-53.
6. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. М.: «Юрлитинформ», 2015. С. 427-478.
7. Пролетарская революция. 1926. № 9. С.69.
8. Известия ВЦИК. 1918. 23 февраля.

The list of the quoted literature:

1. Babel I. E. Red Cavalry // Babel I. Collection. Vol. Moscow, 1990. Pp. 369-431.
2. General A. Denikin. The March on Moscow. (essays of the Russian turmoil) // White movement: beginning-end. Moscow, 1990. Pp. 125.
3. Red terror. 1918. November 1.
4. VI Lenin, of the Communist party of socialist legality and law and order. M., 1982. Pp. 235.
5. Lenin V. I. Poln. Coll. Op. Vol. 36. Pp. 282; Vol. 38. Pp. 408; T. 50. Pp. 70, 219; Vol. Pp. 52-53.
6. Naumov A.V. Crime and punishment in the history of Russia. Part I. M., «Yurlitinform», 2015. Pp. 427-478.
7. Proletarian revolution. 1926. No. 9. Pp. 69.
8. Izvestia of the Central Executive Committee. 1918. February 23.

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА – ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ОТРАСЛЕВЫХ КОДИФИКАЦИЙ
СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВА**

**THE GUIDING PRINCIPLES OF THE CRIMINAL LAW OF RSFSR
1919 – ONE OF THE FIRST BRANCH CODIFICATIONS OF SOVIET
SOCIALIST LAW**

Коняхин В.П.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет»
(г. Краснодар)*

Konyakhin V.P.

*doctor of law, Professor,
head of the Department of criminal law and criminology,
IN FGBOU "Kuban state University"
(Krasnodar)*

Ключевые слова: руководящие начала, уголовное право, отраслевая кодификация, общая часть, структура, система.

Аннотация: Статья посвящена анализу Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. В ней дается структурно-содержательная характеристика последних, прослеживается их взаимо-

связь и преемственность с дореволюционным уголовным законодательством России. На базе проведенного исследования формулируются выводы о том, что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР стали итогом одной из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права, послужили «импульсом» и «элементом» для формирования в последующем всей системы этого права в целом.

Keywords: the guiding principles, criminal law, industry codification, general part, structure, system.

The summary: The article is devoted to the analysis of the Guidelines on Criminal Law of 1919. It gives a structurally meaningful description of the latter, traces their relationship and continuity with the pre-revolutionary criminal legislation of Russia. Based on the study, conclusions are drawn that the Guidelines were the result of one of the first sectoral codifications of Soviet socialist law of RSFSR, served as the first “impulse” and “element” for the subsequent formation of the entire system of this law as a whole.

Как известно, в первые годы советской власти уголовное законодательство осуществлялось преимущественно в виде издания отдельных нормативных правовых актов (декретов, постановлений, инструкций и т. п.), в которых, главным образом, устанавливалась ответственность за конкретные виды преступлений.

Однако в некоторых из них содержались и предписания Общей части уголовного права. Так, Декрет Совета народных комиссаров (далее – СНК) № 1 «О суде» от 24 ноября 1917 г. предусматривал институт помилования и восстановления в правах лиц, осужденных по уголовным делам (ст. 7)¹. Инструкция Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 г. зафиксировала общий (из 8 видов) перечень уголовных наказаний (ст. 2)². В соответствии с Декретом СНК «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. субъектом преступления признавалось лишь лицо, достигшее 17-летнего возраста (ст. 2)³. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) «О суде» № 2 от 7 марта 1918 г. отменил уголовную ответственность и тюремное заключение для несовершеннолетних в возрасте до 17 лет (ст. 17) и ввел условно-досрочное освобождение от наказания (ст. 32)⁴. По данным А. А. Герцензона, всего за первые три года советской власти было издано свыше 400 норма-

тивных актов уголовно-правового содержания⁵.

В этот период объективно возникла настоятельная потребность в обобщении и систематизации многочисленных норм уголовного права. Несомненно, что для реализации данной потребности понадобился весьма солидный научный и технико-юридический потенциал дореволюционного уголовного законодательства, который оказал в дальнейшем большое влияние на советское уголовное законодательство в целом. Последнее, будучи социалистическим по характеру (идеологии), не только формально, но в преобладающей части и содержательно, восприняло богатейший многовековой опыт, запечатленный в нормативных предписаниях своего «предшественника». Последовавший вскоре после Октябрьской революции 1917 г. разрыв легитимной преемственности нового и старого уголовного законодательства⁶, вопреки распространенному мнению, вовсе не означал устранения их фактической преемственности. В этом убеждает анализ формирования и развития структуры

⁵ См.: Курс лекций советского уголовного права (часть Общая). Т. 2 / отв. ред. Н. А. Беляев и М. Д. Шаргородский. Л., 1970. С. 564-565.

⁶ Так, ст. 5 Декрета СНК № 1 от 24 ноября 1917 г. «О суде» формально допускала применение старых законов, но с оговоркой, фактически сводившей такую возможность на нет: «... лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Статья 22 Декрета ВЦИК «О народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 г. категорически запретила «ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 16, 41.

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 16.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 22 -23.

Общей части советского уголовного законодательства¹, которая с учетом этого опыта «опередила» Особенную: 12 декабря 1919 г. постановлением НКЮ были утверждены *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР* (далее по тексту – *Руководящие начала*). И это, отнюдь, не случайность. Заимствованная из прошлого опыта идея выделения Общей части², помимо неоспоримых преимуществ технико-юридического характера, позволила советскому законодателю сразу же достаточно четко сформулировать свою концепцию в сфере борьбы с преступностью.

*Руководящие начала*³, содержавшие только нормативные предписания Общей части уголовного права, были своего рода кодексом без Особенной части⁴. Они состояли из «Введения» (преамбулы) и 27 статей, распределенных по восьми разделам: раздел I «Об уголовном праве» (ст. 1-3); раздел II «Об уголовном правосудии» (ст. 4); раздел III «О преступлении и наказании» (ст. 5-16); раздел IV «О стадиях осуществления преступления» (ст. 17-20); раздел V «О соучастии» (ст. 21-24); раздел VI «Виды наказания» (ст. 25); раздел VII «Об условном осуждении» (ст. 26); раздел

VIII «О пространстве действия уголовного права» (ст. 27)⁵.

Введение (преамбула) – это структурная новация, неизвестная дореволюционному уголовному законодательству. В содержательном плане оно носило характер декларации, определяющей основы уголовной политики советского государства в переходный от капитализма к социализму период. В нем были зафиксированы принципиальные установки об отношении пролетариата к буржуазному праву, о сущности, форме и социальном назначении нового социалистического уголовного права. В структурном плане введение фактически выполняло функции «мини-Общей» части советского уголовного законодательства, так как представляло собой вынесенные «за скобки» концептуальные идеи, предопределяющие смысл всего этого законодательства в целом.

Логическим продолжением введения служил *раздел I* *Руководящих начал*. В нем помещались нормативные предписания о понятии права (ст. 1), понятии (ст. 2) и задачах (ст. 3) уголовного права. Указанные предписания-дефиниции и предписания-задачи ни по отдельности, ни тем более в таком сочетании друг с другом не встречались в ранее действующем уголовном законодательстве.

Не имел аналогов в прошлом и *раздел II* *Руководящих начал* «Об уголовном правосудии» (ст. 4). Однако ярко выраженная процессуальная направленность данного раздела практически сводила на нет целесообразность его выделения в рамках нормативного правового акта иной (уголовно-правовой) отраслевой принадлежности.

Своеобразием внутренней компоновки отличался и *раздел III* *Руководящих начал* «О преступлении и наказании», в котором впервые была предпринята попытка объединения разнородных по содержанию нормативных предписаний: о понятии преступления (ст. 5, 6, 16), понятии, задачах и цели наказания (ст. 7-10), назначении наказания (ст. 11, 12), ответственности несовершеннолетних (ст. 13), невменяемости (ст. 14) и необходимой обороне (ст. 15). Будучи непропорционально «габаритным» (12 из 27 статей), данный раздел тем не менее далеко не в полном объеме охватывал собой нормативные предписания, относящиеся к ин-

¹ Тяжкова И. М. Вопросы развития системы Общей части уголовного закона // Вестник МГУ. Серия. 11. «Право». 1988. № 2. С. 10-16.

² Впоследствии отдельные советские ученые-юристы и практики пытались абсолютизировать эту идею, предлагая создать Уголовный кодекс только с одной Общей частью, т. е. «без Особенной части и дозировки» (см. об этом: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 234-235).

³ Подробнее об истории создания и общей их характеристике см., напр.: Герцензон А. А., Дурманов Н. Д. История советского уголовного законодательства (Общей части) // Курс советского уголовного права: в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский и др. / Часть Общая. Уголовный закон. М., 1970. С. 68-75; Кузнецова Н. Ф. История Российского уголовного законодательства (Общая часть) // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 29-31.

⁴ Шишов А. Ф. Становление и развитие науки уголовного права СССР. Проблемы Общей части (1917-1936 гг.): учеб. пособие. Вып. 1. М., 1981. С. 70.

⁵ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1952 г. М., 1953. С. 57-60.

ститутам преступления и наказания (еще 10 статей) и расположенные в последующих четырех разделах Руководящих начал. Очевидно, что позиция дореволюционного законодателя по этому вопросу, направленная на более дробную рубрикацию соответствующего нормативного материала (но с учетом единства содержания последнего), была гораздо логичнее и привлекательнее.

Иной (положительной) оценки заслуживают остальные разделы Руководящих начал. Их структурное обособление – результат восприятия (разделы IV-VI, VIII) или даже развития (раздел VII) опыта предшествующего уголовного законодательства.

Раздел IV «О стадиях осуществления преступления» почти целиком корреспондировал отделению II главы I Общей части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.). Указанный раздел включил нормы об оконченном преступлении (ст. 17), покушении на преступление (ст. 18), приготовлении к преступлению (ст. 19) и ответственности за предварительную преступную деятельность (ст. 20).

Раздел V Руководящих начал «О соучастии» основывался на отделении III главы I Общей части Уложения 1845 г. и предусматривал в своем составе нормы об ответственности за соучастие в преступлении (ст. 21) и видах соучастников преступления – исполнителе (ст. 22), подстрекателе (ст. 23) и пособнике (ст. 24).

Раздел VI Руководящих начал «Виды наказания», как и соответствующие структурные подразделения дореволюционного уголовного законодательства (раздел I главы II Уложения 1845 г.; отделение III главы I Уголовного уложения 1903 г.), посвящался системе («лестнице») наказаний. Однако впервые в отечественном уголовном законодательстве при конструировании последней использовался качественно иной порядок расположения отдельных видов наказания: от менее строгих к более строгим, т. е. по степени возрастания, а не убывания их тяжести. Тем самым подчеркивалось желание законодателя придать всей системе наказаний более гуманный характер.

Тенденция к либерализации уголовной ответственности явно проступала и в структурном обособлении *раздела VII* Руководящих начал, в котором впервые был закреплен и регламентирован институт условного осуждения (ст. 26).

Что же касается *раздела VIII* Руководящих начал «О пространстве действия уголовного права» (ст. 27), то он по примеру Книги

первой тома XV Свода законов Российской империи 1833 г. и Уложения 1845 г. завершал собой систему Общей части уголовного законодательства РСФСР.

Таким образом, по своей структуре Руководящие начала 1919 г. унаследовали многие черты, присущие Общей части дореволюционного уголовного законодательства. При ее построении использована характерная для Уголовного уложения 1903 г. двучленная рубрикация нормативного материала (разделы, статьи). С точки зрения наименования отдельных рубрик и их расположения между собой, они явно тяготели к Уложению 1845 г. Разумеется, по целому ряду показателей (в частности, по полноте правового материала, внутренней компоновке и последовательности изложения), Руководящие начала заметно уступали предшествующему уголовному законодательству. Сказывались скоротечность подготовки данного нормативного правового акта и стремление его разработчиков (во всяком случае, на официальном уровне) по известным политическим мотивам к полному отрицанию прежнего (буржуазного) законодательства.

Вместе с тем очевидно и другое: Руководящие начала не только синтезировали, но и в определенной мере обогатили накопленный ранее опыт построения основополагающих институтов уголовного права. Их историческое значение заключается в том, что они проложили путь от Уложений 1845 и 1903 гг. через несистематизированные нормы послеоктябрьского периода (1917-1919 гг.) к первому советскому Уголовному кодексу. Руководящие начала 1919 г. стали своего рода «конституцией» уголовного права того периода времени и «прототипом» Общей части Уголовного кодекса РСФСР, принятого 23 мая 1922 г. Более того, они, будучи *результатом одной из первых отраслевых кодификаций* советского социалистического права в целом¹, послужили «импульсом» и «образцом» для продолжения законотворческой деятельности во всех ее смежных сферах. Под мировоззренческим, технико-юридическим и даже содержательным влиянием Руководящих начал в скором будущем были приняты, в частности, Уголовно-

¹ В этой связи нельзя не упомянуть также о Кодексе законов об актах гражданского состояния, браке, семейном и опекуном праве от 22 октября 1918 г. и Кодексе законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г.

процессуальный (1922 г.), Гражданский (1922 г.) и Исправительно-трудовой (1924 г.) кодексы РСФСР. Отсюда можно заключить, что Руководящие начала 1919 г. по сути стали

одним из *первых «элементов»* зарождающейся системы советского социалистического права в целом.

Список цитируемой литературы:

1. Курс лекций советского уголовного права (часть Общая). Т. 2 / отв. ред. Н. А. Беляев и М. Д. Шаргородский. Л., 1970.
2. Курс советского уголовного права: в 6 т. / редкол.: А. А. Пионтковский и др. / Часть Общая. Уголовный закон. М., 1970.
3. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 1999.
4. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953.
5. Тяжкова И. М. Вопросы развития системы Общей части уголовного закона // Вестник МГУ. Серия. 11. «Право». 1988. № 2.
6. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1978.
7. Шишов А. Ф. Становление и развитие науки уголовного права СССР. Проблемы Общей части (1917-1936 гг.): учеб. пособие. Вып. 1. М., 1981.

The list of the quoted literature:

1. Lecture course of Soviet criminal law (part General). T. 2 / holes ed. N. A. Belyaev and M. D. Shargorodsky. L., 1970 .
2. The course of Soviet criminal law: in 6 volumes / editorial board: A. A. Piontkovsky et al. / Part General. Criminal law. M., 1970
3. The course of criminal law. A common part. T. 1. The doctrine of the crime / ed. N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. M., 1999.
4. A collection of documents on the history of the criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917-1952 / ed. I.T. Golyakova. M., 1953
5. Tyazhkova I. M. Issues of development of the system of the General part of the criminal law // Bulletin of Moscow State University. Series. 11. The "right." 1988. No. 2..
6. Criminal law. History of legal science / ed. ed. V.N. Kudryavtsev. M., 1978..
7. Shishov A.F. Formation and development of the science of criminal law of the USSR. Problems of the General Part (1917-1936): Textbook. allowance. Vol. 1. M., 1981

РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА РСФСР ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 1919 ГОДА В ГЕНЕЗИСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

GUIDELINES OF THE RSFSR ON CRIMINAL LAW OF 1919 IN THE GENESIS DOMESTIC CRIMINAL LEGAL THOUGHT

Бойко А.И.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления
ФГБОУ ВО «РАНХиГС»
(г. Ростов-на-Дону)*

Boyko A. I.,

*doctor of law, Professor, head of the Department
criminal law disciplines South Russian Institute of man-
agement
of the «President Academy»*

*Вы мало думаете об истории,
а грифель её и на вас поднят
(П.А. Вяземский)*

(Russia, Rostov-na-Donu)

Ключевые слова: история, опыт, прошлое, равенство, революция, уголовное право..

Аннотация: Статья посвящена анализу места Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года в отраслевой доктрине, отражению в данном памятнике права достижений царской эпохи и его сличению с действующим Уголовным кодексом РФ.

Keywords: history, experience, past, equality, revolution, criminal law.

The summary: The article analyzes the place of «Guiding began in the criminal law of the RSFSR» in the industry doctrine, reflected in this monument rights achievements of the Imperial era and its comparison with the existing Criminal code.

Нашу Родину в злую шутку, но по справедливости именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки постоянно менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, попутно искажая либо даже хуля предыдущую эпоху. Во времена реформ умеренность становится нормой. Блестяще подметил этот процесс И. А. Бунин в «Окаянных днях»:

«Как они одинаковы все эти революции!., создана целая бездна новых административных учреждений, хлынул целый потоп декретов, циркуляров, число комиссаров и вообще всяческих властей стало несметно,, образовался совсем новый, особый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью... Всё это повторяется потому прежде всего, что одна из самых отличительных черт революций –

бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна»¹.

Но русичи не только любят революционные качели, они отрекаются от жизненного уклада предыдущих поколений и как туземцы отсталых регионов планеты копируют социальную инженерию исключительно Запада. Поклоняясь монументу Свободы в Гудзоновом заливе, они как бы не ведают, что около дагестанского города Избербаш природа соорудила тысячетонный профиль Пушкина, который почему-то смотрит на восток, что ещё в античную эпоху Диоген предупреждал женщину, распростершуюся на земле перед священной статуей, словами: «Женщина, Бог вездесущ, ты не боишься, что Он зайдет сзади?».

Конечно, иностранные находки и достижения в области юриспруденции России можно заимствовать. Иногда даже нужно. Полезно лишь помнить, что мы отстаём от европейского экспресса в области социальной инженерии примерно на век, а по технологиям и экономике ещё больше. Зная ошибки предшественников по эволюции, избегай их и воспринимай только то, что лучше, чем у тебя, и что подходит тебе! Ан, нет; берём на вооружение только худшее. И для сферы борьбы с преступностью тоже. Кто не верит, тому стоит прочесть великолепную лекцию недавно почившего Ю. М. Лужкова, изданную отдельной книгой 20 лет назад².

Вывод очевиден: лучше обустроить внутреннюю жизнь государства на базе предшествующего национального опыта, а духовные займы за границей следует приравнивать к отечественной ментальности, к нашей этнической гидропонике. В противном случае вновь явится на российские просторы революционная буза, а наши заклятые партнёры вполне резонно будут относиться к нам, как к «Иванам, не помнящим родства», уверенно отбиваясь от наших обвинений в подкормке «пятой колонны» и т.д.

Вместе с тем, несмотря на приведённые выше соображения, жизнь показывает, что прошлое в снятом виде пробивается в будущее, несмотря на неэволюционные зигзаги. Новый правящий класс в новых социально-экономических координатах принуждён час-

тично использовать управленческие технологии прежнего режима хотя бы по той причине, что в социуме и после резких перемен продолжают существовать обыватели или инерционные жители, нуждающиеся в сохранении привычных порядков.

Вот и Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее в тексте – Руководящие начала) образовались не на пустом месте. *Во-первых*, 22 марта 1903 года Николай II подписал Уголовное уложение, признанное самым совершенным законом по борьбе с преступностью континента на рубеже веков. *Во-вторых*, европейская и русская интеллигенция того времени «заболели» социалистической идеей, которая воспринималась как восходящая теория, не загаженная политическими репрессиями и буйством ортодоксов. Хотя во Введении Руководящих начал и утверждается, что сей акт есть обобщение 2-х летнего практического опыта уголовной юстиции, это верно лишь частично, ибо политические и идеологические основы борьбы с преступностью в посткапиталистическом обществе были заложены ещё в XIX веке марксизмом, а для государства диктатуры пролетариата уточнены В. И. Лениным³. Посему обратимся к специализированному сборнику начала XX века, авторы которого (практически все виднейшие криминалисты Европы) искали связь социально-экономического строя и преступности и прогнозировали если не уничтожение, то резкое снижение делинквентного поведения с упразднением эксплуатации и частной собственности хотя бы на средства производства⁴.

В предисловии редактор пишет о классовой ангажированности уголовного права своей эпохи, о том, что «одни и те же интересы защищаются уголовными законодательствами не одинаково, но смотря по общественному положению потерпевшего»; что «некоторые интересы защищаются наказаниями, если они принадлежат одним классам, и остаются без всякой защиты, если их обладателем является другой класс» (с. I). И ещё одно важное обстоятельство: при капитализме «класс бед-

³ Ленин В. И. Конспект раздела о наказаниях пункта Программы партии о суде // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 408.

⁴ Уголовное право и социализм: сборник статей / перевод, под ред. и с предисл. М. Н. Гернета. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908.

¹ Цит. по: Горбаневский М. В. В начале было слово... М.: УДН, 1991. С. 52.

² Лужков Ю. М. Российские «законы Паркинсона». М.: Вагриус, 1999.

ных является почти исключительным поставщиком преступлений», что выглядит его «ненавистой привилегией». На этой основе в науке уголовного права существенное развитие и признание получило социалистическое направление, «насчитывающее в своих рядах, несмотря на ещё короткое существование, многих сторонников во всех государствах» (с. II).

Француз П. Лафарг утверждал, что «значительное большинство преступлений и проступков зарождается под давлением экономических условий, которые и определяют изменения рода и числа преступлений» (с. 7), но представители отраслевой теории этого как бы не видят и не признают – «по невежеству или из боязни разойтись с официальными взглядами» (с. 38). Голландец Бонгер резко критикует уголовную ответственность за нищенство и бродяжничество, ибо «первая причина» этого негативного социального явления «заключается в том, что в капиталистическом строе всегда существуют рабочие, которые не в состоянии продать свою рабочую силу» (с. 57), отчего они скитаются и выпрашивают подавание, и эта пагуба усиливается зимой (сезонные колебания экономики). Безнравственно попрекать несчастных в праздности, ибо «скитание по большим дорогам зимой не доставляет никакого удовольствия» (с. 59), плюс «справедливость требует, чтобы осуждению подвергались все лентяи вообще, а не только бедные» (с. 74).

Итальянский профессор Колоянни опровергает распространяемое властями европейских государств мнение, будто возрастание преступности порождено Интернационалом, анархизмом и социалистической пропагандой (с. 182). Применяв необычную методику, автор доказывает отсутствие корреляции между идеологией и делинквентным поведением масс (с. 202). Его «земляк» Энрико Ферри признаёт полезность социалистической доктрины для анализа преступности как социальной патологии, но критически относится к постулату новой теории, буквально захватившей континент, будто «с устранением нищеты иссякнет одновременно и источник всякой преступности» (с. 205), так как нищета не является «единственной причиной преступлений» (с. 207).

Наконец, англичанин Бельфор Бакс жёстко увязывает преступность с частной собственностью и даже предлагает классифицировать криминальные деликты на 1) личностные или вытекающие из «самой человеческой природы» и 2) «социальные», вытекающие «из стремления к выгоде или к владению» (с. 216). Отсюда логична его надежда на то, что «изме-

нение экономических условий (при социализме – А.Б.) будет иметь своим непосредственным результатом исчезновение преступлений, тесно связанных с собственностью» (с. 217-218). Пока же они заслуживают «наибольшего снисхождения» (с. 221), поскольку совершаются эти деяния не из-за нравственной испорченности их авторов, а в силу «отсутствия обеспеченных средств существования» (с. 225). Заключительные же мысли Бакса таковы: «Если ... в одном классе преступления совершаются лишь по исключению, а в другом зауряд, несмотря на то, что оба класса живут бок-о-бок и дышат одной и той же нравственной атмосферой христианской цивилизации..., отличаясь друг от друга лишь своим материальным положением и непосредственно вытекающими из этого положения последствиями, – то можно ли иметь другое более наглядное доказательство тесной зависимости, которая существует между преступлением и экономическими условиями жизни?» (с. 225-226).

Теперь обратимся к содержанию векового «юбиляра»¹, который состоит из 8 разделов и 27 статей, выглядит как рамочный закон по борьбе с преступностью, как квази-Общая часть (прежнего) уголовного уложения или (будущего) Уголовного кодекса. Самыми крупными подвижками данного нормативного акта, покоящимися на достижениях царского периода и социалистической теории, на наш взгляд, являются следующие положения.

1. В Руководящих началах впервые сформулировано формально-материальное понимание преступления, что легко объяснимо: если новая власть выражает интересы большинства населения, ей нечего стесняться и утаивать ту истину, что преступление – не столько государством запрещенное поведение, но прежде всего деяние, разрушающее господствующую систему общественных отношений (раздел I и ст. ст. 5-7 III раздела).

2. В оцениваемом акте в соответствии с доктриной марксизма откровенно провозглашается классовый подход для сферы борьбы с преступностью, что можно объяснить и начавшейся гражданской войной, но что нельзя оправдать в рамках классического уголовного права (Введение, статьи 9-10, 12).

¹ Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. 28.12.1919. № 66. Ст. 590.

3. В Руководящих началах закреплён прекраснотезис о том, что со временем, в том числе благодаря применению уголовно-правовых норм, отпадёт необходимость в существовании государства и права («только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства» – Введение).

4. Объявление тезиса о социальной детерминированности преступного поведения закономерным образом обеспечили гуманную трактовку наказания (ст. 19) и закрепление задачи индивидуализации наказания как пролога принципа справедливости уголовной ответственности (ст. ст. 11 и 25).

5. Защиту устанавливаемого общественного порядка от преступных посягательств Советская власть увязывала, помимо прочего, и с «приспособлением» виновного к новым порядкам, что есть прообраз ранее не известной уголовному праву цели исправления. Естественен вопрос: почему именно пролетарское государство учредило педагогическую задачу? В нашем понимании логика таковой подвижки очевидна: в результате экспроприаций и обобществлений гегемону был переданы в собственность средства производства, природные ресурсы, накопленные трудом предыдущих поколений материальные богатства и интеллектуальный багаж. На этой основе новый правящий режим рассчитывал, что ставшая всесильным классом прежняя голытьба будет вести себя прилично или законопослушно, ибо это в её интересах. Ан, нет. Как действовать по отношению к новому хозяину страны – не изолировать же и не уничтожать его физически (ст. 10)? Вот разработчики Руководящих начал и решили использовать уголовную репрессию для класса-победителя в качестве средства мягкой социализации.

6. Обычно отчаянно критикуемый в отечественной науке (особенно в 90-е годы прошлого века) отказ Советской республики от уголовного законодательства царизма со ссылками на его неестественность в условиях совершенно нового социально-экономического и политического уклада («Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть», должен был сломать «все буржуазное право как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)» – Введение) не стыкуется с абсолютно

идентичной логикой нынешней власти, выраженной в пояснительной записке к единственному официальному проекту УК РФ 1994 года.

Последнее соображение должно послужить мостиком для сравнения действующего Уголовного кодекса Российской Федерации с Руководящими началами – для проверки генеалогии уголовно-правовой мысли и выявления опасностей, порождённых очередным революционным романтизмом. А таковые имеются:

а) криминальная приватизация породила громадное имущественное расслоение российского общества, что создало почву для рецидива вроде бы отброшенного цивилизацией на свалку истории кастового подхода – системы предпочтений в пользу нового политически и экономически господствующего класса. Это выражается в многочисленных послаблениях материально-правового и процессуального порядка для класса собственников, совершающих экономические преступления. Произошло то, что профессор Н. Ф. Кузнецова назвала «реваншем» крупной «олигархической» (читай «криминальной») буржуазии» у плебса за 1917 год¹, поскольку «именно интересы этого класса были пролоббированы в декабрьской реформе УК», а «проолигархическую» нацеленность вне сомнений имело исключение в ФЗ от 8 декабря 2003 г. из видов наказаний конфискации имущества»;

б) перехлест с упоением новыми привозными идеологемами Запада (пропаганда только прав и свобод при умолчании обязанностей, заявление приоритета частного интереса над коммунальными потребностями) означает не только внедрение протестантского эгоизма или идеологии меньшинства, но и надругательство над исконно коммунальной нравственностью россиян, что резко снизило саморегуляцию и защитные механизмы социума;

в) как и «просвещённый» Запад Россия в действующем Уголовном кодексе демонстрирует повышенную заботу о преступнике (что в плане гуманизации наказания и улучшения условий его отбывания по мере повышения

¹ Кузнецова Н. Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и её значение для современности: материалы V Международной научно-практической конференции (26-27 мая 2005 г.). М.: ЛексЭст, 2006. С. 255, 256, 258, 268.

стандартов жизни общества не порицаемо), но должного внимания к законопослушным потерпевшим или «Золушкам уголовного правосудия» не проявляет¹;

г) однако последствия революционного экстаза 80-90-х годов прошлого века, нашедшие отражение в уставном и отраслевом законодательстве, значительно шире. *Во-первых*, под флагом личностного подхода и гуманизма односторонне возвеличена идея субъективного вменения и предано анафеме т.н. объективное вменение (ст. 5 УК РФ), что создало нормативную основу для преследования инакомыслия или уголовной ответственности за одни мысли и намерения, т.е. без внешнего поведения граждан. *Во-вторых*, звонкие речи о правах и свободах человека и гражданина не подкрепляются уровнем их защиты в специализированной главе 19 Кодекса. *В-третьих*, вопреки торжественно провозглашённому приоритету личного интереса над общественным и государственным уголовная ответственность за бюджетные преступления введена только в 2003 году и по своему размеру значительно уступает наказуемости налоговым деликтам.

Имущественное расслоение провоцирует не только отступление от принципа формального (юридического) равенства, который более 200 лет составляет достояние человечества, но и влечёт другие опасные трансформации в законодательстве и управлении: суды и судьи перестали быть «народными»; милиция или «народное ополчение» показательно переименована в «полицию»; соотношение численности вооружённых сил и военизированных под-

разделений, направленных на обеспечение «внутренней» безопасности, изменилось по сравнению с советским периодом строго на оборот.

Параллельно и попутно множатся случаи показательной демонстрации материальных богатств и не вызываемого какими-либо здоровыми причинами правонарушительного поведения в исполнении т.н. «золотой молодежи», а также оскорбительных высказываний о нижних слоях общества со стороны территориальных чиновников. Опасные тенденции, которые в мировой истории играют роль фитиля на базе социальной несправедливости. Имущественное неравенство и порождаемая им социальная несправедливость понуждает власти и отчасти социальную науку прибегать к политико-юридическим эвфемизмам – особым синонимам, которые и в хорошо устроенном обществе культивируются исключительно по нравственным расчётам, как более щадящие слова для обозначения социальных неловкостей. Ныне же наметилась тенденция использовать специально изобретаемую терминологию как дымовую завесу для прикрытия социальных неприглядностей, которые нервируют большинство или неимущую часть общества. Вот и пошло-поехало: «страты» вместо «классов»; «государственная измена» вместо «измены Родине»; «коллекторы» вместо «вышибал»; оборот товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК), а равно обращение фальсифицированных лекарственных средств (ст. 239) вместо продовольственного и лекарственного «геноцида» населения в исполнении отечественного бизнеса; «минимизация налогообложения» вместо преступного неисполнения конституционной обязанности; «нецелевое расходование средств» (ст. ст. 285¹ и 285²) вместо банального казнокрадства. *Итожим*: обращение по юбилейному поводу к первому нормативному акту по борьбе с преступностью Советской власти показывает, что в нём: а) грубым и непригодным для классического уголовного права образом выражались интересы большинства населения; б) введены материальное понимание преступления и (в зачаточном виде) воспитательная цель наказания; в) сохранены выработанные в период царской империи: понимание охранительного предназначения уголовного права; особый режим ответственности несовершеннолетних; принцип индивидуализации наказания; нормы о невменяемости и исключительных состояниях, оправдывающих причинение вреда; виды соучастников; условное осуждение и территориальный принцип действия уго-

¹ См. наши публикации на сей счёт: Пределы терпения потерпевшего от преступления и презумпция его правоты // Юридический вестник РГЭУ. 2003. № 1 (25). С. 44-50; Потерпевший от преступления // Законодательство. 2003. № 11. С. 57-67; Потерпевший от преступления в международном и национальном законодательстве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III Международной научно-практической конференции. М.: «ЛексЭст», 2004. С. 379-394; О золушке уголовного правосудия замолвите слово... // Южнороссийский адвокат. № 04 (15). Август-октябрь 2005. С. I-IX; Битый небитого везёт? // Судья. 2017. № 11. С. 23-29; а также: Абдрасулова К. Р., Алауханов Е. О., Бойко А. И. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв: научно-практическое пособие. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013.

ловного закона в пространстве. Учитывая важную роль для сохранения гражданского мира справедливых правил распределения природных богатств и произведённого населением валового продукта, можно уверенно прогнозировать,

что упразднение социалистического строя не ликвидировало идею равенства, особо болезненно проявляющую себя в такой чувствительной, человековредительской отрасли юриспруденции, как уголовное право¹.

Список цитируемой литературы:

1. Абдрасулова К. Р., Алауханов Е. О., Бойко А. И. Защита потерпевших от преступлений: государственная забота и благоразумие потенциальных жертв: научно-практическое пособие. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. 232 с.
2. Бойко А. И. Потерпевший от преступления // Законодательство. 2003. № 11. С. 57-67.
3. Бойко А. И. Потерпевший от преступления в международном и национальном законодательстве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники: материалы III Международной научно-практической конференции. М.: «ЛексЭст», 2004. С. 379-394.
4. Бойко А. И. Пределы терпения потерпевшего от преступления и презумпция его правоты // Юридический вестник РГЭУ. 2003. № 1 (25). С. 44-50.
5. Бойко А. И. Битый небитого везёт? // Судья. 2017. № 11. С. 23-29.
6. Бойко А. И. О золушке уголовного правосудия замолвите слово... // Южнороссийский адвокат. № 04 (15). Август-октябрь 2005. С. I-IX.
7. Голик Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб. Юридический центр-Пресс, 2007. 66 с.
8. Горбаневский М. В. В начале было слово... М.: УДН, 1991.
9. Кузнецова Н. Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество // История развития уголовного права и её значение для современности: материалы V Международной научно-практической конференции (26-27 мая 2005 г.). М.: ЛексЭст, 2006.
10. Ленин В.И. Конспект раздела о наказаниях пункта Программы партии о суде // Полн. собр. соч. Т. 38.

The list of the quoted literature:

1. Abdrasulova K.R., Alaukhanov E.O., Boyko A.I. Protection of victims from crimes: state care and prudence of potential victims: a Scientific and practical guide. Rostov n/D: Izd-vo of Rankhigs URIF, 2013. 232 p.
2. Boyko A.I. Victim of crime // Legislation. 2003. № 11. Pp. 57-67.
3. Boyko A.I. Victim of crime in international and national legislation // International and national criminal legislation: problems of legal technique. Proceedings of the III International scientific and practical conference. – Moscow: "Lexest", 2004. Pp. 379-394.
4. Boyko A.I. The limits of patience of the victim of the crime and the presumption of his rightness // Legal Bulletin of the Russian state University. 2003. № 1 (25). Pp. 44-50..
5. Boyko A.I. Broken unbroken lucky? // Judge. 2017. № 11. Pp. 23-29.
6. Boyko A.I. Put in a word about the Cinderella of criminal justice... // South Russian lawyer. № 04 (15). August-October 2005. S. I-IX.
7. Golik Yu.V. the socialist idea and the need to reflect it in criminal law and in criminal law. SPb.: Law center Press, 2007. 66 p.
8. Gorbanevskiy M.V. In the beginning was the word... Moscow: UDN, 1991..
9. Kuznetsova N.F. Science of Russian criminal law and lawmaking // History of criminal law and its significance for the present: Proceedings of the V International scientific and practical conference 26-27 may 2005. Moscow: Leksest, 2006
10. Lenin V.I. Synopsis of the section on punishments of the party Program item on the court // Full. Coll. Op., vol. 38.

¹ Голик Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб. Юридический центр-Пресс, 2007.

11. Лужков Ю.М. Российские «законы Паркинсона». М.: Вагриус, 1999. 81 с.

12. Уголовное право и социализм: сборник статей / перевод, под ред. и с предисл. М. Н. Гернета. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 226 с.

11. Luzhkov Yuri. The Russian «laws of Parkinson». M.: Vagrius, 1999. 81 p.

12. Criminal law and socialism: collected articles / Translated, edited and with a Foreword by M. N. Garnet. M.: Typography T-VA I. D. Sytin, 1908. 226 p.

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
РСФСР 1919 ГОДА:
100 ЛЕТ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СРЕЗ)**

Статья написана в рамках проекта 18-29-14028, поддержанного РФФИ

**CRIMINAL LAW GUIDELINES OF THE RSFSR 1919: A CENTURY
OF HOPE AND FRUSTRATION
(HISTORICAL AND CRIMINAL ASPECTS)**

Article written as part of project 18-29-14028, supported by RFFI

Козаченко И.Я.

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного
права*

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»*

(г. Екатеринбург)

Kozachenko I.Ya.

Doctor of Juridical Sciences, Professor

Head of the Criminal law department

Ural State Law University

(Yekaterinburg)

Ключевые слова: Руководящие начала, преступление, соучастие, наказание, виды наказания, меры наказания, условное осуждение, несовершеннолетний.

Аннотация: Статья посвящена историческому и уголовно-правовому анализу Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года, столетие которого отмечает в текущем году юридическая общественность Российской Федерации. В статье сделана попытка показать не только негативную фактуру содержания и функций данного документа, но и раскрыть богатство прогностической преемственности основных его институтов.

Keywords: Guidelines, crime, abetting, punishment, kinds of punishment, punitive measures, conditional sentence, under age.

The summary: The article is devoted to historical and criminal analysis of the “Criminal law guidelines of the RSFSR” issued in 1919 in view of its centenary celebrated by legal community of Russian Federation this year. The author attempts not only to reveal the ominous aim and functions of this instrument but to show its predictiveness in continuity of main institutes.

12 декабря 2019 года вся уголовно-правовая общественность будет отмечать столетие со дня подписания заместителем Комиссара Юстиции РСФСР важного документа, содержащего в себе на тот исторический период положительный, равно как и отрицательный опыт борьбы с преступностью. У данного документа особенно ярко проявили себя две грани: историческая и уголовно-правовая.

Что касается первой, то она позволяет заключить – историческая необходимость его появления была предопределена своеобразием содержания и динамикой развития революционного процесса. Революция по самой своей сути – это ломка, разрушение, отрицание любой эволюционной инициативы. Ход развития революционных процессов и их результаты самой судьбой и неизбежно придают им криминальный оттенок и провоцируют криминальные всплески в социальном секторе общества.

И когда критическая масса криминального вала достигла предельно допустимых параметров, а успехи противостояния оказались слишком слабы, возникла потребность в обобщении и анализе достигнутого в этом секторе развития молодого государства, выработке необходимых правил и коррекции уже существующих. Если прошлое позволяет ответить на вопрос, как развивались процессы становления нового государства, настоящее обращает внимание на то, чего мы в этом достигли, то будущее подсказывает нам, куда двигаться. Именно эту миссию в определенной степени и выполнили, на мой взгляд, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года (далее по тексту – Руководящие начала).

Вторая, уголовно-правовая, грань анализируемого правового по смыслу документа позволяет заметить, что он разрабатывался и утверждался в условиях бессистемности, содержательно-функциональной спонтанности, эвристической разобщенности идей, пронизывающих уголовно-правовую материю, которая и была положена в основу ведущей концепции Руководящих начал.

И все же, вряд ли правильным будет утверждение о том, что Руководящие начала есть плоть от плоти порождение лишь хаоса и сумбура. Перефразируя сказанное М.А. Горьким о

поэзии А. Блока, имеет смысл сказать, что Руководящие начала есть, прежде всего, эхо революционных процессов, бороздящих мятежные российские просторы, а не только нянька революционных составителей этого многострадального документа¹. Вполне объяснимо, что он несет на себе печать доктринальной культуры, законотворческой и правоприменительной практики, уровень правосознания населения, а не только элитарной его составляющей, уголовной политики того исторического прошлого.

В этой связи будет вполне оправданным анализ Руководящих начал в рамках тех исторических и уголовно-правовых реалий, которые не только слепо следовали за ходом историко-правовых событий, но в достаточно степени обуславливали эти события, вынуждая официальную власть принимать нестандартные и сиюминутные решения, которые, в силу этих же условий, как потом покажет время, были не всегда продуманными и верными.

В то далекое историческое время российский обыватель (в хорошем смысле этого слова) был очень далек от категории людей, в благородной душе которых отбивает непрекращающиеся ритмы сознание сопричастности к тому великому и судьбоносному, что год за годом одновременно ложится на весы праведности и греховности, добра и зла. Российский человек сполна хлебнул горькую чашу разочарований, испытывая при этом далеко не сладостный привкус горя и бед, так безжалостно «бороздивших» его тело и душу.

Что же отразили своим появлением Руководящие начала? Прежде всего то, что пролетариат, «завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения (почему только – И.К.) рабочих масс»². Эта же участь постигла и «все кодексы буржуазных законов», в том числе и уголовных.

¹ Блок Александр. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит., 1968. С. 6.

² Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.

Как говорят в народе, «ломать не строить». Сломать-то сломали, а что же дальше? А дальше авторы Руководящих начал провозглашают с оттенками некоего пафоса, что «без особых правил, без кодексов вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями».

Для Руководящих начал характерна революционная риторика, породившая такую зловещую содержательную модель, как «классовый враг». Именно она, зародившись в недрах зловещих революционных преобразований, спустя некоторое время достаточно легко и без особых пояснений и оправданий переключалась в «лоно» советской законодательной лексики в виде не менее страшного и безжалостного смыслового формата «враг народа».

Можно даже только по этому признаку (факту) обозначить жесткую, если не сказать «жестокую», связь между уголовно-правовыми и криминальными событиями, имевшими место в конце 20-х и 30-х годов. Руководящие начала со своей революционной бесшабашностью и карательной беспределностью выступили в роли спускового причинного механизма, со всей силой проявивших себя в жуткие 37-е.

Данный бесчеловечный постулат был вполне неизбежен в рамочных условиях, при которых «окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства».

Вместе с тем Руководящие начала, неся на себе «каинову печать» своего трудного и сложного времени, способствовало в силу возможности зарождению ростков нового уголовного права и уголовного законодательства. Что очень важно отметить, новому – не в смысле было буржуазное, а стало советское, а в смысле сущностного понимания уголовного права как «системы (порядка) общественных отношений» – прообразу уголовного права как социальной ценности. Правда, авторы Руководящих начал эту позитивную идею не отразили в дальнейших своих рассуждениях, так как в ст. 2 говорится уже о другом, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры...», то есть о прообразе уголовного закона.

Проблему, которой лишь вскользь коснулись авторы Руководящих начал, и сегодня нельзя считать решенной. И если о ней не говорят, то не потому, что данная проблема себя исчерпала, а потому, что

ее просто не хотят замечать. Рассуждая о том, что уголовное право – это прежде всего система общественных отношений, авторы Руководящих начал пошли дальше. Они закрепили положение, согласно которому эта система общественных отношений охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания).

Естественно, что уголовное право не исчерпывается лишь системой общественных отношений, они есть лишь ядро уголовного права. В социальном контексте категория «уголовное право» тесно контактирует с такими институтами, как мораль, нравственность, обычаи, традиции, и другими формами проявления личной, общественной и государственной жизни социума. В этой связи уголовное право, как социальная реальность, должна охраняться от преступного посягательства, причем в немалой степени с помощью уголовного закона.

Именно эту задачу закрепили авторы в ст. 3 Руководящих начал. В ней, в частности, оговаривается, что уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс. Правда, в этом размытом постулате ощущается сильный привкус политической риторики, нежели прагматический уголовно-правовой смысл. Так, например, вряд ли допустимо утверждение авторов данного документа о том, что «трудящиеся массы» организовались в «господствующий класс». Столь смелое заявление привело бы в тупик даже отцов самых фантастических утопических учений.

Вряд ли оптимистично звучит послы, в соответствии с которым задача уголовного права будет (должна) решаться «посредством репрессии», хотя строго судить авторов Руководящих начал за столь излишне суровый императив вряд ли справедливо. Суровое время требовало не менее суровых мер реакции на любые, а тем более тяжкие, посягательства на молодое советское государство.

Позитивно воспринимаются положения Руководящих начал, касающиеся определения понятия преступления (нарушение порядка общественных отношений), и указание на основания криминализации деяний (необходимость борьбы государственной власти с пре-

ступниками). Этому вопросу была посвящена специальная авторская статья¹.

Достаточно емким по содержанию (и этому есть оправдание) являются разделы, посвященные проблемам наказания: его содержанию, системе, видам, условиям назначения и освобождения от него². В частности, Руководящие начала определяют наказание (правда, слишком широко) как меры принудительного воздействия, посредством которых власть (имеется в виду государственная, хотя об этом и не говорится) обеспечивает данный порядок общественных отношений от его нарушителей. И хотя составители Руководящих начал закрепили в ст. 8 задачу наказания, что, естественно, можно оценить позитивно, она в своей содержательной части совпадает с задачей уголовного права с незначительными расхождениями. Так, если задача уголовного права заключается в охране системы общественных отношений, то задача наказания находит свое выражение в охране общественного порядка.

Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, Руководящие начала предлагают тремя приемами (методами): а) методом приспособления преступника к данному общественному порядку; б) если преступник не поддается приспособлению, методом его изоляции; в) в исключительных случаях (очевидно, когда названные методы не срабатывают) – с помощью физического уничтожения преступника. Физическое уничтожение предполагает любую, в том числе и внесудебную, расправу. К сожалению, время показало, что внесудебная расправа оказалась не словесной фигурой речи, а суровой действительностью.

Все меры, с помощью которых можно было оказывать влияние на лиц, совершивших преступление, Руководящие начала разделили на четыре группы: «наказание» – ст. 10; «меры воздействия» – ст. 11; «меры наказания» – ст. 12; «виды наказания» – ст. 25. Столь вольный разбег в терминологической неопределенности

¹ Козаченко И.Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 31-35.

² Козаченко И.Я. Наказание в огранке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Проблемы истории общества, государства и права: сб. научных статей. Вып. 6. Екатеринбург.

того, что хоть какое-то отношение имеет к наказанию, вряд ли можно расценивать как достоинство этого важного документа. Тем более, что виды наказаний, о которых речь идет в ст. 25, носят примерный характер, что неизбежно приводит к мысли о том, что суд при выборе вида наказания может назначить любое, по его усмотрению, наказание. Вряд ли подобного рода судебный беспредел может красить любой, а тем более столь важный документ, к которому относятся Руководящие начала. И хотя перечень наказаний, о котором говорится в ст. 25 Руководящих начал, носит примерный характер, в качестве позитивного фактора можно назвать наличие в этом перечне признаков системности. Так, в основе этого перечня заложен принцип экономии уголовной репрессии, в силу чего все виды наказания расположены по ранжиру – от менее тяжких к более тяжким; в данном случае в диапазоне от влечения и до расстрела, а также с возможностью сочетания указанных в ст. 25 видов наказания. Последнее вряд ли является положительным, так как в данном случае за одно преступление безальтернативно можно назначать два и более наказания. При этом в документе не оговаривается, что сочетание основного наказания возможно лишь с дополнительным наказанием, как это принято в настоящее время.

Указанные в ст. 25 виды наказания подлежат разделению на те, которые, отработав свой революционный ресурс, по умолчанию ушли со сцены «борьбы с преступностью», и те, которые, выдерживая сильнейшее давление организованного и практически вооруженного преступного вала, пройдя испытания временем, и сегодня, совместно с иными правовыми и неправовыми регуляторами, верно служат отечеству.

К первой группе нужно отнести влечение, выражение общественного порицания, принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, прохождение известного курса обучения), объявление под бойкотом, исключение из объединения на время или навсегда, отрешение от должности, лишение политических прав, объявление врагом революции или народа, лишение свободы на неопределенный срок до наступления известного события, объявление вне закона. Что же характерно для данного перечня наказаний? В них отпадала надобность по мере исчезновения условий, которые ранее были востребованы, и потому те или иные виды наказаний «отмирили» неизбежно, но в разных криминальных режимах.

Вторую группу составили восстановление, а при невозможности такового – возмещение причиненного ущерба, конфискация всего или части имущества, принудительные работы без помещения в места лишения свободы, лишение свободы на определенный срок, расстрел. Наглядно, что эти виды наказания столь же «уютно» чувствовали себя на страницах Руководящих начал, сколь «комфортно» им и сегодня на страницах Уголовного кодекса Российской Федерации даже в 2019 году (в дальнейшем по тексту – УК РФ).

Вполне благородно на фоне прекращающихся кровавых столкновений событий прошлого и настоящего времени воспринимаются слова, зафиксированные в ст. 10 Руководящих начал: «Наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

В заслугу авторам Руководящих начал следует поставить то, что они при описании условий (факторов), необходимых при назначении наказания (наказаний), особой строкой выделяли обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. К первым они относили: совершение преступления неимущим в состоянии голода или нужды, совершение деяние в интересах восстановления власти угнетенного класса, совершение преступления по невежеству и неосознанности, совершение преступления впервые, совершение преступления единолично преступником, совершение преступления без насилия, совершение преступления против имущества, совершение деяние в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности. Может быть, не так, как хотелось бы, но целый ряд смягчающих, равно как и отягчающих наказание обстоятельств перекликаются с теми, которые закреплены и в УК РФ. В частности, совершение преступления лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, совершение преступления в интересах личных совершающего деяние, совершение деяние профессиональным преступником (рецидивистом), совершение деяния группой, шайкой, бандой, совершение деяния посредством насилия над личностью, совершение деяния против личности, совершение деяния с заранее обдуманным намерением, с жестокостью, злобой, коварством, хитростью.

Современно звучит тезис с требованием, чтобы суд, определяя меры воздействия на подсудимого, оценивал степень и характер (свойство) опасности для общезжития как самого преступника, так и совершенного им деяния (ст. 11). В этих целях суд должен многогранно изучать личность преступника и совершенное им деяние, насколько оно «в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности».

Детально и вполне квалифицированно изложены основания и прописаны условия неприменения наказания. Так, не подлежат суду и наказанию несовершеннолетние до 14 лет и лица переходного возраста – 14-18 лет – ст. 13; лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не давали себе отчета в своих действиях, а также тот, кто хотя и действовал в состоянии психического равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К ним применимы лишь лечебные меры и меры предосторожности, хотя, что это означает, можно только гадать (ст. 14).

Довольно серьезно и, как мне представляется, юридически просто и грамотно прописан в Руководящих началах институт необходимой обороны (ст. 15).

Отстоял право на существование институт, который в нынешней трактовке сформулирован как освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ).

Удачными можно признать положения, которые Руководящие начала отнесли к стадиям осуществления преступления (ст. 17-20). Однако вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая, по мнению авторов данного документа, определяется степенью опасности преступника. В приведенном контексте выражена концепция опасного состояния личности, которая в тот период времени входила в перечень приоритетных.

Аналогичное мнение авторы Руководящих начал высказали и относительно института соучастия. В ст. 21 в императивном контексте закреплен тезис о том, что мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния. Однако данное утверждение следует признать противоречивым, так как, например, пособником Руководящими началами признается лицо, которое непосредственного участия в выполнении преступного деяния не прини-

мало (ст. 24). Подобная неясность присутствует и при определении меры наказания подстрекателю (ст. 23).

Вполне приемлемой можно признать редакцию института условного осуждения. Его положения мы находим и в действующем УК РФ.

Подводит итоговую черту закрепленное в ст. 27 Руководящих начал положение о действии уголовного закона в пространстве. Оно не утратило своего актуального звучания и сегодня. Действие уголовного закона в пространстве, по крайней мере по тексту данного документа, приводится безотносительно к действию его во времени, и это говорит о том, что в тот исторический период время совершения преступления, как и обратная сила закона, еще не получили своего автономного значения.

Выход в свет Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года был предопределен желанием авторов этого документа подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения.

Если исключить пафосный фон Руководящих начал и попытаться ответить на неиз-

бежно возникающий вопрос, а ради чего (и кого) нужно делать выводы и необходимые обобщения, то с определенной долей оговорок можно заключить, что основным адресатом Руководящих начал является законодатель. Это он должен «в интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий ... выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть».

Руководящие начала, несмотря на свою аксиоматичность и пролетарскую категоричность, должны расцениваться не столько как нормативный документ, а сколько как документ рекомендательного характера. Именно этим в определенном смысле можно объяснить определенного рода превосходство патетики формы над рациональной холодностью содержания, что, в частности, нашло свое отражение и в названии этого документа.

Многим надеждам, так «уютно» себя чувствующим в тексте данного документа, так и не суждено было сбыться. И вот уж сто лет витает дух разочарований над ажурным сводом радужных надежд.

Список цитируемой литературы:

1. Блок Александр. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит., 1968. С. 6.
2. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.
3. Козаченко И.Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 31-35.
4. Козаченко И.Я. Наказание в огранке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Проблемы истории общества, государства и права: сб. научных статей. Вып. 6. Екатеринбург, 2019.

The list of the quoted literature:

1. Block A. Poems. M.: Hud. Lit. 1968. P.6.
2. Chrestomathy on History of Home State and Law in 1917-1991. M.: Zercalo. 1997. P. 63-68.
3. Kozachenko I.YA. Historical experience of criminalization: to the centenary of the Guiding principles on criminal law of the RSFSR // Rossijskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka. 2019. №2. P. 31-35.
4. Kozachenko I.YA. Punishment in terms of the Guiding principles on criminal law of the RSFSR // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Sbornik nauchnyh statej. №6. Yekaterinburg. 2019.

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА 1919 ГОДА
КАК ПРООБРАЗ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РСФСР 1922 ГОДА**

**THE GUIDING PRINCIPLES 1919
AS A PROTOTYPE OF THE GENERAL PART
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR 1922**

Чучаев А.И.

*профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва),*

Chuchaev A.I.

*Professor of Chair of criminal law of
Kutafin Moscow State Law University, Doctor of
Law, Professor
(Moscow)*

Грачева Ю.В.

*профессор кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва),*

Gracheva Yu.V.

*Professor of Chair of criminal law of
Kutafin Moscow State Law University, Doctor of
Law, Professor
(Moscow)*

Маликов С.В.

*старший преподаватель кафедры уголовного
права*

*Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Malikov S.V.

Leading Lecturer of Chair of criminal law of

Kutafin Moscow State Law University, Candidate of
Law

(Moscow)

Ключевые слова: постановление, Наркомюст РСФСР, Руководящие начала, структура, введение как особый структурный элемент, преступление, вина, наказание, меры социальной защиты, УК РСФСР 1922 г.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы концептуальных основ постановления Наркомата юстиции РСФСР от 22 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», авторства документа, его структуры, дается характеристика основных положений Начал, их соотношения с аналогичными положениями Общей части УК РСФСР 1922 г., исследуются соответствующие уголовно-правовые воззрения 1917–1922 гг., определяется значение указанного постановления для дальнейшего развития советского уголовного законодательства и теории уголовного права.

Keywords: resolution, people's Commissariat of Justice of the RSFSR, Guiding principles, structure, introduction as a special structural element, crime, guilt, punishment, social protection measures, Criminal code of the RSFSR 1922.

The summary: The article is devoted to the questions of the conceptual foundations of the decision of the people's Commissariat of justice of RSFSR from December 22, 1919 "The Guiding principles on criminal law of RSFSR", of authorship of the document, its structure, the characteristic of the main provisions of the Principles, their relations with similar provisions of the General part of the criminal code of RSFSR of 1922, researched relevant criminal legal views 1917–1922, is determined by the value of the specified resolution for the further development of Soviet criminal legislation and theory of criminal law.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее по тексту – Руководящие начала), как известно, не имеют Особенной части и, помимо введения, состоят из восьми разделов: 1) об уголовном праве; 2) об уголовном правосудии (норма, содержащаяся в этой главе, имеет не уголовно-правовой, а судоустройственный и процессуальный характер); 3) о преступлении и наказании; 4) о стадиях осуществления преступления; 5) о соучастии; 6) о видах наказания; 7) об условном осуждении; 8) о пространстве действия уголовного права. Указанные разделы включают в себя 27 статей. Характеризуя структуру Руководящих начал, В. П. Коняхин пишет, что они

унаследовали многие черты общей части дореволюционного уголовного законодательства¹.

Введение (преамбула) – нетипичный элемент нормативного правового акта первых лет советской власти. В литературе его наличие объясняется особенностями сложившегося момента. При разработке Руководящих начал авторы документа вынужденно преследовали решение по крайней мере двух взаимосвязанных задач: во-первых, дать судам и военным трибуналам необходимые ориентиры в определении преступности и наказуемости деяния;

¹ См.: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 61-62.

во-вторых, в самом сжатом виде сформулировать общее представление о задачах и сущности советского права вообще и уголовного права в особенности¹.

Некоторые ученые о введении высказывались достаточно восторженно², другие же, наоборот, достаточно резко его критиковали³.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не имеет введения. Его Общая часть состояла из пяти глав, охватывавших 56 статей: 1) пределы действия уголовного закона; 2) общие начала применения наказания; 3) определение меры наказания; 4) роды и виды наказаний; 5) порядок отбывания наказания. Нетрудно заметить, что последняя глава как по названию, так и по содержанию в целом имеет уголовно-исполнительный (исправительно-трудовой) характер и включена в Уголовный кодекс без достаточных оснований.

В отличие от Руководящих начал УК РСФСР не содержит положений, имеющих общетеоретический характер, тогда как в ст. 1 Начал дается дефиниция права вообще, отражающая взгляды П. И. Стучки на природу и сущность социалистического права⁴. В ст. 2 и 3 Руководящих начал закрепляется понятие уголовного права и формулируются его задачи.

Определение права вообще и уголовного права в частности вызвало ряд критических замечаний⁵. Н. В. Крыленко обоснованно писал, что право не может быть системой общественных отношений, оно представляет собой «... писаное выражение данной системы общественных отношений»⁶.

¹ Известный польский криминалист И. Андриев прямо сравнивал введение с конспектом учебника (см.: Андриев И. Очерки по уголовному праву социалистических государств. М., 1978. С. 20).

² См.: Булатов С. Я. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4. С. 127.

³ См., напр.: История советского уголовного права. М., 1948. С. 161.

⁴ См.: Стучка П. И. Что такое право? // Революционная роль советского права. М., 1934. С. 18.

⁵ Подробный критический анализ см.: Подволоцкий М. Марксистская теория права. М., 1923. С. 149-150, 161.

⁶ Крыленко Н. В. Судостроительство в РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М.,

На наш взгляд, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Сопоставление содержания ст. 1 и 2 Руководящих начал свидетельствует о наличии известного противоречия; получается, что право, являясь системой общественных отношений, само призвано охранять систему последних.

В литературе утверждается, что впервые в истории уголовного законодательства понятие преступления, сформулированное в Началах, основано на его материальной характеристике⁷: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)» (ст. 5 и 6). Как известно, материальное понятие преступления показывает его социальную сущность; оно содержит такой признак, как общественная опасность, причем отраженный в дефиниции не в абстрактной форме, а с указанием той социальной ценности, которой деянием причиняется вред. Поэтому приведенное утверждение не совсем точно. Советский законодатель уже в одном из первых своих актов (в ст. 3 Декрета II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. «О земле»⁸) указывает этот признак преступления⁹. Правда, следует заметить, что в этом случае речь идет не о родовом понятии преступления (преступления как такового), а скорее, его видовой характеристике (преступлений против собственности).

Несмотря на достаточно отчетливое отражение материального признака преступления в его дефиниции, в 1920-е гг. высказывалось мнение, что «... Руководящие начала, вполне ясно формулируя классовую природу советского уголовного права, тем не менее давали лишь формальное определение преступ-

1924. С. 112; Он же. Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924. С. 23-24.

⁷ См., напр.: Булатов С. Я. Указ. соч. С. 129.

⁸ СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3.

⁹ Об этом же прямо говорит П. Г. Мишунин (см.: Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права. М., 1954. С. 152).

ления»¹. На наш взгляд, как раз наоборот: формальный признак преступления (предусмотренность в уголовном законе) практически не просматривается, в дефиниции лишь говорится о нарушении «порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»². Нетрудно убедиться, что из этого прямо не вытекает вывод о формальном определении преступления (указание на «порядок ... общественных отношений, охраняемый уголовным правом» само по себе еще не свидетельствует о противоправности как признаке преступления)³. Как нам представляется, отсутствие указания на уголовную противоправность вполне объяснимо – оно связано с возможной аналогией уголовного закона, получившей нормативное закрепление в УК РСФСР 1922 г.

Уголовный кодекс РСФСР преступление определяет несколько иначе⁴. В ст. 6 говорилось: «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»⁵. «Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или дея-

тельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7). Таким образом, сохранив материальную характеристику преступления, законодатель в дефиниции никак не упоминает его уголовную противоправность. В этом есть определенная логика: наличие последней и аналогия закона (ст. 10 УК РСФСР) взаимно исключают друг друга.

Руководящие начала не содержат понятия вины, не указывают на ее формы. Скорее всего, сказались метания представителей науки уголовного права. Ряд ученых, исходя из социологической концепции, отрицали значение вины как субъективного элемента основания уголовной ответственности; умыслу и неосторожности придавали лишь «некоторое значение признаков, свидетельствующих о характере личности»⁶. В связи с этим в литературе говорилось, что Руководящие начала «отбрасывали вообще вину как выражение формы уголовной ответственности, как выражение определенного общественного отношения»⁷.

В Началах вина напрямую связывалась с индивидуализацией наказания. В ст. 12, посвященной учету ряда обстоятельств при выборе вида и размера наказания, предписывалось выяснение цели совершения преступления. В связи с этим в советской литературе утверждалось, что «правильнее говорить о непоследовательности авторов Руководящих начал в вопросе о вине, когда, отказавшись от термина вина, они тем не менее ставили содержание психического отношения преступника к совершенному им деянию в прямую связь с индивидуализацией уголовной ответственности»⁸. По нашему мнению, сказанное в полной мере не вытекает из содержания ст. 12 Руководящих начал. Цель совершения преступления как мысленная модель будущего его результата, к достижению которого стремится лицо при совершении деяния, отнюдь не тождественна вине – психическому отношению лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным

¹ Строгович М. С. Реформа Уголовного кодекса // Советское право. 1926. № 1. С. 53.

² См.: Токарева С. Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от ответственности к самостоятельности // Lex Russica. 2019. № 10. С. 156.

³ Это обстоятельство не учитывается многими учеными. См., напр.: Епифанцева Е. В., Недилько Ю. В. Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // Бизнес и закон. 2015. № 1. С. 10, 11.

⁴ Вряд ли можно согласиться с А. Я. Эстриным, утверждавшим, что понятие преступления определяется ими (Руководящими началами и УК РСФСР – Авт.) (см.: Эстрин А. Уголовный Кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 23. С. 3).

⁵ М. М. Исаев отмечал, что благодаря влиянию Руководящих начал классовый характер советского уголовного права проявился в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., в частности, это видно из его установки на борьбу с классовыми врагами (см.: Исаев М. М. Общая часть уголовного права РСФСР. М., 1925. С. 89).

⁶ Материалы Наркомата юстиции РСФСР. 1920. Вып. 7. С. 51.

⁷ История советского уголовного права. М., 1948. С. 167-168.

⁸ Уголовное право. История юридической науки. М., 1978. С. 80. См. также: Швеков Г. В. Первый советский Уголовный кодекс. М., 1970. С. 61.

законом, и к его общественно опасным последствиям.

Вина, как таковая, не нашла отражения и в УК РСФСР, однако последний при этом закрепляет ее формы (умысел и неосторожность). Отдельные элементы умысла и неосторожности, отраженные в законе, являются достаточно научно обоснованными, воспроизведены в современном законодательстве. М. М. Гродзинский, отмечая указанный подход законодателя, писал, что советский Уголовный кодекс, сохраняя понятия умысла и неосторожности, «несколько не сохраняет этим понятие вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля»¹.

Отсутствие упоминания в тексте УК РСФСР вины оценивалось учеными по-разному. Одни считали это проявлением влияния социологической школы², другие – принципиального разрыва с буржуазным уголовным правом. Например, М. А. Чельцов-Бебутов признавал отказ законодателя от указания на вину правомерным шагом³.

Сейчас трудно однозначно сказать, что было первичным: законодательное решение или научные позиции ученых тех лет. Вероятно, это был определенный симбиоз: легальная формулировка отражала уголовно-правовую мысль того времени и сама же обусловила соответствующий подход в науке к оценке вины. В этом смысле показательна точка зрения А. Н. Трайнина. Вину и виновность он рассматривал не как социально-психологические категории, а как уголовно-правовые понятия с уголовно-юридическим содержанием⁴.

¹ Гродзинский М. М. Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестник советской юстиции. 1927. № 17. С. 585.

² См.: Пионтковский А. А. Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // Советское право. 1923. № 3 (6). С. 33; Немировский Э. Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 4 и др.

³ Чельцов-Бебутов М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 92.

⁴ Трайнин А. Н. Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 16; Он же. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. С. 260.

Несколько позднее эти и другие высказывания были признаны в литературе результатом добросовестных заблуждений советских криминалистов, стремившихся видеть специфику советского права в том числе в отказе от принципа вины⁵.

Не менее принципиальным вопросом, чем вина, было отношение к наказанию. В Руководящих началах последнему посвящено 12 статей из 27 (нормативный материал расположен в трех разделах – 3, 6 и 7). Наказанием признавались меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает порядок общественных отношений от нарушителей последнего (ст. 7). В ст. 8 Начал задачей наказания объявлялась охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других. Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, предполагалось либо путем приспособления преступника к данному общественному порядку, либо, если не поддается приспособлению, путем его изоляции, а в исключительных случаях – физического уничтожения. При выборе наказания следовало иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник, именно поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразным и в то же время лишенным признаков мучительства; оно не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий (ст. 10).

Учение о наказании в советском уголовном праве базируется на положениях, высказанных руководителями Коммунистической партии, в первую очередь В.И. Лениным, сформулированных в партийных документах⁶.

⁵ См.: Герцензон А. А. Пути развития советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 78; Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 9.

⁶ См. об этом подробно: Чучаев А. И. Зарождение учения о наказании в советском уголовном праве (1917–1919 гг.) // Правовые исследования на кафедре уголовного права ВЮЗИ (МЮИ, МГЮА,

В первые годы советской власти оно начало развиваться в двух концептуальных направлениях¹. Как отмечал М. Д. Шаргородский, «в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции партия создала учение о двуединой задаче наказания»². Первой составляющей была политическая задача, второй – воспитательная. Задачи подавления и воспитания, убеждения и принуждения находят свое выражение в законодательных актах, принимавшихся в 1917-1918 гг.³

В Руководящих началах подчеркивался откровенно классовый характер наказания. Так, в ст. 12 говорилось: «При назначении наказания в каждом отдельном случае следует различать: а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу; с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетаемого класса ...».

Руководящие начала вопрос о видах наказания решали оригинально – они давали перечень примерных его видов, в который входили: 1) внушение; 2) выражение общественного порицания; 3) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); 4) объявление под бойкотом; 5) исключение из объединения на время или навсегда; 6) восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного вреда; 7) отрешение от должности; 8) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу; 9) конфискация всего или части имущества; 10) лишение политических прав; 11) объявление врагом революции или народа; 12) принудительные работы без помещения в места лишения свободы; 13) лишение свободы на

определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события; 14) объявление вне закона; 15) расстрел.

Уголовный кодекс РСФСР отказался от закрепления определения понятия наказания. Пожалуй, принятие Кодекса знаменует начало постепенного отказа от него вообще; в ст. 5 УК РСФСР оно упоминается уже как одна из мер социальной защиты.

Цели наказания в Уголовном кодексе сформулированы иначе, чем в Руководящих началах: «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений».

Для их реализации УК РСФСР предусматривал роды и виды наказаний, а также меры социальной защиты. Перечень наказаний, по сравнению с Руководящими началами, уже был иным и охватывал: 1) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; 2) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; 3) принудительные работы без содержания под стражей; 4) условное осуждение⁴; 5) полную или частичную конфискацию имущества; 6) штраф; 7) поражение прав; 8) увольнение от должности; 9) общественное порицание; 10) возложение обязанности загладить вред.

Таким образом, при оценке природы и сущности Руководящих начал надо иметь в виду исторический момент и в первую очередь отсутствие каких-либо примера и опыта формирования уголовного законодательства нового типа. По сути, избежать пути проб и ошибок в той ситуации, на наш взгляд, было практически невозможно. Они явились попыткой Наркомюста РСФСР систематизировать нормы Общей части уголовного права, выработанные в результате нормотворчества за первые годы

Университета имени О.Е. Кутафина). М., 2016. С. 294-298.

¹ См.: Карасева М. Ю. Формирование и развитие института наказания в начальный период советского государства (1917–1919). Краснодар, 2000.

² Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 8.

³ См., напр.: Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и уголовное право. 1918. № 1. С. 26–27.

⁴ В теории уголовного права оно признавалось самостоятельным видом наказания, а не способом его реализации (см., например: Паше-Озерский Н. Н. Условное осуждение в УК РСФСР 1922 г. (опыт комментария к ст. 36 и 37 УК) // Вестник советской юстиции. 1923. № 3. С. 59).

советской власти. В его основе лежал ничем не прикрытый классовый подход, который наи-

более наглядно проявлялся в определении понятия преступления и задач уголовного права.

Список цитируемой литературы:

1. Андреев И. Очерки по уголовному праву социалистических государств. М., 1978.
2. Булатов С. Я. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4.
3. Герцензон А. А. Пути развития советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11.
4. Гродзинский М. М. Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестник советской юстиции. 1927. № 17.
5. Епифанцева Е. В., Недилько Ю. В. Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // Бизнес и закон. 2015. № 1.
6. Исаев М. М. Общая часть уголовного права РСФСР. М., 1925.
7. История советского уголовного права. М., 1948.
8. Карасева М. Ю. Формирование и развитие института наказания в начальный период советского государства (1917–1919). Краснодар, 2000.
9. Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и уголовное право. 1918. № 1.
10. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
11. Крыленко Н. В. Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924.
12. Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1924.
13. Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права. 1917–1918 гг. М., 1954.
14. Немировский Э. Опасное состояние личности репрессия // Право и жизнь. 1924. № 1.
15. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962.
16. Паше-Озерский Н. Н. Условное осуждение в УК РСФСР 1922 г. (опыт комментария к ст. 36 и 37 УК) // Вестник советской юстиции. 1923. № 3.
17. Пионтковский А. А. Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // Советское право. 1923. № 3 (6).
18. Подволоцкий М. Марксистская теория права. М., 1923.
19. Строгович М. С. Реформа Уголовного кодекса // Советское право. 1926. № 1.
20. Стучка П. И. Что такое право? // Революционная роль советского права. М., 1934.
21. Токарева С. Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемствен-

The list of the quoted literature:

1. Andreev I. Essays on criminal law of socialist States. M., 1978.
2. Bulatov S.Ya. The Guiding principles of the criminal law of the RSFSR // Jurisprudence. 1959. № 4.
3. Gertsenzon A.A. Ways of development of the Soviet science of criminal law for 30 years // Soviet state and law. 1947. № 11.
4. Grodzinsky M.M. The New criminal code of the USSR. The General part // Bulletin of the Soviet justice. 1927. № 17.
5. Epifantseva E.V., Nedilko Yu.V. The Concept of crime through the prism of interpretation of criminal law norms. Business and law. 2015. № 1.
6. Isaev M.M. The General part of the criminal law of the RSFSR. M., 1925.
7. History of Soviet criminal law. M., 1948.
8. Karaseva M.Yu. Formation and development of the Institute of punishment in the initial period of the Soviet state (1917–1919). Krasnodar, 2000.
9. Kozlovsky M.Y. The proletarian revolution and criminal law // The proletarian revolution and criminal law. 1918. № 1.
10. Konyakhin V.P. Theoretical bases of construction of the General part of the Russian criminal law. SPb., 2002.
11. Krylenko N.V. Discussions about the law and the state. Lectures given at the courses of ukom secretaries at the Central Committee of the RCP (b). M., 1924.
12. Krylenko N.V. Judicial System of the RSFSR. Lectures on the theory and history of the judiciary. M., 1924.
13. Mishunin P.G. Essays on the history of the Soviet criminal law. 1917–1918, M., 1954.
14. Nemirovsky E. Dangerous state of personality repression // Law and life. 1924. № 1.
15. Noi I.S. Questions of the theory of punishment in the Soviet criminal law. Saratov, 1962.
16. Pashche-Ozersky N.N. Probation in the criminal code of the RSFSR in 1922 (experience commentary to Art. 36 and 37 of the criminal code) // Bulletin of Soviet justice. 1923. № 3.
17. Piontkovsky A.A. Measures of social protection in the Criminal code of the RSFSR // Soviet law. 1923. № 3 (6).
18. Podvolotski M. The Marxist theory of law. M., 1923.
19. Strogovich M. S. Reform of the Criminal code // Soviet law. 1926. № 1.
20. Stuchka P. I. The Revolutionary role of law and state. Moscow, 1924.
21. Tokareva S.N. Codification of criminal law in the first years of Soviet power: from continuity to inde-

- ности к самостоятельности // Lex Russica. 2019. № 10.
22. Трайнин А. Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929.
23. Трайнин А. Н. Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1.
24. Уголовное право. История юридической науки. М., 1978.
25. Чельцов-Бebutov М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925.
26. Чучаев А. И. Зарождение учения о наказании в советском уголовном праве (1917–1919 гг.) // Правовые исследования на кафедре уголовного права ВЮЗИ (МЮИ, МГЮА, Университета имени О.Е. Кутафина). М., 2016.
27. Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958.
28. Швецов Г. В. Первый советский Уголовный кодекс. М., 1970.
29. Эстрин А. Уголовный Кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Ежегодник советской юстиции. 1922. № 23.
- pendence // Lex Russica. 2019. № 10.
- 22.. Trainin A. N. Criminal Law. General part. M, 1929.
23. Traynin A.N. Etudes on criminal law. Guilt and guilt // Law and life. 1924. № 1
24. Criminal law. History of legal science. M., 1978..
25. Cheltsov-Bebutov M.A. Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov, 1925
26. Chuchaev A.I. The origin of the doctrine of punishment in Soviet criminal law (1917–1919) // Legal studies at the Department of criminal law VUZI (MUI, MSU, University named after O. E. Kutafin). M., 2016.
- 27 Shargorodsky M.D. Punishment under the Soviet criminal law. M., 1958..
28. Shvecov G.V. the First Soviet criminal code. M., 1970.
29. Estrin A. The Criminal Code and "Guidelines on criminal law of the RSFSR" // Weekly of Soviet justice. 1922. № 23

РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА: ОЦЕНКА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

GUIDING BASICS OF CRIMINAL LAW OF THE RSFSR (1919): ASSESSMENT IN LEGAL HISTORIOGRAPHY

Кибальник А.Г.
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор
(г. Ставрополь)

Kibalnik A.G.
Chief of Criminal Law and Procedure Chair at North Caucasus Federal University, LLD (Law), Professor
(Stavropol)

Ключевые слова: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.; принципы уголовного права; преступление; наказание; юридическое наследие.

Аннотация: В статье содержится обзор оценок отечественных специалистов в области уголовного права Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. В советский период существовала доминирующая позиция апологетики этого документа как заложившего основы кодифицированного уголовного законодательства республик бывшего СССР. В постсоветский период произошла переоценка значения Руководящих начал для развития уголовного законодательства и доктрины уголовного права.

Keywords: Guiding Basics of Criminal Law of the RSFSR (1919); principles of criminal law; crime; punishment; legal heritage.

The summary: The article provides an overview of the assessments of domestic criminal law experts on the «Guiding Basics of Criminal Law of The RSFSR» (1919). In the Soviet period there was a dominant position of apologetics of this document as laying the foundation for codified criminal law of the republics of the former USSR. In the post-Soviet period the importance of the Guiding Basics for the development of criminal law and the doctrine of criminal law was reassessed.

Принятые постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее по тексту – Руководящие начала) стали одним из ключевых уголовно-правовых актов молодой Советской России. Не вдаваясь в сущностный анализ содержания норм этого документа, попробуем проследить эволюцию его оценки в отечественной юридической историографии советского и постсоветского периодов.

В сталинский период Руководящие начала однозначно оценивались как «прообраз Общей части советских уголовных кодексов», в котором были «обобщены советское уголовное законодательство¹ и опыт советских карательных органов, в особенности революционных трибуналов², за первые два года существования Советского государства». Именно в Руководящих началах была предпринята «попытка теоретического обобщения опыта социалистической революции в области уничтожения буржуазного уголовного права и создания нового, социалистического уголовного права».

¹ В частности, Декреты «О суде», «О взяточничестве», «О спекуляции», «О Всероссийской чрезвычайной комиссии».

² Речь идет, прежде всего, о деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров (ВЧК), Верховного революционного трибунала, а также революционных трибуналов, действовавших в соответствии с «Положением о революционных военных трибуналах». В данном Положении, утвержденном декретом ВЦИК в ноябре 1919 г., также содержался перечень преступлений, подсудных революционным военным трибуналам.

Руководящие начала «впервые в истории» раскрыли «классовую сущность уголовного права с позиций пролетариата, классовую природу преступления, наказания и других институтов (соучастие, покушение и т.д.). Наконец, именно Руководящие начала провели «последовательное разграничение преступлений, совершаемых с контрреволюционными целями врагами из лагеря свергнутых эксплуататорских классов, и преступлениями, совершаемыми отдельными трудящимися». Соответственно, наказания были разделены на: 1) «преследующие цели подавления сопротивления классовых врагов» – конфискация имущества, длительная строгая изоляция, объявление врагом революции или врагом народа, объявление вне закона, смертная казнь; 2) «преследующие цели принудительного воспитания к дисциплине неустойчивых трудящихся, совершивших преступления»³.

В период «хрущевской оттепели» и «брежневского застоя» оценка Руководящих начал по вполне понятным причинам стала более сдержанной. Тем не менее, именно им традиционно отводилось место первого систематизированного уголовно-правового акта советской власти, заменившего собой «совокупность несистематизированных норм Общей и Особенной части» в тот момент, когда «уничтожение старого, буржуазного права, старого судебного аппарата и всей судебной власти царизма было уже завершено»⁴.

³ Советское уголовное право. Часть Общая / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Госюриздат, 1952. С. 48-50.

⁴ Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. I. Уголовный закон / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. С. 68.

Однако уже в тот период развития отечественной науки появились первые критические оценки данного документа. Например, была высказана мысль, что, несмотря на явно классовый характер Руководящих начал, в них не было раскрыто «достаточно отчетливо классового содержания преступления», хотя их авторы и «стремились дать материальное определение преступления». В качестве упрека авторам¹ Руководящих начал был также озвучен тезис о том, что они, «стремясь отбросить буржуазное идеалистическое учение о вине», «незаметно для себя становились на позиции механического материализма». Наконец, при определении наказания конкретные методы осуществления его задач трактовались как «приспособление, изоляция или уничтожение преступника». Таким образом, в Руководящих началах не нашла отражения ленинская идея «о сочетании убеждения и принуждения при применении наказания в социалистическом государстве»².

В литературе 1970–1980 гг. постепенно стала доминировать мысль о том, что советское уголовное законодательство не имело и не могло иметь «никакой преемственной связи с царским, как и с каким-либо иностранным буржуазным законодательством». Руководящие начала, хоть и не являлись законом в собственном смысле, но были приняты «на основе обобщения изданных ранее законодательных актов и обобщения практики народных судов и революционных трибуналов». В них «были сформулированы принципы и общие положения советского социалистического права», и именно по их подобию позднее были приняты аналогичные документы в других союзных республиках и на их основе – первые уголовные кодексы РСФСР и союзных республик³.

¹ К авторам Руководящих начал традиционно относят М.Ю. Козловского и П.И. Стучку. См.: Иванов В. У истоков советского уголовного законодательства // Советская юстиция. 1967. № 3. С. 11.

² Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. I. Уголовный закон. С. 71-73.

³ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера, В. Н. Кудрявцева. М.: МГУ, 1974. С. 38. См. также: Советское уголовное право. Часть Общая / под ред. М. А. Гельфера, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М.: Юридическая литература, 1972. С. 26-27.

Практически «канонической» для советского времени стала оценка Руководящих начал, данная О. Ф. Шишовым. По его мнению, историческое значение данного документа, несмотря на наличие «отдельных недостатков», состоит в том, что в нем: 1) «впервые в истории ... давалось определение социалистического права вообще, и, в том числе, уголовного»; 2) «обращено внимание ... на основную идею права – идею порядка как антипода произвола»; 3) «впервые в истории советского уголовного права дано материальное определение понятия преступления, раскрывающее его классовую сущность»; 4) «наказание рассматривалась лишь как мера оборонительная» и не рассматривалось «как возмездие за вину, как искупление вины»⁴.

На «изломе» советских времен в отечественной доктрине в целом сохранялась традиционная оценка Руководящих начал как «прообраза Общей части советского уголовного права», в котором были отражены его общие задачи, основные принципы и положения. Особо отмечалось содержащееся в них материальное определение преступления и наличие новых по своему характеру видов наказания (в частности, «внушения» в виде общественного порицания, принудительных работ без помещения в места лишения свободы)⁵.

В связи с начавшимся в конце 1980-х – начале 1990-х гг. процессом декоммунизации в доктрине стали говорить о том, что многие наказания, включенные в Руководящие начала, не были уголовными «по своему карательному содержанию». Отсутствие в Руководящих началах определения вины и ее форм начало объясняться тем, что при их составлении «возобладала точка зрения, отождествлявшая принцип вины с теорией возмездия и воздаяния классической школы буржуазного уголовного права». Наконец, чуть ли не впервые прозвучали слова о том, что сам факт принятия Руководящих начал (как и значительного количества иных уголовно-правовых норм) опроверг утверждения, «будто в первые годы советской власти никакого права и правосудия

⁴ Шишов О. Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 85-87.

⁵ Уголовное право. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М.: Манускрипт, 1992. С. 24.

не существовало, судьбу преступников решала чуть ли не толпа»¹.

Распад Советского Союза, построение в России нового социально-политического и экономического строя, отказ от единой государственной идеологии выступили в качестве оснований объективного пересмотра советского правового наследия, в том числе и значения уголовно-правовых памятников ушедшей эпохи, включая Руководящие начала.

В первую очередь, это коснулось определения Руководящих начал как единственной отправной точки развития системы всего советского уголовного законодательства. В доктрине появилась принципиально иная позиция о том, что «последовавший вскоре после Октябрьской революции 1917 г. разрыв легитимной преемственности между новым и старым уголовным законодательством вовсе не означал устранения их фактической преемственности». В свою очередь «историческое значение» Руководящих начал стало пониматься в совершенно иной плоскости: они «проложили путь от Уложений 1845 и 1903 гг. через несистематизированные нормативные предписания послеоктябрьского периода (1917–1919 гг.) к первому советскому Уголовному кодексу, став «прототипом» Общей части УК РСФСР 1922 г.»²

Другим основным направлением в переоценки значения Руководящих начал для отечественного уголовного законодательства стало серьезное изменение в понимании социально-правовой сущности этого документа. Не отрицая «ключевого» места Руководящих начал в процессе развития последующего уголовного законодательства, многие авторы стали критично оценивать сам классовый характер данного документа, его цели и средства их достижения.

Значение и суть Руководящих начал стали пониматься по-другому в контексте кровавой Гражданской войны, невиданного количества жертв и жестокостей со стороны противоборствующих сторон, когда «роль права в системе социальных ценностей» получала крайне негативную оценку, а понятия «правовое государство» и «права человека» отрицались вовсе³.

В наиболее законченном виде современная оценка Руководящих начал в контексте исторических событий того времени дана А. В. Наумовым. Да, в данном документе содержится «откровенно классовый подход» в определении понятия преступления и задач уголовного права. Однако нельзя отрицать и его позитивные моменты: «высокую законодательную технику» (выразившуюся, в частности, в направлении отказа от казуистического способа изложения уголовно-правовых норм); установление минимального возраста уголовной ответственности с 14-ти лет; наметившиеся начала индивидуализации наказания и ряд других. Однако «все эти достижения перечеркивались [курсив мой – А.К.] откровенно классовым характером уголовной репрессии и несостыковкой “Руководящих начал” с множеством уже действующих нормативных актов о “правосудии”, произволом, чинимым ВЧК и революционными трибуналами»⁴.

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: МГУ, 1993. С. 31-33.

² Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. С. 57-58.

³ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2001. С. 99-101; Уголовное право. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Э. Жалинского. М.: Городец, 2011. С. 168-171; Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 74-77.

⁴ Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 499–500.

Список цитируемой литературы:

1. Иванов В. У истоков советского уголовного законодательства // Советская юстиция. 1967. № 3.
2. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М.: Спарк, 2001.
3. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. I. Уголовный закон / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970.
4. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. Часть I. М.: Юрлитинформ, 2014.
5. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014.
6. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Д. Меньшагина, Н. Д. Дурманова, Г. А. Кригера, В. Н. Кудрявцева. М.: МГУ, 1974.
7. Советское уголовное право. Часть Общая / отв. ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Госюриздат, 1952.
8. Советское уголовное право. Часть Общая / под ред. М. А. Гельфера, П. И. Гришаева, Б. В. Здравомыслова. М.: Юридическая литература, 1972.
9. Уголовное право. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова, Ю. А. Красикова, А. И. Рарога. М.: Манускрипт, 1992.
10. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М.: МГУ, 1993.
11. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. Н. А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016.
12. Уголовное право. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Э. Жалинского. М.: Городец, 2011.
13. Шишов О. Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3.

The list of the quoted literature:

1. Ivanov V. At the Origins of Soviet Criminal Law. *Sovetskaya Yustitsia = Soviet Justice*, 1967, no. 3.
2. Kudryavtsev V.N., Naumov A.V. (eds). *The Course of Russian Criminal Law. General Part*. Moscow: Spark Publ., 2001.
3. Piontkovsky A.A., Romashkin P.S., Chkhikvadze V.M. (eds). *The Course of Soviet Criminal Law. In 6 vol. Vol. I. Criminal Legislature*. Moscow: Nauka Publ., 1970.
4. Naumov A.V. *Crime and Punishment in the History of Russia. Part I*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2014.
5. Konyakhin V.P., Prokhorova M.L. (eds). *Russian Criminal Law. General Part*. Moscow: Contract Publ., 2014.
6. Menshagin V.D., Durmanov N.D., Krieger G.A., Kudryavtsev V.N. (eds). *Soviet Criminal Law. General Part*. Moscow State University Publ., 1974.
7. Chkhikvadze V.M. (ed). *Soviet Criminal Law. Part General*. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1952.
8. Gelfer M.A., Grishaev P.I., Zdravomyslov B.V. (eds). *Soviet Criminal Law. Part General*. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publ., 1972.
9. Zdravomyslov B.V., Krasikov Yu.A., Rarog A.I. (eds). *Criminal Law. General Part*. Moscow: Manuscript Publ., 1992.
10. Kuznetsova N.F. (ed). *Criminal Law. General Part*. Moscow State University Publ., 1993.
11. Lopashenko N.A. (ed). *Criminal Law. General Part. The Crime. Academic Course. In 10 vol. Vol. IV. Criminal Legislature. Legislative Technique*. Moscow: Yurlitinform Publ., 2016.
12. Zhalinsky A.E. (ed). *Criminal Law. Vol. 1. General Part*. Moscow: Gorodets Publ., 2011.
13. Shishov O.F. Guiding Basics of Criminal Law of the RSFSR (1919) – a Monument to Soviet Criminal Law Thought. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1980, no. 3.

РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

GUIDING ORIGINS FOR THE CRIMINAL LAW OF RSFSR OF 1919: PRECONDITIONS FOR FORMING OF THE NEW SYSTEM OF THE RUSSIAN LEGISLATION DURING THE SOVIET PERIOD

Жук М.С.,
*доктор юридических наук,
прокурор Северского района
Краснодарского края
старший советник юстиции
(Краснодарский край)*

Zhuk M.S.,
*Doctor of Laws,
Prosecutor of Severskiy area
of Krasnodar region
Senior counsellor of Justice
(Krasnodar region)*

Ключевые слова: уголовное право, институты, руководящие начала, система, законодательство.

Аннотация: Статья посвящена первому кодифицированному уголовно-правовому акту нового государства, который положил основу очередному, зачастую противоречивому, этапу развития российского уголовного права. Автором рассмотрены предпосылки его создания и влияние на формирование уголовного законодательства в Советский период.

Keywords: legal law, institutions, guiding origins, system, legislation.

The summary: This article is devoted to the first codified criminal-legal act of the new state that gave the basis for the consecutive, often contradictory stage of development of the Russian criminal law. The author has considered the preconditions for its creation and its influence for the formation of criminal legislation in the Soviet period.

События 1917 года прервали процесс поступательного развития российского общества, став в какой-то мере подтверждением несостоятельности первооснов российского имперства. Вместе с тем они направили это развитие в принципиально новое русло, провозгласив в качестве идеалов социального устройства государственную собственность, равенство сословий и полов, секуляризацию власти и быта. В подобных условиях революционной модер-

низации страны, предполагавшей решительный и бескомпромиссный отказ от всего, что было связано с монархическим прошлым, коренную перестройку претерпел и социальный институт права, в том числе уголовного.

В силу логики развития революционных преобразований советская власть последовательно вытесняла царское законодательство из числа источников права. Если Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. допускал возможность

судов руководствоваться «старыми законами»¹, то уже Декрет о суде № 3 от 20 июля 1918 г. ее полностью исключал².

Уголовное право в тот период, по обоснованному мнению исследователей, в значительной мере характеризовалось как «непосредственно-революционное движение широких народных масс», «творящих революционное право». Оно в определенной мере утрачивает черты формальной определенности, демонстрируя возрождение действия обычных норм и нередко элементарного самосуда. Декреты советской власти в большей степени направляли это «революционное движение», пропагандировали идеи социализма, указывали на общие задачи борьбы со всеми врагами революции, нежели предписывали конкретные нормы поведения³.

Однако советская власть объективно не могла ограничиться подобными актами, она издает декреты, цель которых – дать народным массам инструкцию о конкретной практической работе. Широкое революционное правотворчество необходимо было конкретизировать и наполнить реальным содержанием. Эти декреты условно можно классифицировать на две группы. К первой следует отнести те, в которых власть предусматривает правовые основания борьбы с наиболее опасными посягательствами на Советское государство (таковы, например, Обращения Совета народных комиссаров «О борьбе с буржуазией и ее агентами», «О борьбе со спекуляцией», «О борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина, Корнилова, Дутова, поддерживаемых Центральной радой», «Об аресте вождей гражданской войны против революции», «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией» и ряд других, изданных в ноябре и декабре 1917 г.). Вторая группа включает декреты, в которых излагаются мероприятия по социалистическому преобразованию России и пути их осуще-

ствления (Декреты о национализации земли и промышленности, о введении восьмичасового рабочего дня и рабочего контроля, о налогах, о создании Красной Армии и т.д.). Они также содержали нормы уголовного права, устанавливающие наказуемость невыполнения мероприятий советской власти.

Еще одной значимой особенностью развития уголовного права в первые постреволюционные годы следует назвать разрушение единой уголовно-правовой юрисдикции на территории страны. «Революционное правотворчество» сопровождалось радикальной реформацией судебной системы. До принятия декрета о суде на местах создавались суды под наименованием «временных народных судов», «судов общественной совести», «следственных комиссий» и т.д. Подобные суды возникали во множестве городов и уездов. Каждый из них получал от соответствующего Совета депутатов трудящихся Инструкцию с описанием подсудных ему преступлений и проступков. Эти региональные правовые акты представляли собой своего рода действующее в пределах уезда уголовное право. Причем в содержательном и техническом плане Инструкции и Наказы выглядели крайне примитивно: допускали смешение нормативного материала уголовно-правового, процессуального и судостроительного характера; не содержали положений Общей части уголовного права; не давали четкого описания составов преступлений; не формулировали санкций и т.д.⁴

Оценивая в целом революционное правотворчество первых лет советской власти, можно наблюдать значительный регресс формы и структуры уголовного права. Прежде всего, следует отметить отсутствие единого уголовно-правового акта и конструирование уголовно-правовых норм в межотраслевых, по сути своей, законах. Произошло разрушение сложившейся системы уголовного права, отказ от наработанной веками и теоретически обоснованной традиции изложения уголовно-правовых норм: в едином правовом акте, по стройной схеме (Общая и Особенная части), в строгой последовательности (от преступления к наказанию, от посягательств на более ценные объекты к менее значимым преступлениям).

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

³ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948. С. 54–56.

⁴ Анализ региональных уголовно-правовых актов см.: Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. Указ. соч. С. 102–104 и сл.

Кроме того, новая власть фактически отказалась не только от формы, но и от содержания прежнего уголовного закона, причем не только от норм и институтов, которые были продиктованы особенностями политической ситуации предреволюционной России начала прошлого века, но и в ряде случаев от тех законоположений, которые были обусловлены, как говорится, «самой природой человека». Пожалуй, единственной попыткой сохранить преемственность в развитии уголовно-правовых институтов до- и послереволюционной России можно считать подготовленный левыми эсерами (состоящими некоторое время в Народном комиссариате юстиции) проект советского уголовного кодекса, составленный на основе Уголовного уложения 1903 г. и получивший название «Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов»¹. Однако по вполне очевидным причинам этот проект остался нереализованным.

Тем не менее, объективные законы развития общества требовали от советского государства закрепления четких и надежных источников права, а также их систематизации. В области уголовного права эта потребность была отчасти удовлетворена изданием в 1919 г. Народным комиссариатом юстиции Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (далее по тексту – Руководящие начала)², которые стали своего рода первым кодексом, сборником норм Общей части уголовного законодательства РСФСР. Представляется, что исторический нонсенс первоочередной систематизации норм именно Общей, а не Особенной части уголовного права и сам факт существования такого уголовно-правового акта во многом объяснимы доминирующей в то время идеей о возможности противодействия преступности без законодательно установленного перечня конкретных видов преступлений.

Что касается отдельных институтов уголовного права, то в Руководящих началах, с одной стороны, получили четкое структурное оформление и содержательное развитие институты неоконченного преступления (раздел IV), соучастия в преступлении (раздел V), ви-

дов наказания (раздел VI), условного осуждения (раздел VII). С другой стороны, имелись и очевидные просчеты: названный нормативный правовой акт включал в себя не только материальные, но и процессуальные нормы (раздел II); неоправданно объединял в один раздел (III) предписания, образующие самостоятельные уголовно-правовые институты – преступления, наказания, ответственности несовершеннолетних, обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В современной литературе Руководящие начала получили двойственную оценку. Так, В. П. Коняхин пишет, что помимо неоспоримых преимуществ технико-юридического характера Руководящие начала позволили советскому законодателю сразу же достаточно четко сформулировать свою концепцию борьбы с преступностью³. Н. А. Ныркова, напротив, указывает, что редакционная политика советской власти в части создания Руководящих начал существенно снижает ценность осуществленного структурирования нормативного материала, свидетельствует о формальном подходе к решению данной проблемы⁴. Конечно, любой оценке свойственен субъективизм. С позиций сегодняшнего дня сложно судить о качестве анализируемого документа. Думается, что он таков, каким только и мог быть первый кодифицированный уголовно-правовой акт нового государства, строящего принципиально отличающуюся от предыдущих исторических этапов уголовную политику, к тому же в большей степени основанную на постулатах не классической, а социологической школы уголовного права.

¹ См. об этом: Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. Указ. соч. С. 66–67.

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-го и крестьянского правительства РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590 (С. 640).

³ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002. С. 59.

⁴ Ныркова Н. А. Институты Общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующего УК РФ. Ростов-н/Д., 2006. С. 23–24.

Список цитируемой литературы:

1. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. 1919–1947 гг. М., 1948.
2. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части Российского уголовного права. СПб., 2002.
3. Ныrkova Н. А. Институты Общей части уголовного права в истории советского законодательства и действующего УК РФ. Ростов-н/Д., 2006. С. 23–24.

The list of the quoted literature:

1. Gertzenzon A. A., Greenhouse Sh. S., Durmanov N. D., Isaev M. M., Utevskiy B. S. History of the Soviet criminal law. 1919–1947. M., 1948.
2. Konyakhin V. P. Theoretical principles for compiling of the General part of the Russian criminal law. SPb., 2002.
3. Nyrkova N. A. Institutions of the General part of the criminal law in the history of the Soviet legislation and current Criminal Code of RF. Rostov-on-Don, 2006. P. 23–24.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**INSTITUTIONAL BASES OF GUIDELINES
BEGINNING TO THE CRIMINAL LAW OF THE RSFSR
1919: HISTORICAL ASPECT**

Усенко С.П.

*заместитель председателя Законодательного
Собрания Краснодарского края
(г. Краснодар)*

Usenko S.P.

*Deputy Chairman of the Legislative
Meetings of the Krasnodar Territory
(Krasnodar)*

Ключевые слова: Руководящие начала, уголовное право, система, институт, норма, преступление, наказание.

Аннотация: Статья посвящена анализу развития доктринальных представлений об уголовно-правовых институтах в ранний советский период. Одной из теоретических основ большевизма стал тезис – смерть закону. Цель исследования - раскрыть с учетом задач советского уголовного права, которые заключались в защите завоеваний революции, содержание институтов уголовного права в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на попытку отказа от права, социалистическое государство объективно нуждалось в уголовном законодательстве, в том числе в уголовно-правовых институтах.

Keywords: Governing principles, criminal law, system, institution, norm, crime, punishment.

The summary: The article is devoted to the analysis of the development of doctrine perceptions of criminal law institutions in the early Soviet period. One of the theoretical foundations of bolshevism was the thesis – the death of law. The purpose of the study is to disclose, taking into account the tasks of Soviet criminal law, which were to protect the gains of the revolution, the content of criminal law institutions in the Guiding principles for criminal law of the RSFSR of 1919.

The author comes to the conclusion that, despite the attempt to renounce law, the socialist state objectively needed criminal law, including criminal law institutions.

В какой-то мере современный этап уголовно-правовой реформы проходит те же ступени, что и сто лет назад, только в значительно меньших масштабах, сопровождаясь меньшими потрясениями. Обращение к драматичному опыту становления советского уголовного права в значительной степени низводит сегодняшние противоречия до локальных масштабов и одновременно позволяет моделировать дальнейший ход реформ.

Поступательное развитие российского общества и правовой системы Российской империи, в том числе и уголовного права, были прерваны событиями 1917 года. В каком-то смысле они подвели черту под неутешительным итогом функционирования власти и государства, где общим выводом была несостоятельность всех социальных институтов, включая мораль и право. Одновременно они направили развитие по иному эволюционному пути, секуляризовав общество; возведя в абсолют коллективную форму собственности, переосмыслив феномены крестьянской общины и православной соборности; заменив разделение властей единовластием Советов; установив равенство полов и подменив право политической целесообразностью.

Слом существовавшего уклада жизни, отсутствие чёткого видения перспектив построения нового общества, попытка отказаться от буржуазных представлений о праве и морали привели к построениям многочисленных самостоятельных моделей общественных отношений, с разной степенью успешности конкурировавших с устоявшимися буржуазными системами.

Одномоментное замещение буржуазного права было невозможно, но логика революционных преобразований вела к достаточно интенсивному обновлению как процессуальных, так и материальных источников права, где во главу угла ставилась революционная целесообразность, а не системность и научная проработанность нормы. Потому царское законодательство, сколь угодно передовое для своего времени (например, Уголовное уложение 1903 года), как в силу ряда исторических причин, предшествующих октябрьским событиям, так и в связи с указанными подходами новой вла-

сти не только в виде источника права, но и как готовый конструкт для подготовки советского уголовного закона не было востребовано новым законодателем.

Напротив, все наработки царского периода демонстративно «отметались». Так, Декрет СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде» № 1 предусматривал возможность судов руководствоваться в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию¹. Но уже Декрет СНК от 20 июля 1918 г. «О суде» № 3 полностью исключал дореволюционное законодательство из числа источников советского уголовного права. Так, ст. 3 данного Декрета устанавливала правило, что в качестве единственного основания применения уголовного наказания подлежат использованию декреты Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистическая совесть².

Заданный первыми декретами вектор развития советского законодательства как движения народных масс, «творящих революционное право», затрагивает и уголовное право, которое утрачивает черты формальной определенности, по сути заменяется квазиобычными нормами, а на практике в этот период представляет собой самосуд. И первые акты, среди которых нет чисто уголовно-правовых, носят комплексный характер, затрагивая процессуальное и материальное право, судоустройство, хозяйственную деятельность, и преследуют воспитательные цели, направляют

¹ Декрет о суде. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957; то же [Электронный ресурс]. – URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/>.

² Декрет о суде № 3 от 20 июля (5 декабря) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964; то же // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

массы, которые должны «интуитивно» формировать социалистическое право, не основанное на форме, но наполненное новым классовым содержанием, не нуждающимся в конкретных предписаниях. Поэтому попытка создания нового советского уголовного уложения, принятая левыми эсерами под руководством народного комиссара юстиции И. З. Штейнберга, была обречена на провал. П. И. Стучка, сам являясь с это время членом наркомюста, а позже наркомом юстиции, отмечал, что старые законы были «сожжены», и напрасно из уцелевших в этом пожарище обожженных листочков некоторые из наших революционеров стали кроить «уложения русской революции» (проект левых эсеров, весна 1918 г.) вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству¹.

Составленная левыми эсерами Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов, которую сами авторы называли «Свод законов русской революции. Часть пятая. Уголовное уложение. Издание 1918 года», противоречила самому духу советского законодательства, шла вразрез с упомянутыми декретами советской власти, указаниями партии и высказываниями В. И. Ленина и других вождей революции о революционном правотворчестве. По сути, это и был первый советский уголовный кодекс, к тому же построенный на принципах, противоречащих большевистской уголовной доктрине, и, что самое главное, сохранивший преемственность с дореволюционным правом.

Очевидно, что это обстоятельство существенным образом повлияло на тотальное игнорирование практикой и исследователями советского периода данного акта, ведь в основе Инструкции лежало сокращенное и переработанное Уголовное уложение 1903 года, в которое было инкорпорировано и советское право раннего периода. Потому первый проект «чисто» уголовного закона советской России, построенный по классической пандектной системе и повторяющий передовые идеи буржуазной систематики построения нормативно-правовых актов, был обречён стать правовым памятником без правоприменительной практики и одновременно инструкцией для будущих советских законодателей «как не надо де-

лать», чтобы не повторять судьбу советского уголовного уложения. Сами того не желая, авторы уголовного уложения представили образец, уход от которого на практике стал наиболее жизнеспособной формой советского нормативно-правового акта, в связи с чем можно сделать вывод, что максимально возможная формальная «непохожесть» на него являлась одним из системных требований при разработке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (далее по тексту – Руководящие начала).

Поэтому при подготовке Руководящих начал в силу политических причин пришлось отказаться или, по меньшей мере, сделать попытку отказа от всего научного багажа дореволюционной науки, тем более что оно создавалось не столько представителями юридической науки, сколько практическими деятелями советской юстиции. Это позволяет говорить в известном смысле о «втором пришествии» в Россию практической, прикладной юриспруденции, для которой, само собой разумеется, теоретические обобщения, в частности вопросы оформления и систематизации институтов уголовного права, были чрезвычайно далеки².

Из этого утверждения следует вывод, что пытаться анализировать Руководящие начала инструментами, созданными для исследования нормативно-правовых актов в иной доктринальной парадигме, например, изучать форму путём сравнительного рассмотрения, малопродуктивно. Тем не менее написать нормативно-правовой акт, полностью свободный от прежнего правового опыта и научного багажа, нереально. Сама форма правового документа с неизбежностью будет приводить к устоявшимся правовым конструкциям. Потому авторам, готовившим, по сути, уголовно-правовой декрет новой власти, поневоле пришлось минимально использовать институты и иные формальные особенности, известные буржуазному праву. Это даёт возможность согласиться, с известными оговорками, с позицией как тех авторов, которые вслед за самими разработчиками считают, что произошло разрушение сложившейся системы уголовного права, отказ от наработанной веками и теоретически обоснованной традиции изложения

¹ Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931. С. 151.

² Жук М. С. Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2.

уголовно-правовых норм, от формы и от содержания прежнего уголовного закона¹, так и тех, кто разрыв легитимной преемственности объясняет как преемственность фактическую². Представляется, что «фактическая преемственность» в данном случае носит случайный характер, является вынужденной мерой, обусловленной подготовкой документов зачастую в условиях цейтнота, «за полчаса на коленке», как писал позже П. И. Стучка, хотя справедливо и то, что принятию Руководящих начал предшествовало достаточно времени, чтобы проработать текст до полного исключения буржуазной юридической техники.

Поскольку советская доктрина воспринимала преступление как реакцию на социальную несправедливость, главенствующую в классовом обществе, либо врождённое свойство эксплуататорских классов (по мере продвижения к коммунизму любое противоправное деяние должно было исчезнуть как не свойственное бесклассовому обществу), то обоснованным представлялся тезис об отсутствии необходимости устанавливать номенклатуру запрещённых общественно опасных деяний: сегодня запрещено всё, что вредит классу-гегемону, а завтра самих преступлений не останется. Отсюда вытекает более чем двухлетнее отсутствие вообще какого бы то ни было «чисто» уголовно-правового акта. Практическая потребность в нём удовлетворялась в межотраслевых законах-декретах в качестве охранительных по отношению к регулируемому этими актами предмету.

Однако даже такой скудный материал позволяет говорить о наличии социальной потребности, которая обусловила принятие Руководящих начал, являющихся определённой совокупностью взаимосвязанных правовых норм, направленных на разрешение противоречий в обществе. Следовательно, как отмечали В. Д. Филимонов и О. В. Филимонов, возникла необходимость в установлении такой совокупности правовых норм, чтобы снять и

разрешить противоречия в общественной жизни, которые явились причинами преступного поведения во время переходного периода к коммунизму³. Указанные обстоятельства заставляли авторов первого советского уголовно-правового акта отбирать именно такие нормы, чтобы сформировать модель определённого комплекса правил поведения, что, в конечном итоге, и привело, помимо их воли, к формированию институтов советского уголовного права. В основе своей они совпадали с существующими в науке уголовного права и в дореволюционном законодательстве институтами, но были значительно усечены.

Как отмечал М. С. Жук, формирование системы институтов уголовного права непосредственно связано с основными этапами развития уголовно-правовой науки. В первой трети XIX в. практическая юриспруденция и историческая школа права свели в единый хронологический список все изданные нормативные предписания, касающиеся вопросов преступления и наказания; представители систематической школы дополнили хронологический принцип систематизации предметным и четко обособили уголовно-правовые предписания от положений процессуального (в XIX столетии) и уголовно-исполнительного (в середине XX столетия) права; позитивистская методология классической школы уголовного права обеспечила тщательную разработку не только правовых форм регулирования общественных отношений, но и всех необходимых понятий и категорий для описания внутренней структуры уголовного права; социологическая и антропологическая школы обеспечили появление в уголовном праве целого ряда новых для начала XX в. институтов⁴.

Кроме того, развитие отечественного уголовного права характеризуется двумя содержательно тождественными циклами, где водоразделом служит 1917 год. На первом этапе каждого цикла создание уголовно-правовых норм осуществлялось в межотраслевых актах, затем происходила кодификация с последую-

¹ Жук М. С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013. С. 25.

² Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 57-58; его же. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 17.

³ Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014. С. 104-105.

⁴ Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 11-12.

щим структурированием и развитием институтов как реакция на изменяющиеся условия социальной среды. Здесь Руководящие начала выступили в роли, аналогичной Русской правде и другим ранним уголовным памятникам, дав старт новому циклу, с той лишь разницей, что новаторски отказались от номенклатуры преступлений и наказаний в пользу общих положений с частичным заимствованием старых, дореволюционных институтов уголовного права.

Поскольку каждый институт уголовного права в своем развитии от появления отдельной правовой нормы и её совершенствования через уточнение и формирование специальных для этой новой группы норм положений до закрепления этой новой структуры в тексте закона должен последовательно пройти все этапы, а законодатель сам лишил себя возможности использовать прежние наработки, старые институты были частично руинированы, выхолощены до одной нормы, а многие полностью демонтированы, что привело к разбалансировке уголовно-правовой системы, невозможности полноценного выполнения ею функций и регрессу не только формы, но и содержания. Но поскольку, как было указано во введении, осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства¹, это не являлось проблемой, так как носило временный характер на период борьбы с классовыми противниками пролетариата. Нормы введения и раздела I, в частности статей 1 и 3, можно, таким образом, рассматривать как своеобразный новый институт *классового подхода*, состоящий из базовых предписаний, по значению выделяющихся из массива классических институтов, и являющийся ключевым для понимания системы советского уголовного права.

К сожалению, Руководящие начала не избежали участи первых советских декретов, в которых уголовно-правовые нормы были включены в акты о судеустройстве, зеркально получив в разделе II норму, не относящуюся к уголовному праву.

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление НКЮ от 12 декабря 1919 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 / под ред.

О.И. Чистякова. М., 1997. С. 63.

В то же время преемственность с дореволюционным правом проявилась в наличии двух центральных категорий отрасли – преступления и наказания. В настоящее время нет единства в части отнесения данных понятий к институтам либо более глубоким, фундаментальным понятиям уголовного права, надинституционального уровня обобщениям, но применительно к Руководящим началам их можно рассматривать в качестве институтов ввиду лаконичности как самого законодательного акта, так и смысловой нагрузки этих дефиниций в нём.

Так, раздел III включает институт понятия преступления. При этом законодатель отказался от разделения преступлений на категории в зависимости от их тяжести. Статья 16 содержит норму, которая ещё не созрела до полноценного субинститута, но содержит уточнение, касающееся обстоятельств, исключающих преступность деяния, что в совокупности с нормами статей 5 и 6 и составляет этот институт. Данную норму можно было бы рассматривать и как основу института правомерного причинения вреда, но анализируемый нормативный акт не содержит других положений, позволяющих прийти к подобному выводу.

В то же время институту неоконченного преступления уже выделен самостоятельный раздел IV «О стадиях осуществления преступления», в чём чувствуется отдалённое влияние дореволюционного уголовного законодательства. Самостоятельное оформление получил и институт соучастия в преступлении, состоящий из четырёх статей.

Большая часть раздела III посвящена институту наказания или уголовной ответственности, в котором содержатся нормы, имеющие отношение к понятию и целям наказания. Институт назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности раскрывается в нормах статей 9-12. Институт ответственности несовершеннолетних состоит из одной статьи 13, а потому не имеет самостоятельного структурного обособления и может рассматриваться наряду с другими нормами статей 14 и 15, куда входят обстоятельства, исключающие преступность деяний, как одноимённый институт.

Исходя из этих же соображений, к данному институту можно отнести и норму, регуливающую необходимую оборону, предусмотренную ст. 15. На данном этапе указанные правила пока ещё не имеют должного оформления, состоят из одной нормы, представляют из себя «зародыши» институтов и их вычленение носит достаточно условный характер. На-

против, институт понятия и видов наказания получил оформление как в нормах раздела III, так и в самостоятельном разделе VI «Виды наказания», состоящем из одной статьи. Аналогично и норма статьи 26, из которой состоит раздел VII, потенциально должна составлять ядро института условного осуждения, но в силу незрелости её приходится относить к институту назначения наказания. Кроме того, использованное законодателем понятие «наказание в виде заключения под стражу» не имеет прямого аналога в номенклатуре наказаний, содержащейся в статье 25, и требует корректировки, чтобы однозначно относиться к элементу нормы пункта «н».

С большой натяжкой норму, содержащуюся в статье 27 раздела VIII, можно отнести к институту пределов действия уголовного закона, поскольку она также является ядром для оформления потенциального института.

Ключевыми недостатками Руководящих начал явились, на наш взгляд, два момента: полное исключение Особенной части и отсутствие в них понятия «вины». Вместе с тем учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права, показатель его культурного уровня¹. Впрочем, на практике этот институт неизбежно учитывался при индивидуализации ответственности и назначении наказания, о чём могут свидетельствовать и его «следы» в нормах статей 10-12, 25, 26.

Идеологическое неприятие всего того, что было накоплено буржуазной наукой, естественно, отразилось и на доктрине уголовного права, привело к пренебрежению проблематикой, связанной с внутренним строением уголовного права и систематикой его институтов.

В целом, несмотря на значительный регресс формы нормативно-правового акта, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР по своей структуре унаследовали некоторые черты дореволюционного уголовного законодательства, например, двучленную рубрикации. Подобно Уголовному уложению 1903 года весь нормативный материал разбит на разделы и статьи. В то же время большинство совпадений могут носить случайный характер, обусловленный прежним опытом формальных законодателей, так как осуществлялась попытка полного изменения законодательной парадигмы, где совпадения с буржуазным опытом считались однозначно недопустимыми. При этом уникальность Руководящих начал заключалась в том, что в этом акте впервые в истории выражен классовый подход к уголовному законодательству, заложены основы нового уголовно-правового «алфавита». В нём и состояло коренное отличие советского уголовного права от буржуазного. Значение этого фактора существенно повлияло на дальнейшее развитие советского уголовного законодательства и отчасти проявляется и в современной уголовно-правовой практике.

¹ Фельдштейн Г. С. Природа умысла // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1898. С. 2.

Список цитируемой литературы:

1. Жук М. С. Формирование представлений об институтах уголовного права в истории отечественной науки // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 2.
2. Жук М. С. Учение об институтах российского уголовного права: концептуальные основы и перспективы развития. М., 2013.
3. Жук М. С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2013.
4. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
5. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2002.
6. Стучка П. И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1931.
7. Фельдштейн Г. С. Природа умысла // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1898.
8. Филимонов В. Д., Филимонов О. В. Институт права. Институт уголовного права. Институт уголовно-исполнительного права. М., 2014.

The list of the quoted literature:

1. Zhuk M. S. Formation of ideas about the institutes of criminal law in the history of domestic science // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 2.
2. Zhuk M. S. The doctrine of the institutes of Russian criminal law: conceptual foundations and development prospects. M., 2013.
3. Zhuk M. S. Institutes of the Russian criminal law: concept, system and development prospects: abstract. dis. ... doctor. legal sciences. Krasnodar, 2013.
4. Konyakhin V.P. Theoretical Foundations of the General Part of Russian Criminal Law. SPb., 2002
5. Konyakhin V. P. Theoretical Foundations of the General Part of Russian Criminal Law: Abstract. dis. ... doctor. legal sciences. Krasnodar, 2002.
6. Stuchka P. I. 13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law. M., 1931.
7. Feldstein G. S. The nature of intent // Collection of jurisprudence and public knowledge. M., 1898.
8. Filimonov V. D., Filimonov O. V. Institute of Law. Institute of Criminal Law. Institute of Penal Law. M., 2014.

РОЛЬ РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАЗАХСТАНА

THE ROLE OF GUIDING PRINCIPLES IN CRIMINAL LAW OF THE RSFSR 1919 IN THE HISTORY OF CRIMINAL LAW OF KAZAKHSTAN

Сматлаев Б.М.

*доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин*

Юридического факультета

Евразийского национального

Университета им. Л.Н. Гумилева

(Республика Казахстан, г. Нур-Султан)

Smatlayev B.M.

Doctor of Law, Professor

*Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines*

Faculty of Law L.N. Gumilyov

Eurasian National University

(Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ключевые слова: уголовный закон, обычное право, барымта, адат, наказание, общественное отношение, хищение имущества, скотокрадство, разбой, кун, калым.

Аннотация: Право на территории Казахстана долгое время состояло из обычаев, т.е. являлось обычным правом. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. – основной уголовно-правовой акт в период становления советской власти на территории РСФСР – имели огромное влияние на становление правовой системы и Казахского края. Целью уголовного права было уничтожение классовых противников пролетариата и согласование его действий, направленных на достижение общей цели.

Keywords: criminal law, customary law, barymta, adat, punishment, public relations, theft of property, cattle theft, robbery, kun, kalym.

The summary: The law on the territory of Kazakhstan for a long time consisted of customs, i.e. was customary law. Guidelines on the criminal law of the RSFSR of December 12, 1919 – the main criminal law during the formation of the Soviet power in the RSFSR had a huge impact on the formation of the legal system of the Kazakh region. The aim of criminal law was the destruction of class opponents of the proletariat and the coordination of its actions aimed at achieving a common goal.

Октябрьская революция сломала буржуазный государственный аппарат со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Та же участь постигла и все буржуазные кодексы и законы, все буржуазное право. В процессе борьбы со своими классовыми вра-

гами пролетариат применял те или иные меры насилия, но делал это на первых порах без особой системы, от случая к случаю, не организовано. Опыт борьбы, однако, приучил его к мерам общим, привел к систематизации, к рождению нового права. Почти два года такой

борьбы дали возможность подвести итоги конкретным проявлениям пролетарского права, сделать из них выводы и осуществить необходимые обобщения. В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это относилось к уголовному праву, которое имело своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата. Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия и право, как функцию государства. Решению этой задачи – помочь органам советской юстиции выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата – поспособствовал Народный комиссариат юстиции, издав в 1919 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (далее в тексте – Руководящие начала).

В свою очередь право на территории Казахстана долгое время состояло из обычаев, т.е. являлось обычным правом. Обычные правовые нормы казахов передавались из поколения в поколение в устной форме, часто в виде лаконичных, выразительных и легко запоминающихся словосочетаний. Часть этих обычаев в свое время была записана русскими учеными и путешественниками, чиновниками русской администрации¹. Во многом обычное право сохранилось и после вхождения Казахстана в состав Российской Империи, а также в первые годы Советской власти. Все это в полной мере относится и к уголовному праву.

Создание советского права начиналось с отмены большинства нормативно-правовых актов Российской Империи и Временного правительства. Это распространялось и на национальные окраины, в том числе на Казахстан. Несколько иначе дело обстояло с нормами и институтами обычного права. Преодоление действия этих норм и институтов происходило постепенно наряду и в связи с другими мероприятиями социально-экономического, политического и идеологического порядка, направ-

ленными на переустройство казахского общества. Как считает З.Х. Кенжалиев, это объяснялось тем, что нормы обычного права (ада-тов) уходили своими корнями в экономические, социальные отношения края и поддерживались, воспроизводились ими, а также тем, что сами адаты представляли собой реальные жизненные отношения, возвышавшиеся до степени правовых обычаев².

В самые первые годы советской власти в Казахстане отношение к обычаям было весьма терпимым. Речь об их отмене первоначально не шла, стояла лишь задача приспособления обычаев к современным условиям. Так, одной из главных задач Киргизского (Казахского) отдела Наркомнаца РСФСР, созданного 11 мая 1918 г., была выработка «проектов гражданских и уголовных законов соответственно с обычным правом киргиз (казахов)», в основу которой должна быть положена идея социализма³.

В Букеевской орде была создана специальная законодательная комиссия, цель ее деятельности заключалась в создании уголовного кодекса, в основу которого должны были лечь «идеи социализма» и обычное право казахов⁴.

В ст. 6 Декрета РСФСР «О революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем» от 10 июля 1919 г. было установлено: «Революционный комитет имеет целью ... проведение всех постановлений Центральной Советской власти в соответствии быту, обычаю и условиям местного населения... Дела между казахами разрешаются народным судом по существу дела, по обычному праву»⁵.

В инструкции отдела юстиции Кирревокома «О третейском суде» от 24 октября 1919 г. было записано: «Суд посредников при решении дел руководствуется свидетельскими показаниями, обстоятельствами дела, народ-

² Абиля Е. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX в. Астана, 2000. С. 14.

³ Зиманов С. З., Даулетова С. О., Исмагулов М. Ш. Казахский отдел Наркомнаца РСФСР. Алма-Ата, 1975. С. 82.

⁴ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 152.

⁵ СУ РСФСР. 1919. № 36. Ст. 354.

¹ Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава, 1876.

ными правовыми обычаями и личным убеждением сообразно интересам трудящихся масс»¹.

Учредительный съезд Советов КАССР, состоявшийся в 1920 г., принял ряд решений, касающихся обычного права, которые можно разделить на две группы. С одной стороны, съезд продолжил традицию первых лет советской власти, состоящую в терпимом отношении к обычаям и приспособлении их к современным обычаям. Решения съезда в русле продолжения этой традиции составили первую группу. Во вторую группу вошли решения Учредительного съезда, объявившие ряд обычаев вредными, отменившие их и установившие ответственность за их применение.

Учредительный съезд, в частности, осудил барымту (самоуправство, выраженное в форме конокрадства) как реакционный институт казахского обычного права. В резолюции съезда «Об организации советской власти» отмечалось, что судебные органы должны обращать особое внимание на ряд преступлений, представляющих ныне большую проблему для киргизской нации, пустивших глубокие корни и сильно тормозящих укрепление новых начал. К таким преступлениям съезд в первую очередь отнес барымту².

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. как основной уголовно-правовой акт периода становления советской власти на территории РСФСР имел огромное влияние на становление правовой системы и Казахского края. Источником Руководящих начал была практика судов и военных трибуналов.

Главный принцип уголовного права – целесообразность – противопоставлялся принципу законности. Принципом разрешения дел судами стало их социалистическое правосознание. Допускался принцип применения судами аналогии права при отсутствии в законе конкретной нормы, разрешающей данное дело.

Целью уголовного права было уничтожение классовых противников пролетариата и согласование его действий, направленных на достижение общей цели.

Структура Руководящих начал включала введение и разделы об уголовном праве; об уголовном правосудии; о преступлении и

наказании; о стадиях осуществления преступления; о соучастии; о видах наказания; об условном осуждении; о действии уголовного права в пространстве.

Руководящие начала не делились на Общую и Особенную части.

Уголовное право стало системой правовых норм, нацеленных на защиту общественных отношений, отвечающих принципам трудящихся масс в переходный от капитализма к коммунизму период, посредством применения к преступникам репрессивных мер.

Общий репрессивный характер Руководящих начал обусловил отсутствие в нем упоминания о формах вины, крайней необходимости как обстоятельствах, влияющих на ответственность лица.

Наказание стало мерой принудительного воздействия, обеспечивающей законный порядок защиты общественных отношений от его нарушителей.

В качестве принципа назначения уголовного наказания суд должен был учитывать характер и степень социальной опасности преступника, а также его социальную принадлежность.

10 ноября 1921 г. ЦИК КАССР принял постановление о борьбе с барымтой, приравняв ее к хищению государственного, общественного или личного имущества в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Следует отметить, что еще до принятия этого декрета аналогичные решения принимали некоторые суды. Так, Акмолинский уездный съезд народных судей, состоявшийся 15 июля 1921 г., отмечая факты увеличения скотокрадства, указывал, что кража скота совершается зачастую под видом барымты, и предлагал рассматривать ее с учетом обстоятельств дела как разбой или грабеж³.

В 1924 г. действовавший в то время УК РСФСР 1922 г. был дополнен главой IX «О бытовых преступлениях». К таковым были отнесены барымта, кун, калым. Так, последний был предусмотрен ст. 230 УК, в соответствии с которой уплата калыма (выкупа за невесту, вносимого по обычаям коренного населения КАЗССР) наказывалась лишением свободы или принудительными работами на срок до

¹ ЦГА РК. Ф. 1380. Оп. 1. Д. 10. Л. 95 об.

² История государства и права Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961. Т. 1.

³ СУ РСФСР. 1924. № 36. Ст. 765.

одного года. Принятие выкупа за невесту наказывалось штрафом в размере калыма¹.

В циркуляре Народного комиссариата юстиции КАССР от 12 января 1925 г. «О порядке применения IX главы УК РСФСР» отмечалось, что борьба с этими бытовыми преступлениями «нелегка, ибо они укоренились веками и воспринимались с молоком матери, что изжить их одними административными мерами нельзя, требуется развернуть широкую массово-просветительскую работу среди населения».

Нормы казахского обычного права в той или иной степени оставались официальными источниками права Советского Казахстана до 1925 г. В республиканских актах, принятых в 1925 г. и в последующие периоды, уже не упоминалось о признании и допущении обычного права как одного из источников права, как это было прежде.

В сфере уголовного права основным источником стал УК РСФСР, поскольку Казахстан до 1936 г. входил в состав РСФСР в качестве автономной республики.

В соответствии с Конституцией СССР 1936 г. была образована новая союзная республика – Казахская ССР. Однако на ее территории по-прежнему продолжал действовать УК РСФСР, что было обусловлено двумя обстоятельствами.

Во-первых, в ст. 14 Конституции СССР 1936 г. было установлено, что уголовное, а равно гражданское и процессуальное законодательство относятся к ведению Союза ССР. Однако общесоюзные уголовный и гражданский кодексы, уголовно-процессуальный и гражданский процессуальный кодексы приняты так и не были. В тех республиках, в которых указанные кодексы уже действовали до принятия Конституции 1936 г., они продолжали применяться и в дальнейшем.

Во-вторых, в постановлении ЦИК и СНК КАССР от 22 февраля 1937 г. было определено, что законы РСФСР, а равно постановления, распоряжения, приказы инструкции СНК РСФСР сохраняют свою силу впредь до отмены их соответствующим органом СССР или Казахской ССР.

11 февраля 1957 г. был принят Закон СССР «Об отнесении к ведению Союзных республик законодательства об устройстве судов Союзных республик, принятии гражданского, уголовного и процессуальных кодексов». В ведении Союза ССР в соответствии с этим Законом осталось установление основ законодательства о судостроительстве, основ гражданского и уголовного законодательства². Верховный Совет Казахской ССР на IV сессии (март 1957 г.) внес соответствующие изменения в Конституцию Казахской ССР, отнес к ведению республики принятие законодательства о судостроительстве; гражданского и уголовного кодекса.

Во исполнение Закона СССР от 1 февраля 1957 г. Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г. были утверждены три законодательных акта: Основы законодательства Союза ССР, союзных и автономных республик о судостроительстве; Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик³.

На базе указанных Основ законодательства Союза ССР и союзных республик в Казахстане были разработаны и приняты Закон Казахской ССР «О судостроительстве Казахской ССР», Уголовный кодекс Казахской ССР и Уголовно-процессуальный кодекс Казахской ССР.

УК Казахской ССР был принят в 1959 г. и вступил в действие с 1 января 1960. Это был первый собственный УК в истории государства и права Казахстана. Вторым по счету кодифицированным источником уголовного права Казахстана стал УК Республики Казахстан 1997 г.

Таким образом, уголовное право Казахстана только в течение одного столетия прошло сложный эволюционный путь от обычного права к кодифицированному законодательству. В начале XX в. в период вхождения Казахстана в состав Российской Империи и в первые годы Советской власти одновременно действовали обычное право и общероссийское уголовное законодательство. Со второй половины 1920-х гг. основным источни-

¹ Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права / отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата, 1989.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 4. Ст. 63.

³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6, 12, 15.

ком уголовного права на территории Казахстана стал УК РСФСР, причем таковым он являлся как в период вхождения Казахстана в состав РСФСР в качестве автономной республики, так и после образования союзной Казах-

ской ССР. Первый в истории государства и права Казахстана УК был принят только в 1959 г. и вступил в действие с 1 января 1960 г.

Список цитируемой литературы:

1. Абиль Е. История государства и права Республики Казахстан с древнейших времен до начала XX в. Астана, 2000.
2. Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957.
3. Валиханов Ч. Записка о судебной реформе. Изд. 2-е, доп. и испр. Алматы: Жеті жарғы, 2004.
4. Гевердовский Я. Обзорение киргиз-кайсацких степей // Вестник ИГРО. Ч. XX. 1822.
5. Даулетова С. Барымта и ее ликвидация в первые годы Советской власти в Казахстане // Проблемы казахского обычного права / отв. ред. С. З. Зима-нов. Алма-Ата, 1989.
6. Зима-нов С. З., Даулетова С. О., Исмагулов М. Ш. Казахский отдел Наркомнаца РСФСР. Алма-Ата, 1975.
7. Зима-нов С. З. Состояние и задачи разработки проблем обычного права казахов // Проблемы обычного казахского права / отв. ред. С. З. Зима-нов. Алма-Ата, 1989.
8. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1963. Т. 1.
9. История государства и права Советского Казахстана. Алма-Ата, 1961. Т. 1.
10. История Казахской ССР: в 5-ти томах. Алма-Ата: Наука, 1980. Т. II.
11. Кенжалиев З. Ж. Декреты Казахской АССР, отменившие патриархально-феодальные общинно-правовые институты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1986.
12. Козлов А. Обычное право киргиз. Омск, 1882.
13. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832.
14. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1968. Т. 1. С. 45.
15. Самоквасов Д. Я. Сборник обычного права Сибирских инородцев. Варшава, 1876.
16. Содержание «Жеты-Жаргы» по: Султанов Т. И., Абусейтова М. Х. Общество и культура // История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001.

The list of the quoted literature:

1. Abil E. History of the state and law of the Republic of Kazakhstan from ancient times to the beginning of the twentieth century. Astana, 2000.
2. Bekmakhanov Ye. B. Accession of Kazakhstan to Russia. M., 1957.
3. Valikhanov Ch. A note on judicial reform. Ed. 2nd, add. and rev. Almaty: Zhety Zhargy, 2004.
4. Geverdovsky Y. Review of the Kyrgyz-Kaisak steppes // Bulletin of the IHRO. N. XX. 1822.
5. Dauletova S. Barymta and its liquidation in the first years of Soviet power in Kazakhstan // Problems of Kazakh customary law / ed. ed. S.Z. Zimanov. Alma-Ata, 1989.
6. Zimanov S. Z., Dauletova S. O., Ismagulov M. Sh. Kazakh department of the People's Commissar of the RSFSR. Alma-Ata, 1975.
7. Zimanov S. Z. The state and tasks of developing the problems of customary law of the Kazakhs // Problems of customary Kazakh law / ed. ed. S.Z. Zimanov. Alma-Ata, 1989.
8. Foreign military intervention and civil war in Central Asia and Kazakhstan. Alma-Ata, 1963.V. 1.
9. History of the state and law of Soviet Kazakhstan. Alma-Ata, 1961.V. 1.
10. History of the Kazakh SSR: in 5 volumes. Alma-Ata: Science, 1980.V. II.
11. Kenzhaliev Z. Zh. Decrees of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic that abolished patriarchal-feudal customary legal institutions: abstract. dis. ... cand. legal sciences. Alma-Ata, 1986.
12. Kozlov A. Customary law of the Kyrgyz. Omsk, 1882.
13. Levshin A. I. Description of the Kyrgyz Cossack or Kyrgyz Kaisat hordes and steppes. SPb., 1832.
14. Materials on the history of the political system of Kazakhstan. Alma-Ata, 1968.V. 1.P. 45.
15. Samokvasov D. Ya. Collection of customary law of Siberian foreigners. Warsaw, 1876.
16. The content of "Zhety-Zharga" by: Sultanov T. I., Abuseitova M. Kh. Society and culture // History of Kazakhstan and Central Asia. Almaty, 2001.

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ
ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 1919 ГОДА**

**TO THE QUESTION OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL CONTROL
OF CRIME IN THE CONTEXT OF CRIMINAL LAW GUIDELINES OF 1919**

Хомич В.М.

доктор юридических наук, профессор

заведующий информационно-

методическим кабинетом

ГУ «Научно-практический центр проблем

укрепления правопорядка и законности

Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»,

заслуженный юрист Республики Беларусь

(г. Минск)

Khomich Ul.M.

J.S.D., Professor, Head of Information and

Methodology Office of SI

*«Scientific and Practical Center for the Problems of
Strengthening of Law*

and Order of the General Prosecutor's Office

of the Republic of Belarus»,

Merited Lawyer of the Republic of Belarus

(Minsk)

Ключевые слова: руководящие или правовые начала уголовного права, уголовно-правовой контроль преступности, цифровизация преступления и наказания, легитимация уголовного закона.

Аннотация: В статье рассматриваются социально-правовые риски цифровизации уголовно-правового контроля преступности при отсутствии надлежащих правовых механизмов ограничения репрессивных начал уголовного права в поддержании социального правопорядка. Показано, что вопрос о легитимации преступления и наказания в эпоху цифровых технологий должен выстраиваться на общеправовых интересах защиты общества, провозглашенных в 1919 году Руководящими началами по уголовному праву.

Keywords: governing or legal principles of criminal law, criminal law crime control, digitalization of crime and punishment, legitimization of criminal law.

The summary: The article discusses the social and legal risks of digitalization of criminal law control of crime in the absence of appropriate legal mechanisms to limit the repressive principles of criminal law in maintaining social law and order. It is shown that the issue of the legitimization of crime and punishment in

the digital age should be built on the general legal interests of protecting society, proclaimed in 1919 as guiding principles in criminal law.

Начнем с постановления Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов «О точном соблюдении законов», которое было принято в ноябре 1918 г., чуть более чем за год до принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее по тексту – Руководящие начала). Эти правовые документы, как нам кажется, объединяет желание авторов сформулировать социально-естественные и общественно контролируемые основы уголовного права и уголовно-правового контроля преступности и наказуемости и в целом уголовную политику общечеловеческого измерения.

В разгар гражданской войны, в противовес революционной идеологии «белого и красного террора», съезд Советов в указанном постановлении призывает *всех граждан, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР*. Утверждается, что отступления от законов могут допускаться только в экстремальных условиях военного времени, но никак не в общей практике борьбы преступностью. Более того, провозглашался контроль общества (граждан) *за соблюдением законов органами и должностными лицами советской власти* (и это в те годы!). Согласно постановлению все должностные лица органов власти и советских учреждений обязаны были составлять *протоколы* на жалобы любого гражданина о незаконных действиях этих лиц и органов (учреждений) и направлять эти протоколы для рассмотрения в вышестоящие инстанции.

В этих кратких заключениях определялся, по существу, демократический и ответственно правовой формат взаимного контроля (скорее, взаимодействия) гражданского общества и сформированных институтов публичной власти, в том числе и в области уголовно-правового контроля преступности и наказуемости. К сожалению, это фундаментальное направление в правовой политике и сегодня нуждается не просто в обновлении и (или) пересмотре, а в *возрождении*¹.

¹ Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И. М. Рагимов, С. Н. Бабуринов, Ю. В. Голик [и др.]. СПб.: ООО «Юридический центр-Академия», 2019. С. 168-202.

Руководящие начала, являясь программным правовым документом по уголовному праву, исходили из необходимости поиска социально оправданного и справедливого *изменения* наказания (ст. ст. 5-10). С этой целью в них предложен очень широкий перечень (скорее, спектр) наказаний, которые могут и должны социально и карательно разнообразиться в зависимости от каждого отдельного *случая* и личности правонарушителя. Хотя об этом прямо не говорилось в Руководящих началах, но было очевидно: то, что является (может быть) преступлением, должно быть социально опасным для трудящихся (а не для управляющих). «С исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию» (ст. 16). В ряду наказаний уже в то время предусматривались так называемые *общественные* уголовно-правовые наказания: *внушение, выражение общественного порицания, принуждение к действию, не представляющему физического лишения, восстановление, принудительные работы без лишения свободы*. Спустя более 70 лет мы находим заложенные в Руководящих началах подходы, отражающие необходимость расширения *общественных санкций* (применение санкций в интересах общества и от лица общества без изоляции правонарушителя от общества), которые ныне сформулированы в Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителя от общества (Рекомендация R (92) 16 от 19 октября 1992 г. Комитета Министров Совета Европы)².

Можем ли мы спустя сто лет сказать, что позитивное уголовное право последовательно и динамично развивалось согласно этим Руководящим началам? В какой-то степени да, а в какой-то – нет.

Характер преступности в современном мире всё более (конечно, в меньшей или большей степени в разных экономических и государственных системах) определялся и продолжает определяться метастазирующими, олигархическими по характеру потребностями

² Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем / Совет Европы. Страсбург, 2015. С. 5-33.

власти. Следует согласиться с Д. А. Шестаковым, который, осмысливая развитие этого криминологического явления, делает следующее заключение о причинах воспроизводства преступности применительно к современной России: 1) противоречие между потребительством и духовностью, проявляющееся, в частности, в ослаблении национальной идеи; 2) противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя; противоречие ... между властью, слившейся с «олигархией», и большинством населения¹.

По ходу развития советских республик в составе СССР и после его распада в большинстве постсоветских государств сформировался своеобразный хаотический стиль управления сферой противодействия преступности². Уголовная политика в России и в других постсоветских государствах, утверждает Д. А. Шестаков, «поддерживая баланс между внутренним и внешним общественным мнением, преследует цели: 1) поддержания минимального порядка на обыденном уровне преступности и 2) сбережения от ответственности воров-богачей («олигархов»), с которыми власть связана общими интересами»³.

Состояние же большинства классических институтов уголовного права, призванных обеспечивать правовые начала справедливости и равенства в системе охранительных отношений, вольно или невольно, но незаметно перестраивалось вопреки объективно и социально заданным функциям уголовного права и его возможностям в противодействии преступности, равно как и иным социально-деструктивным формам социально опасной деятельности. Законодательно-инновационных «зигзагов» на этом правовом поле предостаточно. Симптоматично, однако, то, что прояв-

лялось это в принижении роли тех *элементов права* в уголовном праве, которые призваны формировать ограничительные правовые механизмы злоупотребления государством репрессивными началами уголовного права в поддержании социального правопорядка. К тому же, вопрос о легитимации уголовного закона в силу заявленной его охранительной функции осложнялся далеко непростым и неоднозначным социальным опытом публично-принудительного утверждения того, что должно быть *преступлением и наказанием* за него. Как заметил А. Э. Жалинский, уголовный закон легитимирует необходимое для общества насилие, а суть легитимности уголовного права состоит в уяснении вопроса о том, кто, за что и на каком основании вправе подвергать граждан наказанию⁴. Этот вопрос был и остается главным и сегодня, а может быть, сегодня как никогда ранее.

Уголовный кодекс России (равно как УК Беларуси и других постсоветских государств), который по замыслу разработчиков (ничуть не сомневаюсь в этом) был ориентирован на легитимацию позитивных начал в уголовной политике, тем не менее, не стал существенным прорывом в их реализации. Причины известны, но уголовный закон, к сожалению, не всегда следовал *правовым* (руководящим) началам уголовного права. Здесь коснемся только одной, которая обуславливает традиционно инфляционные процессы в системе уголовно-правовой защиты общества и к тому же сопровождается злоупотреблением уголовно-правовым инструментарием в поддержании в обществе достойного правопорядка как важнейшего условия общественной и национальной безопасности. Эта причина заключается в том, что, как всегда, упускается следующее – вопрос о легитимности уголовного закона должен фокусироваться не на колебаниях интересов властвующих элит, а на интересах обеспечения достойной и безопасной жизни людей. В таком контексте и следует интерпретировать (понимать) и преступление, и наказание не только в уголовно-правовой и криминологической науке, но и в социальной практике нормотворчества уголовного закона и его применения. Может быть, есть основания вер-

¹ Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. СПб.: Издательский Дом «АлефПресс», 2019. С. 26, 27.

² Хомич В. М. Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 40-43.

³ Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. С. 9.

⁴ Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2 изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 21.

нуться к определению новых руководящих начал по уголовному праву с учетом новых угроз человеческому существованию?

Сегодня, как ни странно, задача состоит в том, чтобы ограничить объективное уголовное право (уголовный закон), его существование и использование в защите социального правопорядка собственно правом – не более как рациональной необходимостью и социальной справедливостью.

Не является преувеличением, что процесс правотворчества в уголовном праве уже давно осуществляется по канонам волонтаристских наскоков. Поэтому является настолько стремительным, что порой напоминает функционально-юридическую суету, своего рода опьянение растущими нормативными массивами, отодвигающими в сторону процессы *социальной рационализации законов* и иных правовых актов на основе объективных законов социального прогресса и *рационализации социальной жизни людей, создающих благосостояние общества*.

Способствует этому и то, что в реальной правовой практике, в том числе и в уголовном судопроизводстве, преобладает взгляд на *право и закон* как на сугубо *текстовые явления*. Отсюда в совершенствовании объективного уголовного права теряется индивидуальное и общественное правосознание, игнорируются интересы большинства, социально конструктивные мотивы деятельности и многое другое, а это отрицательно сказывается на состоянии законности и правопорядка, сдерживает социальное развитие общества и государства¹.

Причина этому одна – в законотворчестве и правоприменении предается забвению истинное социальное предназначение уголовного права как вынужденной и исключительно императивно-принудительной правовой защиты человека и человеческого достоинства от общественно опасного произвола субъектов социальной деятельности.

Как ни парадоксально, но *существенной угрозой* для уголовного права как единственно правового и исключительно крайнего средства защиты общества от действительно криминальных угроз может стать перевод аналоговой оценки преступления и наказания в цифровую. Имеется в виду переход с аналоговой формы передачи правовой информации и

юридически значимых правовых (юридических) фактов, вызывающих правовую коммуникацию субъектов социальной деятельности в заданном правовом дискурсе, *в цифровую форму*.

Правоведы, по-настоящему культивирующие право как рационально и ответственно сбалансированную свободу, равенство и справедливость, должны очень осторожно относиться к этому. Прежде всего следует понимать функциональные последствия цифровизации права для ограничения действия самого права как социокультурной ценности во имя сохранения человека и человечества на основе формирования его рациональных потребностей выживания и прогрессивного самовыражения.

Вопрос состоит в том, что же изменится или должно измениться в рамках цифровизации права в понимании преступления и наказания, равно как и иных инструментариев уголовного права. По мнению С. Я. Лебедева, «неизбежно потребуются изменение некоторых сущностных характеристик правовых понятий и процессов, внутренних характеристик уголовного права. Возникнут новые технологические процессы судопроизводства, юридические конструкции, нетрадиционные подходы к юридическому пониманию...». Коснется это уголовного права в обозначении того, что есть преступление, а вместе с ним и процессуального права, регламентирующего правовые механизмы воздействия на правонарушителей (преступников). Более того, по мнению автора, цифровые технологии «отчасти уже нашли отражение в уголовном законе (так называемые киберпреступления)»². Отражение нашли, но не в виде некоего цифрового преступления. Ничего нового в оценочно-правовую систему понимания преступления такие цифровые реалии, как киберпреступление или криптовалюта, не внесли и не внесут, поскольку преступление было и останется деянием человека, построенном на двух пороках – насилии или об-

² Лебедев С.Я. Право и безопасность в цифровом мире // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под ред. Н. А. Лопашенко; [ред. А. В. Голикова]. Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 222.

¹ Тихомиров Ю. В. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 7.

мане либо на их комбинации. Другое дело, что цифровые технологии усовершенствовали и будут усовершенствовать предметный и функциональный инструментарий и механизм совершения преступления. Цифровизация сферы правового регулирования коснется, несомненно, и процессуальной системы ведения уголовного судопроизводства, но ни в коем случае таких социально-правовых и оценочно индивидуальных конструкций, как преступление и наказание.

Социальная практика в области правообразования и правовой коммуникации всех субъектов социальной деятельности показывает, что с помощью так называемой цифровизации права из хрупких механизмов правового регулирования и позитивного правового воздействия на поведение субъектов очень легко и интенсивно вытесняется правовой стиль мышления и заменяется сугубо элитарным экономико-политическим, по принципу: «что изволите».

Еще более небезопасной нам представляется идея цифрового обеспечения безопасности от различного рода криминальных угроз, точнее, развиваемые технологии социального контроля преступности и процессуальной правоохранительной фиксации любого нормативно обусловленного (в то числе и правопослушного) поведения, что позволит автоматически выявлять любые несанкционированные (нештатные) угрозы безопасности¹. Но надо иметь в виду, что пропагандируемые цифровые технологии электронного контроля преступности неизбежно расширяют поле и возможности манипулирования поведением человека со стороны тех, кто организует и осуществляет таковой контроль посредством актуализации государством необходимости расширения криминального поля контроля социальных девиаций и их санкционного подавления посредством произвольной криминализации в угоду «глобальной олигархической власти»².

Процесс цифровизации права в строго правовом контексте имеет два аспекта: с одной стороны, это разработка «сопровождающего» права в целях правовой идентификации создаваемых цифровых элементов (объектов, субъектов, прав), с другой – автоматизация правовой отрасли посредством введения системы

цифровой коммуникации абсолютно выверенных правовых оснований (юридических фактов), не требующих индивидуализированной оценки для принятия правового решения в типичных ситуациях.

Анализ ряда проектов, связанных с цифровизацией принятия правовых решений, убеждает в том, что подобное допустимо в двух функциональных контекстах применения права. Во-первых, в процедурных и коммуникационных системах функционирования юридических фактов и обслуживающих их правовых нормативов с принятием промежуточных решений на основе стандартных правовых оснований. Но и здесь еще больше вопросов, чем ясности. Однако, по крайней мере, правовая коммуникация между субъектами социальной деятельности посредством цифровой связи вполне допустима, и пределы этого допущения могут быть установлены и прозрачны для всех, чтобы не разрушать человеческое измерение и оценку при принятии правового решения и обеспечить ответственность человека за принятие этого решения. Во-вторых, цифровизация права и правовых решений допустима лишь для цифрового по форме социального контроля правосудных органов (в широком смысле понимания этих органов) в целях недопущения с их стороны злоупотребления правовыми позициями при принятии индивидуализированных решений. В этом смысле укажу в качестве удачного примера на электронную систему назначения наказания профессора Ханлара Аликперова. Эта система не назначает наказание, а ограничивает назначение наказания в соответствии с задаваемыми правовыми позициями определенными пределами, выход за которые со стороны суда свидетельствует о неправосудности назначенного наказания³.

Сегодня юридическому сообществу следует констатировать наличие влияния новых информационных технологий и цифровизации на механизмы правоприменения, в котором действительно обостряется противоречие между скоростями и способами регулирования поведения, между «жесткой нормативной технологией» и «правовым выбором альтернатив». Однако цифровизация права не должна

¹ Там же. С. 223.

² Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. С. 55.

³ Аликперов Х. Д. Компьютерная программа определения меры наказания: материалы доклада на международной презентации «Электронных вестов правосудия». Баку, 2019. С. 6 -71.

сопровождаться изменением парадигмы понимания содержания права, оснований и критериев оценки решений, принимаемых субъектами социальной деятельности, на соответствие их правовым позициям, *не исключать правовую* идентификацию субъектов правовых отношений и правовой коммуникации.

Технологии цифровизации права должно рассматривать *только* как инструменты ответственного проникновения (интеграции) права в систему социальной коммуникации частного и публичного права при сохранении их относительной автономии и контроля со стороны институций гражданского общества.

Теоретически уголовное право (преступление и наказание) к новым виртуальным объектам должно относиться с позиций социальной контролируемости и обеспечения свободы действия права на принципах выбора безопасной альтернативы. Действовать необходимо либо по аналогии права, либо обособить эти объекты в качестве «иного имущества», применив к таким отношениям нормы о соответствующих видах договоров, деликтах и неосновательном обогащении. В любом случае виртуальные объекты *должны быть* адаптированы в право, а не наоборот – право адаптироваться в виртуальные объекты.

Список цитируемой литературы:

1. Аликперов Х. Д. Компьютерная программа определения меры наказания: материалы доклада на международной презентации «Электронных весов правосудия». Баку, 2019. 211 с.
2. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2 изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.
3. Лебедев С. Я. Право и безопасность в цифровом мире // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под ред. Н. А. Лопашенко; [ред. А. В. Голикова]. Саратов: Издательство ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 221-225.
4. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И. М. Рагимов, С. Н. Бабурин, Ю. В. Голик [и др.]. СПб.: ООО «Юридический центр-Академия», 2019. 334 с.
5. Тихомиров Ю. В. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 5 - 20.
6. Хомич В. М. Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2 / редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2018. С. 40-43.
7. Шестаков Д. А. Навстречу праву противодействия преступности. Статьи, выступления, отклики. СПб.: Издательский Дом «АлефПресс», 2019. 206 с.

The list of the quoted literature:

1. Alikperov H.D. Computer program for determining the measure of punishment: Materials of the report at the international presentation "Electronic scales of justice." Baku, 2019. 211 p.
2. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed. reslave. and add. M.: Prospect, 2009. 400 p.
3. Lebedev S.Ya. Law and security in the digital world // Criminal law impact and its role in crime prevention (IV Saratov criminal law readings): a collection of articles based on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, September 30 - October 1, 2019) / under the editorship of N.A. Lopashenko; [ed. A.V. Golikova]; FSBEI of HE "Saratov State Law Academy". Saratov: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2019. P. 221 – 225.
4. The modern state in the era of global transformations: analytical report / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik [et al.]. SPb.: LLC "Legal Center-Academy", 2019.333 p.
5. Tikhomirov Yu.V. Social Behavior and Law // Journal of Russian Law. 2019. No 5. P. 5 – 20.
6. Khomich V.M. Social crime control is infinitely chaotic and needs criminological normalization // Legal Science and Practice: Heritage, State and Development Prospects: Sat. scientific Art. : at 2 h. Part 2 / State University named after I. Kupala; Editorial: S.E. Cheburanova (Ch. Ed.) [Et al.]. Grodno: GrSU, 2018. P. 40 – 43.
7. Shestakov D.A. Towards the right to counter crime. Articles, speeches, feedback. SPb.: AlefPress Publishing House, 2019. 206 p.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ 1919
ГОДА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЗНАЧЕНИЕ

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF CRIME
IN THE LEADERSHIP OF CRIMINAL LAW, 1919:
BASIC FEATURES AND SIGNIFICANCE

Грошев А.В.

*профессор кафедры уголовного права,
доктор юридических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет»*

Groshev A.V.

*Professor at the Department of criminal Law,
Doctor of Juridical Science, professor
«Federal HPE Kuban State Agricultural University»*

Ключевые слова: преступление, институт преступления, уголовное право, уголовно-правовая доктрина, общественное правосознание.

Аннотация: В статье рассматриваются основные черты трансформации института преступления в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. На основе анализа данного памятника советского уголовного права исследуется изменение принципиальных положений о понятии преступления в уголовной политике пролетарского государства, отмечается значение указанных особенностей трансформации преступления для развития советской уголовно-правовой доктрины.

Keywords: crime, institute of crime, criminal law, criminal doctrine, public sense of justice.

The summary: The article considers the main features of the transformation of the institution of crime in the Guidelines on Criminal Law of the RSFSR 1919. On the basis of the analysis of this monument of Soviet criminal law, the change of the principle provisions on the concept of crime in the criminal policy of the proletarian state is investigated, and the importance of these features of the transformation of crime for the development of Soviet criminal law doctrine is noted.

Учение о преступлении и его отражение в уголовном законодательстве (институт преступления) является краеугольным камнем и фундаментальной категорией уголовно-правовой доктрины и системы уголовного права. Вся история развития отечественного уголовного законодательства, начиная с самых древних правовых установлений, свидетельствует, что компас уголовной политики соответствующего исторического периода развития государства, прежде всего, был направлен на

отыскание в социуме общественно опасных и порицаемых господствующим правосознанием и правом поступков людей, то есть преступлений.

Учение о преступлении в отечественной доктрине развивалось от примитивных представлений о преступлении как «обиде», нанесенной отдельным членам общины, выра-

жающей в причинении потерпевшему физического или имущественного вреда (законодательство Древней Руси X-XIV вв.)¹. В дальнейшем эти представления трансформировались в более осознанное понимание социальной природы преступления как посягательства на общие устои социума, выражающие коллективные интересы той или иной общности людей и, прежде всего, интересы государства (господствующего класса). Соответствующие данному типу правопонимания посягательства стали трактоваться как проявление «злой воли» преступника, что выразилось в закреплении в законодательстве терминологически точных обозначений преступления и личности преступника: «лихое дело» и «заведомо лихой человек» (законодательство периода становления Русского централизованного государства)².

Следующий этап развития института преступления в зеркале правопонимания соответствующей исторической эпохи связан с более полной и в то же время дифференцированной систематизацией отдельных преступлений на родовые группы исходя из общности их типовых свойств и, прежде всего, объекта посягательства. Это послужило основой формирования первой в истории отечественного законодательства системы Особенной части уголовного права (Соборное Уложение 1649 г.). Преступлением стало признаваться, при отсутствии его формального определения, нарушение социального и правового устройства (порядка) общества, неразрывно связанного с интересами государственной власти (преступление как нарушение «воли государя») (законодательство периода сословно-представительной монархии)³.

В более поздние периоды эволюции представлений о сущности преступления в правосознании стали складываться обобщенные его характеристики как причинения вреда

и убытка государству, что в законодательстве было обозначено новой для правопонимания того исторического периода категорией «преступление суть» (Именной указ от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное», Воинские артикулы 1715 г.). Так впервые в эволюции российского законодательства обозначилось выделение определенной общности правовых установлений (институтов), послуживших зарождению самостоятельной отрасли права – уголовного права (законодательство периода становления абсолютизма – эпохи Петра I и Екатерины II)⁴.

На рубеже XIX-XX вв. (1845-1903 гг.) учение о преступлении, достигнув апогея научной мысли и технико-юридического совершенства, получило формальное закрепление в кодифицированном законодательстве данного исторического периода в виде института преступления, включающего нормативную дефиницию общего понятия преступления и развернутую систему уголовно-правовых норм, характеризующих различные стороны и свойства преступления, системно связанного с иными институтами уголовного законодательства (наказания, иных мер уголовно-правового характера и др.) (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.)⁵. При этом сама дефиниция преступления лаконично выражала известный принцип древнеримского права (нет преступления без указания о том в законе), положенный в основу классической школы уголовного права (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Уголовное уложение 1903 г.)⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что к началу XX в. правовая регламентация института преступления значительно усложнилась и приобрела черты, во многом свойст-

¹ Российское законодательство X-XX веков: В 9 т. Т.1. Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. С. 63-67.

² Российское законодательство X-XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 54-62.

³ Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. (Гл. II. Ст. 18-21).

⁴ Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. С. 329- 330; Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 27-31.

⁵ Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т.6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 176.

⁶ Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. (с приложением предметного алфавитного указателя). СПб., 1903.

венные современному пониманию сущности преступления. Соответственно, в исследовании исторического генезиса института преступления четко обозначились две основные особенности: 1) историческая изменчивость понятия преступления и представлений о нем, сообразная изменению социальных условий жизни общества и общественного правосознания; 2) социальная обусловленность преступления теми социальными условиями, которые существуют (складываются) на определенном этапе исторического развития общества.

Однако плавного эволюционного развития доктрина преступления в отечественном уголовном праве не получила ввиду революционного крушения (слома) государства и права Российской Империи (1917-1922 гг.). В этот исторический период отечественное уголовное право (и его центральный институт преступления) оказалось в сфере нового культурного пространства – революционного правосознания нарождающегося исторического класса (пролетариата), возглавляемого партией большевиков. С этого периода начинается новый отсчет эволюции научной мысли и революционной энергии народных масс в области уголовной политики и уголовного законодательства. После многочисленных локальных экспериментов революционного правосознания, выразившихся в «точечной» криминализации различных контрреволюционных проявлений и частно-буржуазных эксцессов свергнутого класса, в том числе общеуголовного характера¹, представители новой уголовно-правовой доктрины осознали необходимость в обобщении накопленного, во многом бессистемного, опыта криминализации отдельных деяний и обуздания революционных страстей в сфере уголовной политики государства. Это потребовало разработки и формального принятия правового акта, содержащего программные революционные идеи и исходные принципы (начала) уголовной политики в сфере борьбы с преступностью нового типа – буржуазной контрреволюцией свергнутого класса и их пособников. В итоге видными теоретиками в области уголовного права того периода (М. Ю. Козловским, П. И. Стучкой) был подготовлен,

¹ Всего за период с 1917 по 1919 гг. было принято более 200 различных правовых актов (декретов) советской власти, устанавливающих преступность и наказуемость отдельных преступных проявлений.

а затем принят исторический документ – Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 1919 г.² (далее в тексте – Руководящие начала). В нем нашли отражение идейные установки революционного правосознания о задачах, понятии и системе уголовного права нового типа и его основных институтах – преступлении, наказании и критериях его назначения, стадиях совершения преступления, соучастии, видах и системе наказаний, условном осуждении, пространстве действия уголовного права.

По мнению ряда ученых, Руководящие начала создали теоретическую основу для «формирования исходных юридических норм общей части уголовного права»³. Историческая миссия Руководящих начал состояла в том, что они стали прототипом Общей части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.⁴ В этой связи следует отметить, что по своей природе Руководящие начала не являлись нормативным правовым актом, однако при разрешении конкретных уголовных дел они часто использовались в качестве источника норм уголовного права.

Следуя современным представлениям об институте преступления, основанном на действующем уголовном законодательстве, можно выделить следующие его элементы (и сегменты составляющих его уголовно-правовых норм): 1) понятие преступления и виды преступлений (категории, множественность и система преступлений, предусмотренных нормами Особенной части УК); 2) институт лиц, подлежащих уголовной ответственности; 3) институт вины; 4) институт оконченного и неоконченного преступления; 5) институт со-

² Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. ст. 590.

³ Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. М., 1948. С. 159-160.

⁴ О структурном обособлении Общей части российского уголовного законодательства и его значении см.: Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Колякина и М. Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2015. С. 20-21.

участия в преступлении; б) институт обстоятельств, исключаяющих преступность деяния.

Многие элементы института преступления, получив обстоятельную научную разработку и детальное технико-юридическое оформление в уголовном законодательстве середины XIX – начала XX вв. подверглись в Руководящих началах существенной идеологической и юридической трансформации. Не ставя задачи исследовать все аспекты изменения концептуальных основ института преступления в данном правовом источнике Советского государства, рассмотрим основные черты его трансформации в главном сегменте – понятии преступления (ст. 5 и 6 раздела III Руководящих начал «О преступлении и наказании»). Статья 5 Руководящих начал содержит следующее юридически абстрактное, но идеологически насыщенное определение преступления: «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». Данное положение корреспондирует со ст. 1 раздела I «Об уголовном праве», закрепляющей определение права как системы (порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованной его силой. Таким образом, определение преступления изначально представляло собой юридическую фикцию, поскольку, нарушая охраняемый уголовным правом «порядок общественных отношений», оно тем самым посягало на указанную систему (порядок) общественных отношений, составляющих содержание права (налицо «преступление без объекта»). Подобный логический отрыв сущности преступления от охраняемых правом общественных отношений в определенной степени устраняло определение уголовного права как отрасли права, имеющей своим содержанием «правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)» (ст. 2 раздела I Руководящих начал). В данном определении уголовное право (как система правовых норм и других правовых мер) и преступление находятся в диалектическом равновесии, поскольку в нем более четко показана направленность преступления на нарушение «системы общественных отношений классового общества».

В ст. 6 Руководящих начал конкретизируется юридическая сущность преступления как действия или бездействия, опасного для данной системы общественных отношений, что вызывает ответную реакцию государства –

«необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)». Сопоставление указанных положений, содержащихся в ст. 5 и 6 Руководящих начал, позволяет сформулировать следующее доктринальное определение преступления – это действие или бездействие, нарушающее порядок общественных отношений, охраняемых уголовным правом или опасное для данной системы общественных отношений, которые определяют необходимость его охраны от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания).

Сравнительный анализ указанного определения преступления и соответствующей дефиниции института преступления в дореволюционном уголовном законодательстве Российской империи XIX-XX вв. позволяет выделить следующие черты трансформации данного института в указанном источнике советского уголовного права:

1) Отказ от формального подхода к определению преступления и включение в его дефиницию «материального элемента» – нарушения порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом. Однако данное определение нельзя назвать материальным в полном смысле слова, поскольку указанный порядок нарушался в результате совершения любых правонарушений (в том числе, гражданско-правовых деликтов).

2) Смещение центра тяжести в оценке общественной опасности преступления с объективных свойств деяния (действия или бездействия) – его опасности для данной системы общественных отношений – на опасность личности преступника. О необходимости борьбы с совершающими такие действия (бездействие) лицами (преступниками) прямо говорится в ст. 6 Руководящих начал. Это непосредственно влияло на определение меры репрессивного воздействия, налагаемой на лицо, совершившее преступление. Согласно ст. 11 Руководящих начал суд при назначении наказания оценивает степень и характер опасности для общества как самого преступника, так и совершенного им деяния. В силу этого суд, в частности, выясняет, каким образом личность преступника проявилась в учиненном им деянии и его мотивах, и насколько возможно уяснить ее на основании образа жизни и прошлого преступника. Соответственно, в числе критериев (обстоятельств), определяющих строгость меры наказания, из предусмотренных ст. 12 Руководящих начал указаны черты и особенности личности преступника, с учетом

которых в каждом отдельном случае следует различать, совершено ли преступление: 1) лицом, принадлежащим к имущему классу (с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности), или неимущим лицом, находящимся в состоянии голода или нужды (п. «а»); 2) профессиональным преступником (рецидивистом), или первичным преступником (п. «г»); 3) с заранее обдуманым намерением, жестокостью, злобой, коварством, хитростью, или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности (п. «з»).

3) Отсутствие указания в дефиниции преступления на формальную противоправность (запрещенность) деяния предполагало фактическое допущение аналогии в применении уголовного закона. При этом основным источником аналогии права как инструмента оценки противоправности деяния признавалось революционное правосознание. В дальнейшем аналогия как средство судебной криминализации деяний и орудие уголовной политики было закреплено в ст. 10 УК РСФСР 1922 г.

Таким образом, дефиниция преступления, содержащаяся в Руководящих началах, как продукт трансформации его юридической сущности и концептуальных основ, представляло собой: 1) материально-правовую конструкцию; 2) инструмент уголовной репрессии, отражающий классовые начала уголовного права; 3) идеологическую категорию революционного правосознания; 4) инструмент отрицания буржуазной теории уголовного права, основанного на формальном определении преступления.

Подводя итоги исследованию, необходимо отметить, что классовое определение преступления в Руководящих началах утратило многие прогрессивные черты института преступления, являвшегося продуктом длительной исторической эволюции и представляющего собой весьма совершенный концепт правопонимания в дореволюционной уголовно-правовой доктрине и образец технико-юридического оформления в исторически отвергнутом уголовном законодательстве Российской империи.

Список цитируемой литературы:

1. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Утевский Б. С. История советского уголовного права. М., 1948.
2. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2015.

The list of the quoted literature:

1. Gercenson A. A., Greengace S. S., Durmanov N. D., Isayev M. M., Utevsky B. S. History of Soviet criminal law. M, 1948.
2. Russian criminal law. Special part: textbook for universities/under ed. V. P. Konyakhina and M. L. Prokhorova. M.: "CONTRACT", 2015.

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА
О СТЕПЕНИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОГО НАМЕРЕНИЯ**

**GUIDING PRINCIPLES
ON CRIMINAL LAW OF THE RSFSR OF 1919
ON THE DEGREE OF REALIZATION OF CRIMINAL INTENT**

Огородникова Н.В.

*кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «КубГУ»
(г. Краснодар)*

Ogorodnikova N.V.

*PhD in Law, Professor,
Criminal Law and Criminology Department,
Kuban State University
(Krasnodar)*

Ключевые слова: неоконченное преступление; приготовление к преступлению; покушение на преступление; Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; УК РФ 1996 г..

Аннотация: В статье анализируются нормы о неоконченном преступлении, содержащиеся в трех нормативно-правовых актах: Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РФ 1996 г., проводится их сопоставление с точки зрения позаимствования положительного исторического опыта законотворческого описания этапов реализации преступного намерения в поисках оптимальной регламентации стадий совершения преступления.

Keywords: unfinished crime; preparation for a crime; attempt to commit a crime; Guidelines on criminal law of the RSFSR in 1919; Code of criminal and correctional punishments in 1845; criminal code of the Russian Federation in 1996.

The summary: The article analyzes the norms of unfinished crime, containing as contained in three legal acts: the code about punishments of criminal and corrective 1845, the Guiding principles on criminal law of RSFSR 1919, the criminal code 1996, compares them from the point of view of borrowings the positive historical experience of law-making describe stages of implementation of criminal intent in the search for optimal regulation of the stages of the crime.

При обращении к Руководящим началам по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее по

тексту – *Руководящие начала*) нельзя не отметить сравнительно небольшой объем этого

постановления Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. (27 статей)¹. Объяснить такую лаконичность можно с учетом предыстории их принятия. Октябрьские события 1917 г. обусловили потребность в создании нового для мировой цивилизации правопорядка и законодательства. Декретом о суде № 1 дозволялось применять царское законодательство в части, не противоречащей задачам и идеологии новой власти, и лишь в конце 1918 г. такое дозволение было отменено². В течение этого короткого периода времени в области уголовного права сохраняли свое значение отдельные нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее по тексту – *Уложение 1845 г.*)³ и Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г.⁴, поскольку Уголовное уложение 1903 г.⁵ так полностью и не было введено в действие⁶. Первые нормативные установления уголовно-правового характера советский законодатель формулировал в декретах ВЦИК и СНК. Работа над кодификацией уголовного законодательства завершилась принятием первого Уголовного кодекса

РСФСР по ряду причин лишь в 1922 г.⁷: это и гражданская война, и белогвардейская интервенция, и недостаток высококвалифицированных специалистов в законодательской деятельности, нуждающейся в разработке совершенно новой идеологической концепции. Поэтому Руководящие начала были промежуточным, но очень значимым этапом построения социалистического уголовного законодательства, по сути, являясь прообразом Общей части разрабатываемого первого Уголовного кодекса первого в мире социалистического государства.

В Руководящих началах одна из восьми глав – четвёртая («О стадиях осуществления преступления») – была посвящена этапам реализации преступного намерения. Прежде чем перейти непосредственно к ее анализу, следует обратить внимание на импонирующий законодательный приём наименования глав – все заголовки (кроме главы VI) информируют о содержании той или иной главы, начинаясь с предлога «О»: «О преступлении и наказании» «О стадиях осуществления преступления», «О соучастии» и т.д.

Давая оценку данному нормативному акту, невозможно обойтись без компаративистского метода, поскольку лишь в сопоставлении можно определить достоинства и недостатки законодательного описания тех или иных норм, проследить динамику легального закрепления института неоконченного преступления. Поэтому представляется целесообразным рассматривать Руководящие начала, сравнивая их с соответствующими нормами Уложения 1845 г.⁸ и действующим Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 г. (далее по тексту – *УК РФ*) в ракурсе «позавчера-вчера-сегодня».

Все три нормативно-правовых акта стадиям совершения преступления посвятили отдельные рубрики: в Руководящих началах 1919 г. и УК РФ 1996 г. – это главы; в Уложении 1845 г. глава первая «О существе преступлений и проступков и о степенях вины» раздела I «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» имеет дополнительную градацию на

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление НКЮ 12 декабря 1919 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / сост. А. А. Герцензон; под ред. И. Т. Голякова. М.: Гос. изд-во юрид. литературы, 1953. С. 57-60.

² Кожурин В. О сводах законов Российской империи, СССР, РСФСР и Российской Федерации (к истории вопроса) // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 8-12.

³ Сборник всех новых законов: в 3-х томах. Свод законов уголовных. Т. 2 / Божанович. М.: Университет. тип., 1868.

⁴ Подробнее см. об этом: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Петроград-Киев: Изд-во книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915.

⁵ Уголовное уложение 22 марта 1903 г. с мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Министерства юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904.

⁶ См. об этом: Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права: сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909.

⁷ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. М.: Издание Военной коллегии Верх. Трибун. ВЦИК, 1922.

⁸ Пашковская А. В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Государство и право. 1995. № 11. С. 126-133.

отделения, второе из которых именуется «О умысле, о приготовлении к преступлению, о покушении на оное и о совершении преступления»¹. В каждом из названных нормативно-правовых актов содержится небольшое число норм об этапах совершения преступления (5 – в Уложении, 4 – в Руководящих началах и всего 3 – в УК РФ), позволяющих, тем не менее, сориентировать правоприменителя относительно как формы вины, так и характера предварительной преступной деятельности.

Наибольшее число норм в Уложении 1845 г. объясняется наибольшим числом этапов совершения преступления. Советское и постсоветское законодательство вполне обоснованно отказалось от такой стадии, как обнаружение умысла, ограничившись тремя – приготовлением к преступлению, покушением на преступление и окончанным преступлением. В дореволюционном законодательстве согласно ст. 8 Уложения 1845 г. названные этапы предварялись «одним лишь чрез что-либо обнаруженным на преступление умыслом», а согласно ст. 9, раскрывающей содержание этого этапа, «изъявление на словах, или письменно, или же иным каким действием, намерение учинить преступление, почитается *признаком умысла*. К числу таких признаков принадлежат угрозы, похвальбы и предложения сделать какое-либо зло».

Отличает досоветское законодательство и последовательность изложения стадий реализации преступного намерения: ст. 8 Уложения 1845 г. перечисляет все четыре стадии, в ст. 9-12 раскрывается их содержание, начиная от обнаружения умысла и заканчивая преступлением совершившимся. Руководящие начала отказались от обозначения завершающей стадии как преступления *совершившегося*, назвав её *оконченным* преступлением и изложив этапы деятельности в обратной последовательности, начиная с понятия оконченого преступления и заканчивая приготовлением к нему (ст. 17-19 Руководящих начал). УК РФ заимствовал опыт предшествующих законодательных актов, во-первых, приняв измененную Началами терминологию, во-вторых, вернувшись к дореволюционному опыту выделения нормы, аккумулирующей все стадии совершения преступления. В то же время к новеллам дейст-

вующего УК следует отнести придание правилам квалификации неоконченного преступления легального характера (ч. 3 ст. 29 УК РФ) и закрепление в данной главе нормы о добровольном отказе (ст. 31 УК РФ). Правила назначения наказания за предварительную преступную деятельность в отличие от советского закона содержатся в другой главе.

Разнятся и наименования глав рассматриваемых законодательных актов. Если Уложение лишь перечисляет содержание отделения второго – «О умысле, о приготовлении к преступлению, о покушении на оное и о совершении преступления», то Руководящие начала интегрируют нормы, содержащиеся в главе IV, заголовком «О стадиях осуществления преступления». УК РФ именуется главу 6 «Неоконченное преступление», тогда как информационно она содержит положения и об оконченом преступлении. Из трех приведённых вариантов наиболее предпочтительным видится наименование главы именно в Руководящих началах – «О стадиях осуществления преступления».

Соответствующая глава Уложения 1845 г. ограничивается нормами о стадиях совершения преступления, тогда как Руководящие начала в такую главу включают положение об учете стадии реализации преступного намерения при выборе меры репрессии, точнее, об индифферентности такого учета (ст. 20). Современный законодатель существенно расширил объем легализации института неоконченного преступления, дополнив содержание главы правилом квалификации незавершенной преступной деятельности (ч. 3 ст. 29 УК РФ), нормой о добровольном отказе от преступления (ст. 31 УК РФ) и положением, исключаяющим уголовную ответственность за преступления небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

При обращении к конкретным характеристикам каждой стадии совершения преступления в трех законодательных актах следует заметить как сходство, так и различия в их описании и объеме содержания.

Поскольку текст нормы Уложения 1845 г. об обнаружении умысла был приведен выше и не был воспринят советским и постсоветским законодателем, следует обратиться непосредственно к регламентации приготовления к преступлению. Наиболее кратко оно представлено в ст. 10 Уложения 1845 г. как приискание или приобретение средств для совершения преступления. Руководящие начала несколько расширили понятие этой стадии, дополнив её таким действием, как приспособление, сохра-

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. // Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб., 1887.

нив при этом оба довольно синонимичных термина «приискание» или «приобретение». Кроме того, законодатель не ограничивает приготовление приисканием или приобретением только средств для совершения преступления, но называет и орудия, а добавлением словосочетания (точнее, буквосочетания) «и т.п.» и вовсе делает перечень открытым. Современный законодатель пошел еще дальше в регламентации приготовления к преступлению. Заимствуя опыт Руководящих начал, он оставляет перечень приготовительных действий открытым, существенно расширяя варианты их объективизации. Наиболее оптимальной следует признать редакцию ч. 1 ст. 30 УК РФ по нескольким основаниям. Кроме установления расширенного перечня приготовительных действий, законодатель подытоживает определение приготовления указанием «либо иное умышленное создание условий для совершения преступления», что, собственно, отражает саму суть этого этапа совершения преступления. Кроме того, действующий закон добавляет важную оговорку – «если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам», что позволяет отличить наказуемую предварительную преступную деятельность от добровольного отказа от преступления.

Следующая стадия – покушение на преступление. Согласно ст. 11 Уложения 1845 г. это «всякое действие, коим начинается или продолжается приведение злого намерения в исполнение». В данном кратком определении отсутствуют признаки, указывающие на незавершенность преступления и на ее причины. Поэтому более пространной является дефиниция покушения в ст. 18 Руководящих начал: это действие, направленное на совершение преступления, когда совершающий выполнил всё, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим. Редакция современного закона ближе к тексту Руководящих начал, но с существенной коррекцией. Советский законодатель ограничивает возможность совершения покушения только активной формой поведения и только одним видом – оконченным покушением. Тем самым остается без регламентации вариант, когда совершающий не сумел выполнить всего, что было необходимо для реализации своего умысла, отчего и не наступил преступный результат. Изложенная ситуация не подпадает под понятие ни приготовления к преступлению, ни покушения на преступление, ни, тем более, оконченного преступления.

Недостатком приведенного определения является и то, что оно относится к преступлениям, сконструированным по типу материальных составов, поскольку применительно к формальным составам преступлений выполнение всего, что необходимо для приведения своего умысла в исполнение, отражает окончательный состав преступления. С учетом приведенных погрешностей предшествующих норм в УК РФ законодатель ограничивается указанием на умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, с той же оговоркой, что и для приготовления к преступлению, позволяющей отличить неоконченное преступление от добровольного отказа от преступления.

Завершающая стадия – оконченное преступление.

В ст. 12 Уложения 1845 г. преступление почитается *совершившимся*, когда «в самом деле последовало преднамеренное виновным, или же иное от его действий зло».

Статья 17 Руководящих начал считает преступление оконченным, когда намерение совершающего преступление осуществилось до конца.

Согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного законом.

Самой неудачной, на мой взгляд, является редакция именно действующего УК РФ, поставившего во главу угла не субъективный, а объективный критерий – наличие в содеянном всех признаков состава преступления, предусмотренного законом. Буквальное толкование этого положения оставляет без внимания учет степени приведения умысла в исполнение. Так, при нереализованном умысле на убийство виновный может понести ответственность за причинение, скажем, легкого вреда здоровью, если выстрелом не убил, а лишь ранил потерпевшего, поскольку в содеянном содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ.

Оставляет почву для размышлений и соответствующая норма Уложения 1845 г., поскольку говорит о причинении не только преднамеренного виновным, но и иного от его действий зла. Поэтому более предпочтительной является редакция ст. 17 Руководящих начал, ставящая акцент на субъективном критерии.

Обращает на себя внимание поливариантное обозначение субъекта преступления. В Уложении 1845 г. законодатель лишь единожды упоминает его, называя виновным в ст. 12

об оконченном преступлении. В четырех статьях Руководящих начал используются четыре варианта его обозначения: при определении оконченного преступления – совершающий преступление; в понятии покушения – совершающий; в понятии приготовления – лицо, подготавливающее преступление. В завершающей статье главы IV Руководящих начал, декларируя индифферентность влияния стадии на выбор меры репрессии, законодатель уже конкретно использует термин «преступник». В современном УК субъект преступления обозначается интегрированным термином – «лицо».

В отличие от дореволюционного и постсоветского законодательства Руководящие начала не содержат указания на форму вины, что, тем не менее, не оставляет сомнений в единственно возможной её форме при неоконченном преступлении – умысле.

Подводя итог, можно заключить, что Руководящие начала явились этапом в совершенствовании законодательной регламентации неоконченного преступления, своеобразным «мостиком» между «прошлым и будущим».

Краткий проведенный анализ позволяет отметить преемственность в целом законодательных установлений относительно степени реализации преступного намерения. Если не принимать во внимание легализацию обнару-

жения умысла в Уложении 1845 г., то следует признать единодушной позицию законодателя во всех трех нормативно-правовых актах по поводу количества стадий совершения преступления и их сущности. Менялась наполняемость их содержания, уточнялись виды преступного поведения и формы проявления, но суть дифференциации этапов совершения преступления сохранялась.

Поступательность совершенствования законодательного подхода к описанию института неоконченного преступления проявляется в детализации соответствующих норм, расширении перечня приготовительных действий и признании этого перечня примерным, расширении понятия покушения за счет возможности его совершения путем бездействия, исключении уголовного преследования за приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести, дополнения главы нормой о добровольном отказе. Современное законодательство базируется на исторических достижениях уголовно-правовой доктрины, законодательной и правоприменительной практики (в том числе заложенной и в Руководящих началах 1919 г.) и неуклонно движется вперед в поисках оптимальной регламентации стадий совершения преступления.

Список цитируемой литературы:

1. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Петроград-Киев: Изд-во книжного магазина Н. Я. Оглоблина, 1915. 699 с.
2. Кожурин В. О сводах законов Российской империи, СССР, РСФСР и Российской Федерации (к истории вопроса) // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 8-12.
3. Пашковская А. В. К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных // Государство и право. 1995. № 11. С. 126-133.
4. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права: сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Тип. В. М. Саблина, 1909. 516 с.

The list of the quoted literature:

1. Vladimirovsky-Budanov M. F. Overview of the history of Russian law. 7th ed. Petrograd-Kiev: Publishing house of the bookstore of N. Ya. Ogloblin, 1915. 699 p.
2. Kozhurin V. On the codes of laws of the Russian Empire, the USSR, the RSFSR and the Russian Federation (to the history of the issue) // Russian Justice. 1996. No. 7. S. 8-12.
3. Pashkovskaya A. Century. On the 150th anniversary of the Code of Criminal and Correctional Sentences // State and Law. 1995. No. 11. S. 126-133.
4. Poznyshev S. V. A Special Part of Russian Criminal Law: A Comparative Essay on the Most Important Divisions of a Special Part of the Old and New Laws. Ed. 2nd, rev. and add. M.: Type. V. M. Sablina, 1909. 516 p.

**НЕПРЕСТУПНЫЕ ДЕЯНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ
В РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА**

**NON-CRIMINAL ACTS REGULATED
IN THE GUIDELINES ON CRIMINAL LAW
OF THE RSFSR 1919**

Клюев А.А.

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного права

Северо-Кавказского филиала

*ФГБОУВО «Российский государственный универ-
ситет правосудия»*

(г. Краснодар)

Klyuev A.A.

candidate of law, associate Professor,

associate Professor of criminal law

North Caucasus branch

FGBOU VPO «Russian state University of justice»

(Krasnodar)

Ключевые слова: Преступление, невменяемость, необходимая оборона, наказание.

Аннотация: Статья посвящена анализу положений Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года о деяниях, которые не влекли назначение уголовного наказания. Автором рассмотрен подход законодателя к понятию преступления, вопросам ответственности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, невменяемости, необходимой обороны.

Keywords: crime, insanity, self-defense, punishment.

The summary: The article is devoted to the analysis of the provisions of the Guidelines on criminal law of the RSFSR. 1919 about acts which did not involve appointment of criminal punishment. The author considers the approach of the legislator to the concept of crime, issues of responsibility of persons under the age of responsibility, insanity, necessary defense.

В связи с изменениями политического характера, произошедшими в октябре 1917 года, ранее действующее законодательство, в том числе и уголовное, было признано утратившим силу. Вместе с тем это не означало полного отказа от применения каких-либо нормативных установлений, в том числе исходящих от прежнего государства.

Принятый 24 ноября 1917 г. Декрет СНК РСФСР №1 «О суде» являлся первым нормативным правовым актом новой власти, в тексте которого содержалось указание на возможность применения ранее действующих правовых норм «постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат

революционной совести и революционному правосознанию»¹. Таким образом, часть деяний, традиционно признаваемых преступлениями, могли наказываться и в соответствии Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1945 г. и с Уголовным уложением 1903 г.

В дальнейшем вопросы, связанные с признанием (непризнанием) того или иного деяния разновидностью преступного поведения, регламентировались специальными нормативными правовыми актами, посвященными определенным посягательствам. Такой подход не способствовал надлежащему противодействию преступным проявлениям. С целью выработки единого нормативного акта, в котором были бы консолидированы все положения о преступном и наказуемом поведении, была осуществлена соответствующая деятельность, результатом которой стало принятие Народным комиссариатом юстиции 12 декабря 1919 г. Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (далее в тексте – Руководящие начала).

В отличие от нормативных актов, действующих в Российской империи, Руководящие начала представляли собой документ, содержащий исключительно общие уголовно-правовые нормы без конкретизации определенных разновидностей преступного поведения и наказаний за его совершение. Рассматривая сущность и значимость данного нормативного правового акта, ученые отмечали, что «Руководящие начала являлись своего рода опытом обобщения судебно-трибунальской практики за первые два года существования диктатуры пролетариата и вместе с тем инструкцией судам для дальнейшего развития их работы»². Анализируя положения Руководящих начал, Е.В. Кобзева вполне обоснованно утверждает: «Здесь принцип целесообразности противопоставлялся чувству целесообразности, содержался отказ от нормирования уголовно-правовых отношений, уголовная ответственность характеризовалась оценочным вы-

ражением – «социальное чутье пролетарского суда»»³.

Данный документ, несмотря на отсутствие специальных норм, которые бы определяли сущность того или иного конкретного деяния, содержал общее определение преступного поведения. Причем это понятие содержалось в нескольких статьях. Так, в ст. 5 в качестве преступления определено «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом»⁴. Обращает на себя внимание то, что преступление связывалось с нарушением именно общественных отношений, что «сняло» те сложности, которые в настоящее время возникают с определением объекта преступления, так как в УК РФ говорится об интересах, охраняемых законом (ст. ст. 2, 11 и др.). При этом нарушение должно было связываться с уголовным правом, которое фактически предполагало совокупность нормативных предписаний и их применение судами.

Что касается второй статьи, определяющей преступное поведение, то она развивала предыдущий постулат, обращая внимание на последствия соответствующего нарушения: «Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)». В данном определении содержалось указание на внешние формы преступления (действия и бездействие), такое его свойство, как общественная опасность, и на необходимость реагирования со стороны органов государственной власти на совершивших его виновных лиц (преступников).

Интересующее нас явление – непроступное поведение, которое предусматривалось в нормах Руководящих начал, не предусматривалось в одной уголовно-правовой норме, как это имеет место и в УК РФ. Положения о нем были «разбросаны» по нескольким статьям. При этом законодатель не указывал на непроступное поведение как таковое, а вел речь о неприменении при его наличии наказания или

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. С. 16.

² Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д. и др. История советского уголовного права. М., 1947. С. 158.

³ Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 64.

⁴ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

неприменении судебного порядка рассмотрения дела. Именно с этим мы и связываем факт непреступности поведения, так как наказание являлось обязательным правовым последствием совершения преступления. Положения о ненаказуемости были связаны с возрастом субъекта преступления, вопросами неоконченного преступного поведения, обстоятельствами, исключаящими преступность деяния и т.п. Обращает на себя внимание, что все соответствующие нормы были помещены законодателем в главу II «Общие начала применения наказания».

Первым из непреступных деяний, содержащимся в Руководящих началах, является действие или бездействие, запрещенное уголовным правом, но совершенное лицами, не достигшими четырнадцати лет (ст. 13). О непреступном характере поведения свидетельствует фраза: «не подлежат суду и наказанию». Несовершеннолетние, не достигшие четырнадцати лет к моменту совершения запрещенного уголовным правом деяния, подлежали лишь воспитательным мерам (приспособлению), которые применялись во внесудебном порядке. Сущность данных мер в рассматриваемом акте не уточнялось, как, собственно, не содержится описание принудительных мер, применяемых к лицам, совершившим общественно опасное деяние, не достигшим возраста уголовной ответственности, и в УК РФ. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а также Уголовном уложении 1903 г. законодатель уточнял содержание мер, применяемых к таким лицам: «Они отдаются родителям, опекунам или родственникам для вразумления и наставления их впоследствии»¹. Сам по себе возраст уголовной ответственности впервые был повышен, так как законодательство Российской империи содержало указание на семь или десять лет.

Статьей 13 Руководящих начал неприменение наказания распространялось на лиц, совершивших деяние, запрещенное уголовным правом, и по достижении четырнадцати лет, причем вплоть до восемнадцати, при условии, что действие (бездействие) было осуществлено им «без разумения». Подобное указание позволяет заключить: для признания деяния непреступным необходимо было установить не только возрастные границы, но и неспособ-

ность осознавать характер и степень опасности своего деяния, что можно оценить как «возрастную невменяемость»². Важно, что непреступными признавались любые общественно опасные деяния указанных ранее несовершеннолетних, а не некоторые из них.

В ст. 14 Руководящих начал предусматривался следующий вид ненаказуемого и не подлежащего рассмотрению в судах деяния, что позволяет также отнести его к числу непреступных: «Совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью». Подобное деяние в настоящее время признается совершенным невменяемым лицом. Как и в действующем законодательстве, применительно к подобной ситуации указывается на совершение деяния, а не преступления, что и приводит нас к мысли о непреступном характере такого поведения. В ст. 14 Руководящих начал определялись правовые последствия подобного деяния: «К таковым лицам применяются лишь лечебные меры и меры предосторожности». Однако в отличие от ныне действующего уголовного законодательства названный нормативный правовой акт содержание таких мер не регламентировал.

При рассмотрении сущности состояния невменяемости обращает на себя внимание, что в рамках одной нормы законодатель фактически объединил два самостоятельных уголовно-правовых явления. Во-первых, деяния, совершенные непосредственно в состоянии невменяемости, исключают возможность признания их преступными, а следовательно, и применения наказания. Во-вторых, деяния, в момент осуществления являвшиеся преступными ввиду их совершения вменяемым лицом, у которого болезненные состояния, исключают его душевное равновесие, возникли к моменту вынесения приговора. В настоящее время такое состояние является лишь основанием для освобождения лица от уголовного

¹ Свод законов Российской империи. Том 15. СПб., 1885. С. 15.

² Клюев А. А. Непреступные деяния, регламентированные в советском государстве до принятия кодифицированного уголовного законодательства // Современная научная мысль. 2017. №6. С. 214-218.

наказания (ч. 1 ст. 81 УК РФ) с возможностью его отмены в случае выздоровления.

В качестве следующего непроступного деяния, предусмотренного Руководящими началами (ст. 15), следует признать причинение вреда в состоянии необходимой обороны: «Не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым средством отражения нападения, или средством защиты от насилия над его или других личностью, и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны». Ввиду того, что детальность не была присуща нормам Руководящих начал, положения о необходимой обороне тоже были представлены весьма ограниченно. Во-первых, законодатель связывал необходимую оборону только с освобождением от наказания, допуская при этом судебное рассмотрение дела (в отличие от ситуации совершения деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, и невменяемым). Во-вторых, допускалась лишь необходимая оборона от «нападения» (в тот период еще не применялся термин «посягательство»), направленного на причинение физического вреда обороняющемуся. Отношения собственности, интересы общества и государства, судя по тексту документа, не могли защищаться подобным образом. В-третьих, указывалось на отсутствие превышения мер необходимой обороны, однако в чем последнее состояло, не определялось, что позволяло практическим работникам принимать решения самостоятельно с учетом их видения ситуации, а также сложившихся правоприменительных

подходов (не следует забывать и о возможности применения аналогии).

Наконец, в качестве последнего непроступного деяния, которое предусматривалось нормами Руководящих начал, выступало «исчезновение условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя». Фактически законодатель регламентировал такое обстоятельство, как изменение обстановки, которое в настоящее время выступает основанием освобождения от уголовного наказания (ст. 80¹ УК РФ), а до 2003 г. – освобождения от уголовной ответственности (ст. 77 УК РФ). Статья 16 Руководящих начал определяла, что при изменении обстановки лицо не подвергается уголовному наказанию, что превращало соответствующее поведение в непроступное.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что Руководящие начала в общих чертах регламентировали положения как о преступном поведении, так и о тех деяниях, которые не влекли за собой назначение уголовного наказания, а в некоторых случаях и судебное рассмотрение. Однако уже в тот период была заложена база, на основании которой получили дальнейшую разработку и были усовершенствованы нормы о таких деяниях. Кроме того, в законодательстве были очерчены контуры правового воздействия на лиц, совершающих не только преступления, но и общественно опасные деяния, которые таковыми не признавались.

Список цитируемой литературы:

1. Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д. и др. История советского уголовного права. М., 1947.
2. Ключев А. А. Непреступные деяния, регламентированные в советском государстве до принятия кодифицированного уголовного законодательства // Современная научная мысль. 2017. № 6.
3. Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

The list of the quoted literature:

1. Herzenzon A. A., Gringauz S. S., Durmanov N. D. et al. History of the Soviet criminal law. M., 1947.
2. Klyuyev A. A. Unlawful acts regulated in the Soviet state prior to the adoption of codified criminal law // Modern Scientific Thought. 2017. No. 6.
3. Kobzeva E. V. Evaluation signs in the criminal law: dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 2002.

**ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА
НАКАЗАНИЯ В РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ПО УГОЛОВНОМУ
ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА**

**PREREQUISITES OF FORMATION OF THE INSTITUTION
OF PUNISHMENT IN CRIMINAL LAW GUIDELINES
OF THE RSFSR 1919**

Трахов А.И.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и кримино-
логии*

*Адыгейского государственного университета,
заслуженный юрист Российской Федерации и Рес-
публики Адыгея*

(г. Майкоп)

Trakhov A.I.

*Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Head of the Department of Criminal Law and
Criminology of Adyghe State University,*

*Honored Lawyer of Russian Federation,
Honored Lawyer of Republic of Adyghea (Maykop)*

Бешукова З.М.

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Адыгейского государственного университета*

(г. Майкоп)

Beshukova Z.M.

*Candidate of Juridical Sciences,
Docent of the Department of Criminal Law and
Criminology of Adyghe State University*

(Maykop)

Ключевые слова: наказание, система наказаний, виды наказаний, институт уголовного наказания, принцип гуманизма, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства.

Аннотация: Статья посвящена анализу предпосылок становления института уголовного наказания в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. Определяются особенности развития данного института уголовного права в период действия неcodифицированного уголовного зако-

нодательства Советской власти, выявляются его достоинства и недостатки, рассматривается его влияние на формирование соответствующих норм в действующем УК РФ.

Keywords: punishment, system of punishments, types of punishments, institution of criminal punishment, principle of humanity, extenuating circumstances, aggravating circumstances.

The summary: This article is dedicated to the analysis of prerequisites of formation of the institution of criminal punishment in Criminal Law Guidelines of the RSFSR, issued in 1919. Features of development of this institution of Criminal Law in the period of uncodified criminal legislation of the Soviet power are defined, its merits and demerits come to light, and their influence on formation of the relevant standards in the existing Criminal Code of the Russian Federation are considered.

Статистические показатели свидетельствуют о непрекращающемся стабильном росте преступлений в Российской Федерации. Так, в январе-сентябре 2019 г. в стране зарегистрировано 1521,7 тыс. преступлений, что на 2,1% больше, чем за аналогичный период прошлого года¹. Особое место и значение в системе средств противодействия преступности отводится институту уголовного наказания. За время своего существования Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ, УК) претерпел многочисленные значительные изменения. По состоянию на 23 ноября 2019 г., то есть почти за 23 года действия УК, список изменяющих его документов включает 244 федеральных закона и 8 постановлений Конституционного Суда РФ, а количество внесённых ими изменений исчисляется несколькими тысячами. Для сравнения отметим, что за 36 лет действия УК РСФСР 1960 г. в него было внесено чуть больше 600 изменений и дополнений.

Значительным изменениям подвергся и раздел III («Наказание») УК РФ, нормы которого посвящены наказанию и вопросам его назначения. Данный раздел объединяет в настоящее время 34 статьи (порядковых номеров 35). Из них в неизменном виде, то есть в первоначальной редакции, остались всего 6 статей (ст. ст. 43, 48, 55, 60, 66, 67 УК).

Одним из приоритетных направлений модернизации уголовного законодательства Российской Федерации выступает реформирование системы наказаний. С учетом современных тенденций в экономике и социальной жизни в стране проводится политика поэтап-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/18556721/> (дата обращения: 17.11.2019 г.).

ной гуманизации наказания за совершение одних преступлений при одновременном ужесточении наказания за совершение других. Так, в июне 2019 г. в УК внесены изменения, ужесточающие ответственность за отдельные преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершённые в состоянии опьянения. Одновременно с этим в УК был изменён подход к определению категорий преступлений, представляющих собой неосторожные деяния, предусмотренный ст. 15. Сказанное предопределяет интерес к изучению истории развития института наказания.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее по тексту – Руководящие начала; Начала) стали одним из первых нормативных правовых источников Советской власти, в которых «была произведена унификация законодательного материала и отмена устаревших наказаний; установлено значительное количество новых теоретико-правовых разработок в институтах уголовного права»². Следует согласиться с тем, что их принятие необходимо «рассматривать и как результат преодоления имеющегося законотворческого хаоса, где революционное правотворчество, основывающееся на «революционной совести», в первый год Советской власти выработало многочисленные виды наказаний, сущность и содержание которых были весьма далёкими от признаков уголовного наказания и его целей»³.

² Розенко С. В. Развитие института наказания в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г.: концептуальные и методологические аспекты // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 85.

³ Гончаров Д. Ю. Наказание в законодательстве криминального цикла и правоприменительной практике в первые годы после Октябрьской революции // Уголовное наказание – социальное благо или зло: материалы VIII международной научно-практ. конференции, посвящённой памяти М. И.

Структурно Руководящие начала состоят из 8 разделов, объединяющих 27 пунктов. Необходимо уточнить, что в юридической литературе зачастую говорится о 27 статьях. Однако нам такая позиция представляется ошибочной, поскольку текст разделов Начал разделён арабскими цифрами на части без использования слова «статья». Кроме того, статьи, как правило, имеют название, отражающее их содержание. Они обозначаются арабскими цифрами, после которых ставится точка. Название пишется строчными буквами в той же строке. Вместе с тем пункты обозначаются арабскими цифрами с точкой и названия не имеют.

Нормативные предписания, посвящённые наказанию, содержались в 10 пунктах из 12 в разделе III «О преступлении и наказании», а видам наказания был посвящён весь одноименный раздел VI.

В Началах впервые в истории отечественного уголовного права была предпринята попытка сформулировать определение *понятия наказания*, причём согласно п. 2 оно было синонимично понятию репрессии. В п. 10 говорилось, что «наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий»¹. Как видим, в период становления Советского государства наказание понималось как оборонительное средство общества от преступных посягательств.

Цели уголовного наказания в Руководящих началах как таковые определены не были, однако был разрешён вопрос о его задаче. Ею признавалась «охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц» (п. 8). В п. 9 раскрывались возможные способы обеспечения безопасности общественного порядка «от будущих преступных действий лица, уже со-

вершившего преступление». К ним были отнесены: приспособление обозначенного лица к данному общественному порядку, а в случае невозможности такого приспособления – его изоляция, и, в исключительных случаях, его физическое уничтожение.

В основном содержание обозначенной задачи совпадает с превентивной целью современного уголовного наказания (предупреждение совершения новых преступлений) и в определённой степени коррелирует с такой целью, как исправление осуждённого. Вместе с тем необходимо отметить, что в Руководящих началах задачам специального предупреждения придаётся первостепенное значение, о чём свидетельствует конкретизация возможных методов воздействия на лицо, совершившее преступление. В то же время Руководящие начала содержат весьма поверхностное упоминание о задаче общего предупреждения.

В Началах была сформирована *система наказаний*, которая имела структуру и элементы. Структурно виды наказаний были расположены в виде так называемой «лестницы» – от менее строгого к наиболее строгому. Сразу отметим, что данный подход не был воспринят Уголовными кодексами РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., а получил дальнейшее развитие лишь в ныне действующем УК РФ. Элементами системы наказаний являлись 15 его видов, и их перечень не являлся исчерпывающим, на что делалось прямое указание в п. 25 Начал. Для детализации видов наказаний использовались строчные буквы русского алфавита, как и в ныне действующем УК РФ. Обращает на себя внимание то, что в подпункте «р» обозначался не вид наказания, а устанавливалась возможность сочетания различных видов наказания. Вместе с тем в Началах не нашли отражения правила сочетания наказаний или хотя бы отдельные критерии их сочетания. В частности, не было определено, какие из обозначенных наказаний могли быть применены только в качестве основных его видов; какие в качестве как основных, так и дополнительных; какие только в качестве дополнительных видов наказаний.

Отсутствие названных правил и (или) критериев, как, впрочем, и отсутствие «закрытого» перечня видов преступлений, позволяет сделать вывод о том, что Руководящие начала не стремились ограничить судебское усмотрение при назначении наказания законодательными рамками. Отметим, что в юридической литературе имеется точка зрения, согласно которой существование примерного перечня наказаний было обусловлено

Ковалева. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. Ч. 1. С. 173-178.

¹ Постановление НКЮ РСФСР «Руководящие начала по уголовному праву» от 12 декабря 1919 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a649x907.htm (дата обращения: 23.11.2019 г.).

тем, что «становление нового государства ещё не закончилось, а социалистические принципы только складывались. Опыт борьбы с преступностью в условиях нового строя был ещё невелик»¹. В связи с этим свести все виды наказаний в единую и стройную систему было просто невозможно².

Анализ видов наказаний, предусмотренных Началами, позволяет заключить, что система наказаний не была лишена недостатков. Так, в ней содержалась целая группа наказаний, которые, в сущности, не являлись уголовными по карательному воздействию, а носили политический характер – объявление под бойкотом, объявление врагом революции или народа, объявление вне закона.

Необходимо отметить, что в п. 25 закреплено важное положение о том, что «наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника».

В Началах не используется терминология «обстоятельства, смягчающие / отягчающие наказание», однако таковые в них были определены (п. 12). Несмотря на то, что в рамках «лестницы» наказаний их виды расположены от менее сурового к наиболее суровому, при определении перечня обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, данный подход не прослеживается: сначала расположены обстоятельства, отягчающие наказание, а затем – смягчающие его. Указанные обстоятельства не сформулированы в отдельных пунктах. Таким образом, аналогов ст. ст. 61 и 63 УК РФ в Началах не было. В них смягчающие и отягчающие обстоятельства связаны между собой общей конструкцией и внутренним смыслом. Кроме того, *отдельные* из названных обстоятельств изложены с использованием антитез, т.е. стилистического приёма, который заключается в противопоставлении прямо противоположных образов, свойств или действий. При этом отягчающему обстоятельству противопоставляется смягчающее, а не наоборот. Например: совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или не-

имущим в состоянии голода или нужды (пп. «а» п. 12).

В юридической литературе отмечалось, что в ряде случаев не совсем ясно, какое значение имеет то или иное обстоятельство при определении меры наказания³. В качестве примера приводилось обстоятельство, предусмотренное пп. «ж»: «направлено ли деяние против личности или против имущества», и ставился вопрос: «В каком из этих двух обстоятельств наказание должно быть более тяжким?»⁴. Представляется, что в первом из обозначенных в пп. «ж» случаев. Данный вывод мы делаем, исходя из смысла всей нормы (п. 12), её внутренней (логической) структуры, а также взаимосвязи элементов, её образующих. Вряд ли при изложении одного-единственного подпункта «ж» логика изложения обстоятельств, определяющих меру наказания, была нарушена. Аргументируем свою позицию. Так, анализ перечисленных в п. 12 обстоятельств, которые «следует различать» при определении меры наказания, позволяет сделать следующие выводы: во-первых, отягчающему обстоятельству противопоставляется либо смягчающее, либо нейтральное обстоятельство. Таким отягчающим обстоятельствам, как совершение преступления лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии (пп. «а»); совершение деяния с заранее обдуманном намерением, жестокостью, злобой, коварством, хитростью (пп. «з»), противопоставлялись следующие смягчающие обстоятельства соответственно – совершение преступления неимущим в состоянии голода или нужды (пп. «а»); совершение деяния в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности (пп. «з»).

Таким отягчающим обстоятельствам, как совершение деяния в интересах восстановления власти угнетающего класса (пп. «б»); совершение деяния профессиональным преступником (рецидивистом) (пп. «г»); совершение деяния группой, шайкой, бандой (пп. «д»); совершение деяния посредством насилия над личностью (пп. «е»), противопоставлялись следующие нейтральные обстоя-

¹ Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. С. 224-225.

² Там же.

³ См.: История советского уголовного права / Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М. и др. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 176.

⁴ Там же.

ва соответственно — совершение деяния в личных интересах (пп. «б»); совершение деяния впервые (пп. «г»); совершение деяния одним лицом (пп. «д»); совершение деяния без применения насилия над личностью (пп. «е»).

Во-вторых, нейтральному обстоятельству «совершение деяния в сознании причиненного вреда» противопоставлялось такое смягчающее обстоятельство, как «совершение деяния по невежеству и неосознанности» (пп. «в»).

Как видим, во всех случаях, перечисленных в п. 12 Начал, на *первом* месте указано обстоятельство, при наличии которого наказание должно быть более тяжким.

В нескольких нормах Руководящих начал нашёл отражение *принцип гуманизма*. Примерами его проявления могут служить положения, в которых устанавливалось, что «наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий» (п. 10); «несовершеннолетние до 14 лет не подлежат суду и наказанию. К ним применяются лишь воспитательные меры (приспособления). Такие же меры применяются в отношении лиц переходного возраста — 14-18 лет, действующих без разума» (п. 13). Воплощение принципа гуманизма нашло отражение и в перечневой системе наказаний. Поскольку, во-первых, в ней содержалось обширное число видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Отметим, что для первых лет Советской власти характерна тенденция к расширению гуманизации наказания, что подтверждается статистическими данными. Так, за вторую половину 1918 г. народные суды г. Москвы приговорили к лишению свободы 21,5 % осуждённых, к штрафу — 56,9 %. При этом за кражу каждый второй был осуждён к условной мере наказания¹.

Во-вторых, общая направленность на гуманизацию наказания, как было отмечено ранее, проявилась и в порядке расположения наказаний, предусмотренных перечнем. Наказания, которые в предыдущих источниках уголовного права находились на высшей ступени в иерархической «лестнице» наказаний, в Началах уступили место так называемым мерам судебно-воспитательного характера, таким как внушение; выражение общественного порицания; принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения).

Изложенное позволяет заключить, что Руководящие начала стали важным базисом в становлении института уголовного наказания, а основополагающие идеи, выдвинутые ими, получили дальнейшее развитие в последующих уголовных законах нашего государства.

¹ Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 44/45. С. 45.

Список цитируемой литературы:

1. Гончаров Д. Ю. Наказание в законодательстве криминального цикла и правоприменительной практике в первые годы после Октябрьской революции // Уголовное наказание – социальное благо или зло: материалы VIII международной науч.-практ. конф., посвящённой памяти М. И. Ковалева: Уральская государственная юрид. академия, 2012. Ч. 1. С. 173-178.
2. Еженедельник Советской юстиции. 1922. № 44/45. 48 с.
3. История государства и права СССР (сборник документов). Ч. II / сост.: Гончаров А. Ф., Титов Ю. П. М.: Юрид. лит., 1968. 504 с.
4. История советского уголовного права / Герцензон А. А., Грингауз Ш. С., Дурманов Н. Д., Исаев М. М. и др. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. 466 с.
5. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит., 1973. 287 с.
6. Розенко С. В. Развитие института наказания в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 г.: концептуальные и методологические аспекты // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26). С. 84–88.

The list of the quoted literature:

1. Goncharov D. Yu. Punishment in the legislation of a criminal cycle and law-enforcement practice in the first years after the October revolution // Criminal penalty - the social benefit or the evil: materials VIII international scientific conference devoted to M.I. Kovalyov's memory: Ural state legal academy, 2012. – Part 1. – P. 173 –178.
2. Weekly of the Soviet Justice. 1922. № 44/45.. 48 p.
3. History of state and law of the USSR (collection of documents). Part II. Originators: Goncharov A.F., Titov Yu.P. – M.: Juridical literature, 1968. – 504 p.
4. History of the Soviet Criminal Law / Gertsenzon of A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D., Isaev M.M., etc. M.: Juridical publishing house of Ministry of Justice (Soviet Union), 1948. – 466 p.
5. Karpets I.I. Punishment. Social, legal and criminological problems. – M.: Juridical literature. – 1973. – 287 p.
6. Rozenko S.V. Development of institute of punishment in Criminal Law Guidelines of the RSFSR 1919: conceptual and methodological aspects // Altai legal messenger. – 2019. – No. 2 (26). – P. 84-88.

О НАКАЗАНИЯХ В РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ
ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА

ABOUT PENALTIES IN THE GUIDING PRINCIPLES
ON CRIMINAL LAW OF RSFSR OF 1919

Селиверстов В.И.
*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)*

Seliverstov V.I.
*Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation.
Professor of the Department of Criminal Law
and Criminology
of the Law Faculty of the Lomonosov
Moscow State University (MSU)
(Moscow)*

Ключевые слова: осужденный, уголовные наказания, уголовное право, бойкот, враг революции, враг трудящихся, враг народа, объявление вне закона.

Аннотация: Статья посвящена характеристике отдельных наказаний, предусмотренных в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, принятых 12 декабря 1919 года. Рассматриваются особенности перечня наказания, анализируются отдельные его виды, в частности лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события, объявление под бойкотом, объявление врагом революции и народа, объявление вне закона.

Keywords: convict, criminal penalties, criminal law, boycott, enemy of the revolution, enemy of the workers, enemy of the people, outlaw.

The summary: The article is devoted to the characteristics of individual punishments provided for in the Guidelines on criminal law of the RSFSR, adopted on December 12, 1919. Features of the list of punishment are considered, separate types of punishment are analyzed, in particular imprisonment for a certain term or for an indefinite period before occurrence of a known event, announcements under boycott, announcements by the enemy of revolution and the people, announcements outside the law.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, принятые 12 декабря 1919 года Народным комиссариатом юстиции (далее по тексту – Руководящие начала), были не первым нормативным актом советской власти после Октябрьской социалистической револю-

ции. До Руководящих начал правовая регламентация применения мер уголовной репрессии осуществлялось с помощью декретов ВЦИК и СНК, различного рода обращений, предписаний, воззваний, инструкций названных органов. Все это дополнялось революци-

онным правосознанием масс, поскольку в самих перечисленных документах предлагалось применять дореволюционное законодательство при условии, если они не отменены революцией, не противоречат декретам советской власти, революционной совести и революционному правосознанию.

Вместе с тем значение Руководящих начал трудно переоценить. Это был своеобразный старт построению своего, отличного от буржуазного, уголовного права. Судя по введению к Руководящим началам, это была попытка «выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть». Дальнейшие события показали, что она оказалась вполне «успешной». Классовый подход к преступности позволил отправить в лагеря и расстрелять многих представителей русской интеллигенции, духовенства, силовых и правоохранительных структур Царской России.

В Руководящих началах особое место занимает раздел об уголовном наказании. Как указано во введении, «в процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, не организованно. Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право. Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения». Из этого следует, что меры уголовного наказания, рекомендуемые Руководящими началами, были рождены в процессе революционных преобразований 1917-1919 годов. Однако рассмотрение данных положений Руководящих начал позволяет предположить, что при определении уголовных наказаний был также заимствован опыт Царского периода развития России. Это же отмечали А. А. Герцензон и Н. Д. Дурманов, которые писали, что лишь некоторые «из этих видов рождены непосредственно судебно-трибунальской практикой тех лет»¹.

В Руководящих началах было установлено, что в соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушения, с

одной стороны, и с необходимостью наибольшего сокращения личных страданий преступника, с другой, наказание должно разнообразиться в зависимости от особенностей каждого отдельного случая и от личности преступника.

С целью достижения такого разнообразия были предусмотрены следующие примерные виды наказания: а) внушение; б) выражение общественного порицания; в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); г) объявление под бойкотом; д) исключение из объединения на время или навсегда; е) восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба; ж) отрешение от должности; з) воспрещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу; и) конфискация всего или части имущества; к) лишение политических прав; л) объявление врагом революции или народа; м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы; н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события; о) объявление вне закона; п) расстрел.

Кроме того, допускалось сочетание вышеперечисленных видов наказания.

Какие особенности указанного перечня наказаний можно отметить?

Первое. Обращает на себя внимание то, что перечень начинается с наказаний, имеющих меньший карательный потенциал. Через три года это положение меняется, поскольку установка на усиление уголовной репрессии требует адекватного ее отражения в нормах уголовного законодательства. Поэтому уже в УК РСФСР 1922 г. соответствующий перечень начинается с наиболее суровых мер наказания лиц, совершивших преступления. Этот же подход сохранился в УК РСФСР 1926 и 1960 гг. К ориентации судов на применение менее суровых видов наказания российский законодатель вернулся лишь в 1996 г., разместив наиболее суровые меры наказания в самом конце их перечня, предусмотренного в ст. 44 УК РФ.

Второе. Перечень уголовных наказаний в Руководящих началах действительно разнообразен. Объектом воздействия наказания являются такие блага, как политические права, имущество, личная свобода, честь и достоинство личности, право выбора места жительства, права на выбор места и рода трудовой деятельности, право на объединение и другое.

Третье. По своему статусу перечень наказаний является рекомендуемым. Это означает, что к моменту принятия Руководящих на-

¹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина и В. М. Чхиквадзе. М.: Изд-во Наука, 1970. С. 74.

чал еще не сложилось четкое понимание той системы уголовных наказаний, которая решала бы задачу охраны пролетарского государства от преступных проявлений. Видимо, в решении этого вопроса надежда возлагалась на продолжение судебно-трибунальской деятельности, в процессе которой некоторые из рекомендованных наказаний не выдержали бы проверку временем и одновременно появились бы новые. Необходимо отметить, что эти надежды оправдались в 1922 г., когда был принят первый УК РСФСР, предусматривший императивно закрепленный перечень уголовных наказаний.

Четвертое. В Руководящих началах представлен объемный перечень наказаний, не связанных с лишением свободы. Одни из них были закреплены в уголовном законодательстве и применялись в судебной практике Царской России. Например, пункт 34 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривал в качестве исправительных наказаний выговоры в присутствии суда, замечания или внушения из мест судебных или правительственных, денежные компенсации¹. Вместе с тем появились наказания, ранее не встречавшиеся в уголовном законодательстве и судебной практике Царской России (общественное порицание, принуждение к действию, не представляющему физического лишения, например, пройти известный курс обучения).

Определенные наказания без изоляции осужденного от общества по задумке авторов Руководящих начал должны были применяться к преступникам из числа социально-близких классов – пролетариата и крестьянства. В документе специально подчеркивалось, что при выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать: а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в инте-

ресах личных совершающего деяние. Речь идет о таких наказаниях, как а) внушение; б) выражение общественного порицания; в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения); г) объявление под бойкотом; д) исключение из объединения на время или навсегда; е) восстановление, а при невозможности его – возмещение причиненного ущерба.

Например, принуждение к действию, не представляющему физического лишения, выражалось в том, что, осуждая за контрреволюционную болтовню и другие незрелые воззрения на революцию, суд наряду с условным осуждением к наказанию мог присудить прослушать курс политической грамотности либо осуществлять в определенный период времени уход и возложение цветов к могилам погибших революционеров².

Пятое. Обращает на себя внимание триада наказаний в виде различного рода «объявлений»: объявление под бойкотом; объявление врагом революции или народа; объявление вне закона. При всей кажущейся безобидности таких «объявлений» (в отличие от лишения свободы, в том числе на неопределенный срок, и расстрела) карательное содержание этих наказаний достаточно суровое. При этом они могли применяться не только к представителям социально чуждых классов, но и к выходцам из рабочих и крестьян. Рассмотрим их более подробно.

Объявление под бойкотом. В словаре С. И. Ожегова под бойкотом понимается прекращение отношений с кем-либо в знак протеста против чьего-нибудь поведения, поступка³. Следует предположить, что включение в перечень данного наказания было вызвано имевшим место в судебно-трибунальской практике случаями осуждения к этому виду революционной репрессии. Она же (практика) в свою очередь была обусловлена исторической памятью народа, поскольку согласно Артикулу воинскому 1715 г. предусматривалось наказание в виде шельмования (объявления подлецом).

² Отчет Народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду советов. М., 1920. Цит. По: Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. С. 571.

³ См.: [https://gufo.me/dict/ozhegov/...](https://gufo.me/dict/ozhegov/) (дата обращения: 26.11.2019 г.).

¹ См.: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13654> (дата обращения: 26.11.2019 г.).

Данное наказание было направлено на лишение чести и достоинства и заключалось в публичном объявлении преступника шельмой с ломанием шпаги над головой и прибавлением имени преступника к виселице. В соответствии со ст. 5 главы «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях» всем надлежало знать, как с тем поступать, кто чести лишен, шельмован (то есть из числа добрых людей и верных низвергнут). Эти правила заключались в следующем (сохранена редакция первоисточника):

«1. Ни в какое дело, ниже свидетельство не принимать.

2. Кто такого ограбит, побьет или ранит, или у него отымет, у онаго челобитья не принимать, и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судитися будет.

3. В компании не допускать, и единым словом таковой весьма лишен общества Добрых людей; а кто сие преступит сам, может наказан быть»¹.

Впоследствии шельмование было заменено наказанием в виде лишения прав состояния.

Следует предположить, что по своему содержанию объявление бойкота отличалось от содержания шельмования, однако здесь следует констатировать заимствование из прошлого лишь самой идеи столь жестокого воздействия на достоинство личности. Следует также отметить, что в УК РСФСР 1922 г. уголовного наказания в виде объявления бойкота нет. Это свидетельствует о том, что оно не было в столь значимых масштабах воспринято судебной практикой и революционным правосознанием того времени.

Объявление врагом революции или народа. Название данного наказания достаточно противоречиво, особенно обращает на себя внимание использование разделительного союза «или». Соответственно, можно было объявить врагом революции, но это не означало, что данное лицо является врагом народа. И наоборот, враг народа, но не враг революции.

В Руководящих началах не раскрывается содержание данного вида наказания и порядок его исполнения. Из двух понятий наибольшее употребление в практике политической и классовой борьбы, а также в законодательстве Советского государства имел термин «враг народа». Возникшее в ходе Французской револю-

ции, он активно используется противоборствующими силами накануне, во время и после революционных потрясений в России. В ряде декретов, воззваний, предписаний и указаний первых лет Советской власти (1917-1919 гг.) раскрывается содержание указанного понятия. Однако оно достаточно изменчиво и зависит от того, к представителям какого класса применяется. Так, в «Предписании об объявлении изменником и врагом народа бывшего главнокомандующего Чехословацким фронтом левого эсера М. А. Муравьева» указывалось: «Всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте».

Но в то же самое время наказание для крестьян, не желавших даром отдавать результаты своего труда большевикам, формулировалось иначе. В декрете ВЦИК от 9 мая 1918 г. говорилось: «Объявить всех имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на сыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку – врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10-ти лет, изгонялись навсегда из общины, все их имущество подвергалось конфискации, а самогонщики сверх того прижудались к принудительным общественным работам»².

В УК РСФСР 1922 г. наказание в виде объявления врагом революции или народа отсутствует, однако появляется уголовное наказание в виде изгнания из пределов РСФСР на срок или бессрочно (п. «а» ст. 32). Оно применялось в случае совершения особо опасных государственных (контрреволюционных – в терминологии УК РСФСР 1922 г.) преступлений (например, пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии – ст. 70). При этом самовольное возвращение в пределы РСФСР в случае изгнания из них каралось высшей мерой наказания, коей являлся расстрел.

После принятия в 1924 г. Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в УК РСФСР 1926 г. появилось наказание в виде объявления врагом трудящихся с лишением гражданства Союза ССР и обязательным изгнанием из его пределов. Оно применялось бессрочно и только за преступления, угрожающие основам советского

¹ Российское законодательство X-XX веков. М., 1986. Том 4. 408-425.

² См.: <https://www.kommersant.ru/doc/4170187> (дата обращения: 26.11.2019 г.).

строю. В случае самовольного возвращения лица, а также при фактической невозможности привести в исполнение приговор об изгнании суд применял другую меру наказания, но не ниже 5 лет лишения свободы. Как указывается в юридической литературе, данное наказание в судебной практике почти не встречалось¹.

Объявление вне закона. До января 1918 г. этот термин имел по большей части агитационный, а не юридический характер. Однако постановлением Совнаркома РСФСР от 13 января 1918 г. было объявлено, что восставший против революции бывший главнокомандующий румынского фронта генерал Д.Г. Щербачев объявляется врагом народа и ставится вне закона. В августе 1919 г. Совнарком и ВЦИК Советов объявили Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака и «всех ставленников и агентов Колчака» вне закона. Судьба этих людей известна.

Впоследствии в Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и в УК РСФСР 1926 г. объявление вне закона как вида уголовного наказания уже не было. Однако оно было вновь введено постановлением президиума ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан Союза ССР – за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР»².

Введение специальной меры уголовного наказания для тех граждан СССР, которые работали в качестве должностных лиц

государственных учреждений или предприятий СССР, действующих за границей, и отказались вернуться в страну, было вызвано пространностью такого явления по разным причинам политического, идеологического личного характера. Не последнюю роль играли опасения при возвращении на Родину попасть под разворачивающуюся в то время в СССР кампанию незаконных репрессий.

Объявление вне закона влекло за собою конфискацию всего имущества, принадлежащего осужденному и находящегося на территории страны, которая исполнялась незамедлительно. Однако в этом наказании была и отсроченная по времени кара: в случае возвращения следовал расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Для этого имени объявленных вне закона сообщались всем исполкомам советов и органам ОГПУ (МГБ). Впрочем, история свидетельствует, что эта отсроченная по времени кара нередко исполнялась и за рубежом.

Еще одной особенностью постановления президиума ЦИК, введившего наказание в виде объявления вне закона, было то, что ему была придана обратная сила, что было характерно для уголовного права советского периода развития России.

Список цитируемой литературы:

1. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина и В. М. Чхиквадзе. М.: Изд-во Наука, 1970. 308 с.
2. Курс советского уголовного права. Общая часть. Т. 2 / под ред. Н. А. Беляева и М. Д. Шаргородского. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1970. 668 с.
3. Советское уголовное право. Общая часть. Учебное пособие / под ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Госюриздат, 1952. 507 с.

The list of the quoted literature:

1. Course of Soviet criminal law. The Portion Of The Total. Vol. Edited by A. A. Piontkovsky, P. S. Romashkin and V. M. Chhikvadze. - M., publishing house Science, 1970. 308 PP.
2. Course of Soviet criminal law. Common part. Vol. Edited By N. A. Belyaev and M. D. Shargorodsky. Leningrad, LSU publishing house, 1970. 668 PP.
3. Soviet criminal law. Common part. Textbook. Edited by V. M. Chkhikvadze. M., Gosyurizdat, 1952. 507 PP.

¹ Советское уголовное право. Общая часть. Учебное пособие / под ред. В. М. Чхиквадзе. М.: Госюриздат, 1952. С. 336.

² См.: <https://law.wikireading.ru/11800> (дата обращения: 26.11.2019 г.).

**ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ:
РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛАХ ПО
УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР 1919 ГОДА**

**MAIN CRITERIONS FOR PURPOSE OF PUNISHMENT:
REGULATION IN THE GUIDING BASICS OF CRIMINAL LAW
OF THE RSFSR 1919**

Прохоров Л.А.

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Prokhorov L.A.

Professor of the criminal law and criminology department of the Kuban state University (KubSU), doctor of legal Sciences, Professor, honored worker of higher school of Russia, honored lawyer of Russia (Krasnodar)

Прохорова М.Л.

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Prokhorova M.L.

Professor of the criminal law and criminology department of the Kuban state University (KubSU), doctor of legal Sciences, Professor (Krasnodar)

Ключевые слова: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, меры воздействия, меры наказания, критерии назначения наказания, принцип справедливости, смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Аннотация: В статье представлен краткий анализ основных критериев (общих начал) назначения наказания, сформулированных в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года. В процессе их рассмотрения авторы отмечают историческую преемственность ряда положений, получивших отражение (с известными коррективами, обусловленными особенностями этапа существования государства) и развитие и в УК РФ 1996 г.

Keywords: Guiding basics of Criminal law of the RSFSR, measures of influence, punishment, criteria for sentencing, principle of justice, mitigating and aggravating circumstances.

The summary: The article provides a brief analysis of the main criteria (general principles) of sentencing formulated in the Guiding basics of Criminal law of the RSFSR 1919. In the process of their consideration, the authors note the historical continuity of a number of provisions that have been reflected (with well-known corrections due to the peculiarities of the state's existence) and the development in the Criminal Code of 1996

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (*далее в тексте – Руководящие начала, Начала*)¹ являли собой первый систематизированный нормативно-правовой акт, введенный в действие постановлением Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. Соответственно принятой градации этот документ следует отнести к подзаконным правовым актам, причем к числу первых в Советской России и, как отмечено ранее, достаточно систематизированных. Принятие Руководящих начал в указанный исторический период было вполне обоснованным и необходимым шагом молодого советского государства, так как пришедшие к власти новые силы постарались до основания разрушить не только государственный аппарат, но и достаточно стройную, одну из передовых в Европе, правовую систему Российской Империи, оставив таким образом социум без надлежащего механизма нормативного регулирования и охраны, в том числе от преступных посягательств.

Во введении названного документа его создатели отмечают, что пришедший к власти пролетариат обеспечил такую ситуацию, в которой вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями без особых правил и без кодексов. Осуществляя борьбу с ними, он «применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без

особой системы, от случая к случаю, неорганизованно». А. А. Герцензон отмечал, что соответствующую правоприменительную деятельность осуществляли Революционные трибуналы, которые «вырабатывали новые виды репрессии, определяли классовую линию в борьбе с отдельными видами преступлений, устанавливали общие правила и положения, которые затем вылились в виде общих инструкций и даже уголовных законов»².

Именно уголовное право охраняет систему общественных отношений от разного рода преступных посягательств посредством применения предусмотренных в нем мер репрессии (наказания). «Красный террор», получивший в Советской России в 1919 г. широкий размах в целях обуздания классовых врагов пролетариата и прочих трудящихся масс, следовало облечь в правовую форму, отойти от отдельных декретов Советской власти и согласовать, централизовать разрозненные действия «вооруженного народа». Все это, по идее авторов, прежде всего должно относиться к уголовному праву, имеющего главной задачей слом сопротивления «повергнутых буржуазных и промежуточных классов» и обладающего для этого необходимым репрессивным потенциалом. Опыт революционных трибуналов и лег в основу важнейшего на тот период уголовно-правового документа – Руководящих начал.

Авторы, обозначив в ст. 7 Руководящих начал положение, что наказание есть мера

¹ См.: Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: утв. постановлением Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 года // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#00994135481477676>.

² См.: Уголовное право. Общая часть. Изд. четвертое, перераб. / под ред. В. Д. Меньшагина. М., 1948. С. 112.

принудительного воздействия, оказываемого на преступника («нарушителя порядка общественных отношений»), в качестве основных его задач определили: во-первых, охрану общественного порядка от совершившего преступление или покусившегося на таковое, а во-вторых, практическую реализацию идеи индивидуальной (специальной) и общей превенции. Показательным для условий существования вновь образованного советского государства явился тезис, согласно которому для того, чтобы обезопасить общественный порядок от будущих противоправных деяний лица, ранее совершившего преступление, можно использовать три модели воздействия на него: 1) приспособление к данному общественному порядку; 2) изоляция лица, не поддающегося приспособлению; 3) *физическое уничтожение его* (в исключительных случаях).

В тексте Руководящих начал с учетом целей уголовного наказания были сформулированы общие положения, которыми должен был руководствоваться суд при назначении наказания. Прежде чем вести о них речь, необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемый период в отечественной юридической доктрине наибольшее влияние имели положения социологической школы уголовного права. В этом русле М. А. Чельцов-Бебутов отмечал, что первые наказания являлись необходимыми мерами общественно обороны (социальной защиты)¹. При выборе наказания и определении его размера прежде всего следовало учитывать, что преступление в классовом обществе обуславливается главным образом укладом общественных отношений, в условиях которых существует преступник. Поэтому Руководящие начала в ст. 10 содержали положение о том, что уголовное наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Ему присуща роль социальной защиты. Будучи облеченным в форму меры оборонительной, оно должно быть целесообразным. Вместе с тем ему не должны быть свойственны признаки мучительства. Причинение преступнику бесполезных и лишних страданий должно быть исключено из круга его целей и задач.

Таким образом, в качестве новых принципов уголовного права взамен прежнего им-

ператива виновной ответственности (ст. 5-7 отд. 1 гл.1 раздела первого «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще» Уложения и о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) выдвигается тезис об «опасном состоянии личности» преступника, который должен был определить векторы деятельности законодателя и судей, указав последним на ориентиры, следование которым обеспечит успешность борьбы с преступностью².

М. А. Чельцов-Бебутов, определяя в свое время перспективу развития положений советского уголовного права, в том числе упомянутой ст. 10 Руководящих начал, указывал, что, по его мнению, «отдельные виды преступлений, предусмотренных в Особенной части УК, мало-по-малу отомрут, уступив свое место развитию Общей части УК, где будут указаны различные *типы преступников с указанием масштаба их опасности*». Но это не произойдет «завтра», то есть в ближайшей перспективе. В настоящее время («сегодня»), наоборот, проходит процесс дифференциации отдельных видов преступлений на подвиды при росте особенной части кодекса (*имеется в виду УК РСФСР 1922 г. – Авт.*). Но для «изгнания из УК остатков начала расплаты (равным за равное: чем тяжелее преступление, тем тяжелее наказание) законодатель вступит на новый путь. Достаточно наметить в самых общих чертах типы отдельных преступлений, а суд сам будет решать, представляет ли каждое отдельное деяние опасность для общества, и можно ли, следовательно, считать его преступлением (соответственно, с учетом ранее представленного тезиса относительно определения в законе различных типов преступников). Статья 10 Начал является в этом ракурсе лишь зерном, из которого разовьется будущий кодекс³.

Необходимо подчеркнуть, что положение Руководящих начал, связанное «с отказом от вины», было критически оценено А. А. Герцензоном, в свое время отмечавшим, что марксизм не отрицает ни разума, ни воли человека и, следовательно, нельзя отказываться от вины как основания уголовной ответственности. При этом он особо подчеркивал, что подобные «выводы от отказе от вины в рассматриваемый период были весьма распространенными как

¹ Чельцов-Бебутов М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1925. С. 59.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 109.

среди практических работников юстиции, так и среди ученых-криминалистов»¹.

Руководящие начала по вполне понятным причинам не содержали достаточно развернутого института назначения наказания, унифицированных понятий общих руководящих начал его индивидуализации. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что авторы документа закрепили два методологических понятия, заложенных в основу института индивидуализации наказания. Так, в ст. 11 акта закреплено понятие *меры воздействия*, а в ст. 12 определены *меры наказания*. Подобную дифференциацию мер социальной защиты в широком смысле на «собственно меры защиты и меры наказания», в дальнейшем получившую нормативное закрепление в ст. 5, 8 и 10 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., М. А. Чельцов-Бебутов назвал отступлением от общей позиции законодателя относительно наказуемости совершенного деяния. Однако сегодня подобное разделение следует оценивать в перспективе, то есть в ракурсе произошедшего в дальнейшем разделения мер уголовно-правового характера на наказание и иные меры (в частности, в УК РФ 1996 г. (далее в тексте – *УК РФ*) это принудительные меры медицинского характера, воспитательного воздействия, конфискация имущества, судебный штраф).

При проведении параллели между положениями ст. 11 Руководящих начал, посвященными определению меры воздействия на совершившего преступление, и ст. 60 УК РФ, регламентирующей систему общих начал назначения наказания, вполне обоснованно можно сделать вывод об определенной преемственности этих правовых установлений. Так, ст. 11 Начал устанавливает, что при определении меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер (свойство) опасности для общества как *самого преступника*, так и совершенного им деяния. В свою очередь и ст. 60 УК РФ, прежде всего, определяет, что лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание. Таким образом, закон требует от судов реализации в конкретизированном виде положений ст. 6 УК РФ. Как известно, они устанавливают, что наказание и иные меры уголовно-правового характера,

применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать *характеру и степени общественной опасности* преступления, обстоятельствам его совершения и *личности виновного*.

Итак, оба названных нормативно-правовых акта акцентируют внимание на двух «общих началах», или основных критериях, назначения наказания. Суд должен 1) учитывать характер и степень общественной опасности содеянного, 2) принимать во внимание степень и характер (свойство) опасности для общества *самого преступника*. Однако следует отметить один существенный нюанс: Руководящие начала поставили личность преступника на первое место (вновь отзвуки приверженности теории опасного состояния личности), а содеянное им – на второе, тогда как очередность их расположения в рамках ст. 60 УК РФ, как известно, иная.

Для реализации названного общего положения в Руководящих началах закреплены следующие два требования. *Во-первых*, суд должен: а) изучить в полном объеме обстановку содеянного, б) выяснить личность преступника, поскольку таковая проявляется в учиненном им деянии и его мотивах, в) по мере возможности уяснить личность преступника на основании образа его жизни и прошлого (очевидно, имеется в виду прошлое поведение в быту, по месту жительства, прошлые заслуги или, напротив, неблагоприятные факты биографии и пр.).

Во-вторых, суд обязан установить, в какой мере деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности. В свою очередь в ст. 60 УК РФ это требование звучит в следующей редакции: назначенное наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления.

Для практической реализации названных ранее общих требований к определению *мер воздействия на совершившего преступление лица* в ст. 12 Руководящих начал сформулирован комплекс обстоятельств, влияющих на определение меры наказания в каждом конкретном случае, то есть его индивидуализацию. По содержанию эти обстоятельства можно отнести либо к отягчающим наказание, либо к смягчающим его. Однако составители Начал пошли по пути их объединения в одной статье. Положения последней корреспондируют с установлениями ст. 61 («Обстоятельства, смягчающие наказание») и ст. 63 («Обстоятельства, отягчающие наказание») УК РФ. Само собой разумеется, что по своему сущностному со-

¹ Уголовное право. Общая часть. Изд. четвертое, перераб. / под ред. В. Д. Меньшагина. С. 118.

держанию они отличаются, соответствуя сложившейся в стране общественно-политической и экономической обстановке в периоды действия указанных нормативных актов.

Так, при определении меры наказания виновному лицу в соответствии с п. «а» ст. 12 Руководящих начал следует прежде всего учитывать отношение преступника к определенному социальному слою – к имущему классу (причем при этом надлежало выявлять, содеяно ли преступление в целях восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности) или к неимущим, находящимся в состоянии голода или нужды. Вполне понятно, что в условиях обостренной классово-борьбы это обстоятельство выполняло важную служебную роль при обеспечении справедливости назначаемого наказания.

Пункт «б» ст. 12 Руководящих начал указывал на обстоятельство, несколько созвучное по содержанию с представленным в п. «а»: совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса или в личных интересах деятеля. Пункт «в» ст. 12 связывал определение меры наказания с личностными психологическими свойствами виновного – совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и неосознанности.

Пункты «г» и «д» ст. 12 Начал предусматривали обстоятельства, и в настоящее время имеющие особое значение для индивидуализации наказания – это наличие рецидива («совершено ли деяние профессиональным

преступником (рецидивистом или первичным») и факт совершения преступления в соучастии («совершено ли деяние группой, шайкой, бандой или одним лицом»).

Следующая группа обстоятельств, влияющих на избрание меры уголовного наказания, была связана с объективно-субъективными признаками преступления. Они формулировались в последующих пунктах ст. 12. Подлежал учету факт применения насилия к потерпевшему (п. «е»); направленность деяния – против личности или имущества (п. «ж»); наличие заранее обдуманного намерения, жестокости, злобы, коварства или же, напротив, совершение деяния в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности.

Действующее отечественное уголовное законодательство, содержащее систему общих начал назначения наказания, сформулированных в ст. 60 и конкретизированных в ст. ст. 61 и 63 УК РФ, сформулировано с учетом исторического опыта нормотворческой деятельности российского государства. Как отмечалось ранее, многие положения с известными купюрами созвучны соответствующим установлениям Руководящих начал. Тем самым создана важнейшая правовая предпосылка обеспечения принципов законности и справедливости при применении мер данного вида государственного принуждения. И первым прообразом этого важнейшего уголовно-правового института явились Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г.

Список цитируемой литературы:

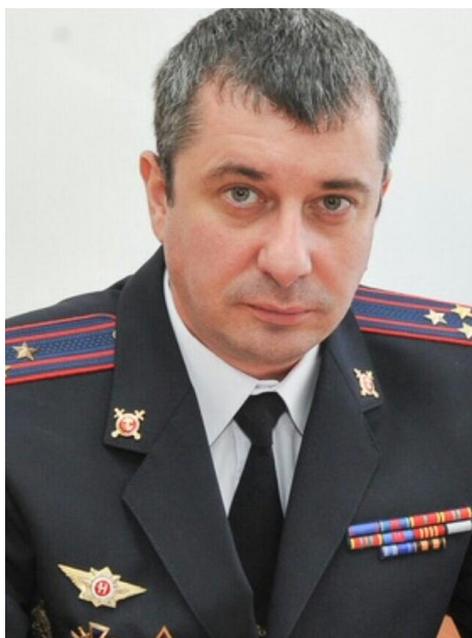
1. Уголовное право. Общая часть. Изд. четвертое, перераб. / под ред. В. Д. Меньшагина. М., 1948.
2. Чельцов-Бебутов М. А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1925.

The list of the quoted literature:

1. Criminal law. A common part. Ed. fourth, rev. / ed. V. D. Menshagina. M., 1948.
2. Cheltsov-Bebutov M. A. Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov: Legal Publishing House of the NKJU USSR, 1925.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ
НАКАЗАНИЙ И ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
ОСУЖДЕННЫХ В 1919 ГОДУ

CRIMINAL EXECUTIVE POLICY IN THE FIELD OF
DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE EXECUTION
OF ANGLAS PUNISHMENT AND ORGANIZATION OF LABOR
CONDEMNED IN 1919

Вишневецкий К.В.

доктор юридических наук, профессор

начальник кафедры уголовного права

и криминологии

Краснодарского университета МВД России,

(г. Краснодар)

Vishnevetsky K. V.

Doctor of Law, Professor

Head of the Department of Criminal Law

and criminology

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Af-
fairs of Russia*

(Krasnodar)

Ключевые слова: Октябрьская революция, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительная система, лишение свободы, лагеря для выполнения принудительных работ.

Аннотация: Статья посвящена анализу развития системы исполнения уголовных наказаний после Октябрьской революции 1917 г. Ключевой характеристикой данного процесса стало изменение вектора политики руководства государства в части замены карательных мер на реализацию трудовой повинности в местах лишения свободы. Продуктивная организация труда осужденных позволила обеспечить лучшее качество их жизнедеятельности, а также воссоздать централизованную уголовно-исполнительную систему.

Keywords: October Revolution, Governing Principles of Criminal Law of the RSFSR of 1919, penal policy, penal system, imprisonment, camps for forced labor.

The summary: The article is devoted to the analysis of the development of the system of execution of criminal sentences after the October Revolution of 1917. A key characteristic of this process was the change in the policy vector of the leadership of the state in terms of replacing punitive measures with the implementation of labor service in places of deprivation of liberty. The productive organization of the labor of convicts made it possible to ensure the best quality of their life, as well as to restore a centralized penal system.

После Октябрьской революции 1919 год стал переломным этапом для осуществления кардинальных изменений в уголовно-исполнительной системе и уголовно-исполнительной политике России, учитывая требования времени и исторической ретроспективы. Определенное влияние на этот процесс оказало принятие Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., закрепивших понятие, виды и цели наказания.

Большую значимость в указанный временной период приобретает возможность организации исполнения наказания осужденными посредством осуществления ими трудовой деятельности, что рассматривается как элемент единой системы развития общественных отношений.

Важно обратить внимание на то, что осуществляемая оценка общего состояния уголовно-исполнительной политики основывается на практике формирования и развития новой исторической реальности, не являясь при этом только следствием реализации имеющихся объективных условий.

Существенное значение для вносимых изменений в уголовно-исполнительную политику имело наличие оценки ее состояния к 1919 году, сформированной с учетом реалий времени, являвшейся следствием коренного преобразования процесса общественного развития в целом.

Обращает на себя внимание тот факт, что государственная уголовно-исполнительная политика в сфере развития правового регулирования исполнения уголовных наказаний и организации труда лиц, осужденных за различные категории преступных деяний, представляла собой систему. В ней имелись определенные базовые элементы, а также комплекс инструментов, необходимых для достижения поставленных целей и решения задач соответствующей деятельности.

Первые декреты и законы, которые были введены в практику после Октябрьской революции, носили по своей сути зачастую поверхностный характер и состояли из общих фраз¹.

События Февральской революции 1917 года коренным образом изменили обществен-

ный уклад бывшей царской России. Указанный период характеризовался массовыми волнениями, проявлениями бесчинств и беззакония, в том числе и в местах лишения свободы.

В результате издания приказа № 3 от 17 марта 1917 г., в котором было объявлено об амнистии и выпуске значительного числа уголовных преступников, подвергнутых наказанию за различные политические преступления, активизировалась необходимость создания более благоприятных условий отбывания наказания и систематизации уголовно-исполнительной политики. Основной целью его принятия явилась необходимость сокращения фактов неповиновения властям, снижения рисков различных акций и бунтов в местах лишения свободы. Приказ № 3 был призван способствовать изменению существующей ситуации при отбытии наказания согласно основным канонам уголовно-исполнительной политики².

В местах пребывания осужденных в указанное время значительно увеличилась агрессия, пришло осознание фактического безвластия в государстве, участились попытки различного рода бунтов. Данный исторический период был ознаменован ростом фактов разгромов материальной базы исправительных учреждений, погромов на территории мест лишения свободы. Сложившаяся ситуация была существенной помехой в первые годы советской власти для восстановления процессов, напрямую связанных с практической реализацией уголовно-исполнительной политики, практического исполнения уголовных наказаний и обеспечения выполнения трудовой повинности (занятости) осужденных (заключенных) в местах лишения свободы.

После событий, связанных с Октябрьской революцией 1917 года, деятельность ГУМЗ (Главное управление местами заключения) попадает под контроль Наркомата юстиции. В указанный период продолжается процесс утраты контроля центральной власти над ситуацией, складывающейся в различных регионах России. Бушующие исторические события привели к еще большим отрицательным

¹ См.: Реент Ю. А. Из опыта становления исправительно-трудовой системы РСФСР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2. С. 20- 24.

² Подробнее см.: Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов: монография. М.: Изд-во РИПК работников ОВД, 1992.

последствиям для развития системы уголовных наказаний, сложившейся до 1917 г., что потребовало кардинальных изменений в уголовно-исполнительной политике. К таким событиям можно отнести начавшуюся гражданскую войну, Брестский мир, наличие серьезных проблем в связи с оккупацией немецкими войсками западных территорий, продолжение иностранной интервенции, локальные внутренние конфликты, провозглашение народных республик¹.

Процессы, с учетом которых была выстроена новая система организации основных аспектов управления деятельностью учреждений по исполнению уголовных наказаний в виде лишения свободы осужденных за различные категории преступлений, активизировались на практике в начале 1918 г.

В указанный временной период был учрежден ЦКО (Центральный карательный отдел), который подчинялся НКЮ, упразднен ГУМЗ. Процесс формирования нормативно-правовой базы в сфере управления уголовно-исполнительной системой и реализации политики в области исполнения наказаний и обеспечения занятости осужденных, начал свое развитие с принятия постановления НКЮ «О тюремных рабочих командах» от 24.01.1918 г.²

Согласно названному нормативному акту в тюрьмах необходимо было организовать рабочие команды, призванные выполнять работы, определяемые сообразно задачам государства. Напряженность трудовой деятельности должна быть высокой, но при этом следовало учитывать состояние здоровья осужденного (заключенного).

Трудовая деятельность должна была осуществляться как лицами, находящимися под следствием и ожидающими решения судебных органов, так и осужденных за преступления различной категории. Плата за труд находящихся в местах лишения свободы не должна быть ниже цифровых значений в среднем по определенной отрасли. Значимо, что

¹ См. об этом: Уголовно-исполнительное право России: учебник для юридических вузов и факультетов. 3-е изд. / под ред. А. И. Зубкова. М.: Норма, 2006.

² См.: Постановление НКЮ «О тюремных рабочих командах» от 24.01.1918 г. // Опубликовано в № 16-ом Газеты Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 16 (от 24.01.1918 г.). Ст. 284.

зарабатываемые средства должны были делиться на основании следующей пропорции: 1/3 – в общетюремный фонд; 2/3 – на счет арестанта (они выдавались ему по освобождению). При этом 10% заработка лицо могло потребовать выплачивать ему в конце каждой рабочей недели для собственных нужд³.

Следующим нормативно-правовым актом, действующим в 1919 г. при организации уголовно-исполнительной политики на территории РСФСР, было принятое в конце июля 1918 г. постановление НКЮ «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)»⁴. В нем прописывались основные принципы функционирования и развития системы организации деятельности и процесса отбывания наказания в местах лишения свободы. Среди основополагающих принципов, на которые было обращено внимание в документе, была названа необходимость полного перевоспитания осужденных и самокупаемость тюрем.

Обращает на себя внимание закрепленная в нормативных документах названного периода необходимость максимальной активизации процессов привлечения заключенных (осужденных) к трудовой деятельности через принудительный труд. Это было важно потому, что изменился вектор политики руководства государства – карательные меры были в большей степени заменены на активизацию реализации трудовой повинности в местах лишения свободы. Осуществляемая заключенными трудовая деятельность была призвана в полной мере покрывать затраты государства на функционирование тюремного ведомства⁵.

В принятом нормативно-правовом акте был сделан акцент на том, что характер и тяжесть труда осужденных (заключенных) необ-

³ Патрушев Е. В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка в местах лишения свободы // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 4 (49). С. 14-116.

⁴ Беляева Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 3. С. 310–323.

⁵ См. об этом: Уголовно-исполнительное право России: учебник для юридических вузов и факультетов. 3-е изд. / под ред. А. И. Зубкова.

ходимо направлять на достижение процессом осуществления перевоспитания поставленной цели.

Указанным постановлением НКЮ «О лишении свободы как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)» были отменены действовавшие ранее нормативно-правовые акты, утратившие актуальность: «Устав о содержащихся под стражей»¹ и Устав «О ссылке»². Кроме того, им были внесены коррективы в дифференциацию мест лишения свободы на определенные разряды согласно тяжести наказания, которое назначалось осужденному.

Согласно действующим в 1919 г. нормативным документам в решениях суда обязательным являлось указание срока лишения свободы заключенным (осужденным). При этом процесс отбывания наказания напрямую «завязывался» на использовании принудительного труда заключенного. Важно отметить, что одним из вариантов лишения свободы в 1919 г. были «кратковременные принудительные работы без заключения под стражу на время, свободное от работы (до 3 месяцев)», что также касалось условий реализации уголовно-исполнительной политики в указанный период.

Внедрение различного рода организационных новаций при корректировке и последующем развитии уголовно-исполнительной системы и осуществляемой уголовно-исполнительной политики в 1919 г. происходило параллельно деятельности ЦКО НКЮ. В данный период началась активная фаза функционирования системы мест лишения свободы, которая на практике подчинялась Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее – ВЧК), где содержались противники новой власти.

Осуществление поиска наиболее оптимальных форм принятия управленческих решений в сфере реализации уголовно-исполнительной политики привело к необхо-

димости координации деятельности структур ВЧК, Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) и Центропланбежа, принятию новых нормативных актов, в том числе постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее – ВЦИК) от 15.04.1919 г.³

На основании этого документа система мест лишения свободы была передана под управление НКВД (специальный отдел). С 17.05.1919 г. данное структурное подразделение стало называться отделом принудительных работ (ОПР НКВД). По данным на 24.05.1919 г., ему был передан Центропланбеж, что осуществлялось на основании декрета, принятого СНК. Началось активное формирование целой сети лагерей, пребывая в которых, осужденные привлекались к принудительным работам на территории отдельных региональных образований (губерний). Лагерь принудительных работ становились основными учреждениями, предназначенными для реализации уголовно-исполнительной политики в сфере исполнения уголовных наказаний.

При анализе уголовно-исполнительной системы и уголовно-исполнительной политики 1919 г. выявлено, что в указанный период активно функционировали пять типов учреждений, которыми являлись лагеря для выполнения принудительных работ. К ним можно отнести следующие: производственные лагеря, лагеря – распределители, концентрационные лагеря, лагеря общего типа и лагеря для военнопленных⁴.

Принятое 17.05.1919 г. постановление ВЦИК № 235 «О лагерях принудительных работ» способствовало формированию системы норм, регулирующих деятельности исправительных учреждений на территории РСФСР⁵. В этом документе определено, что трудовые лагеря должны осуществлять деятельность либо на незначительном удалении от черты города, либо непосредственно в черте города.

Местами для проживания осужденных (заключенных) становились сооружения и здания, к которым, в том числе, были отнесены

¹ См.: Устав о содержащихся под стражей по продолжению 1906 года. Со всеми узаконениями и распоряжениями правительства по тюремной части, последовавшими по 1 января 1909 г. СПб., 1909.

² См.: Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями Правительствующего Сената с алфавитным и предметным указателем и с приложением из правил о предоставлении льгот ссыльным / сост. Л. И. Марколь. Изд. 2-е. Иркутск, 1911.

³ См.: Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124.

⁴ См.: Реент Ю. А. Указ. соч. С. 20-24.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 327-332.

церковные постройки, поместья и усадьбы, иные постройки. Заслуживает внимания анализ вместимости лагерей на основании вводимых нормативов. На территории губерний она составляла от 300 до 500 человек. При этом на 15 заключенных должно было приходиться двое караульных. Если численность осужденных была выше, то количество караульных увеличивалось на 1 человека на каждые 15 заключенных сверх установленного норматива¹.

Представители караульной команды разделялись на две части, одна из которых осуществляла свою деятельность непосредственно на территории самого лагеря, а другая занималась сопровождением заключенных (осужденных) к месту осуществления ими внешних работ, контролируя при этом качество выполнения заданий и порядок на месте.

Опираясь на анализ источников, необходимо отметить, что согласно нормативно-правовой базе 1919 г. заключенным по прибытии в лагерь немедленно назначались для выполнения принудительные работы с учетом загрузки, имеющейся специализации и состояния здоровья. В документах того периода указывалось, что физический труд заключенного, отбывающего наказание в условиях лагеря, должен на всем протяжении срока пребывания иметь высокую степень сложности, но определяться с учетом выносливости организма конкретного человека и его физических сил. Виды работ определяли представители администрации лагеря, исходя из специфики предлагаемой деятельности, ее структурных компонентов, востребованности.

На основании изучения внутренней документации, относящейся к числу открытых источников, можно отметить, что для каждого осужденного (заключенного) в канцелярии лагеря заводились личная книжка и личный лицевой счет. Это делалось для повышения мотивации осужденных к трудовой деятельности. В документах содержались данные о заработанных средствах, об имеющихся расходах, а также вносилась информация о суммах, которые являлись необходимыми для содержания в условиях лагеря, а также о предполагаемых личных расходах из собственных (личных) средств осужденных.

Общая продолжительность рабочего времени для трудовой деятельности осужденного, согласно определяемому регламенту, должна

была составлять 8 часов. Заключенные могли привлекаться к сверхурочным и ночным работам, но в рамках действующего законодательства, то есть с учетом норм КЗоТа РСФСР 1918 г.²

Необходимо, кроме того, обратить внимание на сумму вычетов с лицевого счета осужденного, которая не могла превышать 75% от имеющегося общего заработка конкретного человека за определенный временной период.

Лагеря, где отбывали наказание осужденные, в условиях реализации уголовно-исполнительной политики в сфере обеспечения труда отбывающих заключение в местах лишения свободы должны были существовать на условиях полной самокупаемости и самофинансирования. Это обуславливало необходимость строгой отчетности при полноте ответственности за получаемые результаты как представителей администрации лагеря, так и самих заключенных³.

При побеге из мест заключения срок наказания должен был увеличен вплоть до десятикратного его размера, при наличии повторного побега было возможным применение высшей меры наказания. Действующие нормативные акты не входили в противоречие с допустимой порукой заключенных друг за друга. Им было разрешено выбирать старосту, отвечающего перед администрацией за эффективность трудовой деятельности заключенных и их поведение в местах лишения свободы. Староста вел также переговоры между заключенными и представителями администрации.

При отказе от выполнения работ заключенные привлекались к дополнительной дисциплинарной ответственности (наказанию). При этом за качественную работу, эффективный труд и примерное поведение предусматривалась возможность замены наказания на более мягкое – жизнь осужденного вне лагеря при условии его ежедневного прихода на работу.

² См.: Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 87-88. Ст. 905.

³ Постановление НКЮ «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция)» от 23.07.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 708-714.

¹ См.: Беляева Л. И. Указ. соч. С. 310-323.

Важно отметить, что на досрочное освобождение осужденных за различные категории преступлений (кроме тяжких) при наличии положительных характеристик и качественно выполненной принудительной работы требовалось получение соответствующего разрешения.

Вместе с тем в указанный временной период имели место и существенные пробелы в организации уголовно-исполнительной политики. Так, создание параллельных структур исполнения наказаний привело к дублированию их функций, что играло отрицательную роль в реализации уголовно-исполнительной политики. В 1919 г. одновременно функционировали три центральных органа, осуществляющих контроль за исполнением наказаний на территории губерний: ЦКО НКЮ, ОПР НКВД и ВЧК. Наличие такого рода параллельных структур в значительной степени осложняло практику реализации деятельности по стабилизации криминогенной обстановки и обеспечению общественной безопасности¹.

Таким образом, подводя итог, отметим, что осуществленные в указанный период изменения нормативно-правовой базы создали возможность для воссоздания централизованной уголовно-исполнительной системы и реализации уголовно-исполнительной политики на территории РСФСР. Важное значение имело создание условий для исполнения наказаний и обеспечение лучшего качества жизнедеятельности осужденных.

В период деятельности Временного правительства до Октябрьской революции 1917 г. уголовно-исполнительная система носила односторонний и неорганизованный характер, репрессии применялись сообразно категориям осужденных. Изменения, вносимые в уголовно-исполнительную политику начиная с 1919 г., позволили начать процесс обеспечения общественного порядка на новых основаниях. В процессе исполнения наказания обрело особую значимость использование труда осужденных.

Воссоздание уголовно-исполнительной системы и реализуемой в указанный период времени уголовно-исполнительной политики осуществлялось на основаниях более продуктивной организации труда осужденных, а также посредством изменения правового регулирования исполнения уголовных наказаний в местах лишения свободы.

¹ Постановление НКЮ «О тюремных рабочих командах» от 24.01.1918 г. // Опубликовано в № 16-ом Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 16 (от 24.01.1918 г.). Ст. 284.

Список цитируемой литературы:

1. Беляева Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1-4). № 3.

2. Детков М. Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов: монография. М.: Изд-во РИПК работников ОВД, 1992.

3. Патрушев Е. В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка в местах лишения свободы // Вестник Читинского государственного университета. 2008. № 4 (49).

4. Реент Ю. А. Из опыта становления исправительно-трудовой системы РСФСР // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2004. № 2.

5. Уголовно-исполнительное право России: учебник для юридических вузов и факультетов. 3-е изд. / под ред. А. И. Зубкова.

The list of the quoted literature:

1. Belyaeva L. I. About imprisonment, as a measure of punishment, and about the order of serving such (Temporary instruction): a look through the century // Man: crime and punishment. 2019. Vol. 27 (1-4). No. 3.

2. Detkov M. G. The content of the penitentiary policy of the Russian state and its implementation in the system of execution of criminal punishment in the form of imprisonment in the period 1917-1930: monograph. M.: Publishing house of RIPK employees of the Department of Internal Affairs, 1992.

3. Patrushev E. V. Criminal-legal problems of the fight against crimes against public safety and public order in prisons // Bulletin of Chita State University. 2008. No. 4 (49).

4. Reent Yu. A. From the experience of the establishment of the correctional labor system of the RSFSR // Criminal Executive System: Law, Economics, Management. 2004. No. 2.

5. Criminal executive law of Russia: a textbook for law schools and faculties. 3rd ed. / ed. A.I. Zubkova.

**ИСТОРИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

**HISTORY OF CRIMINALIZATION OF VIOLENCE IN THE
CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA OF THE SOVIET PERIOD**

Дмитренко А.П.,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного права

*ФКГКОУ ВО «Московский университет МВД
РФ имени В.Я. Кикотя»*

(г. Москва)

Dmitrenko A.P.

*LLD (Law), professor, professor of department of
Criminal law of The Moscow*

*university Ministry of Internal Affairs of Russia of V.
Ya. Kikotya*

(Moscow)

Подгайный А.М.
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры административной деятельности
ОВД Краснодарского университета МВД России,
(г. Краснодар)

Podgayny A.M.
PhD in law
Deputy head of the Department of administrative
Affairs of the Krasnodar University of the Ministry of
internal Affairs of Russia,
(Krasnodar)

Сарницкий С.Н.
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук
(г. Краснодар)

Sarnitsky S.N.
Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University

Ключевые слова: Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 гг., насильственные преступления, преступления, сопряженные с применением насилия, насильственный способ совершения преступления, физическое насилие, психическое насилие.

Аннотация: В статье исследован генезис норм уголовного законодательства советского периода, предусматривавших ответственность за насильственные преступления. Авторами отмечен этап выделения в уголовном законе и криминализации психического насилия, показана тенденция усиления уголовно-правовой охраны граждан от преступлений, сопряженных с применением физического или психического насилия.

Keywords: Guiding principles in the criminal law of the RSFSR of 1919, the Criminal Codes of the RSFSR of 1922, 1926, 1960, violent crimes, crimes involving the use of violence, violent means of committing a crime, physical violence, mental violence.

The summary: The article examines the genesis of the norms of the criminal legislation of the Soviet period, which provided for responsibility for violent crimes. The stage of allocation in the criminal law and criminalization of mental violence is marked. A trend is shown aimed at strengthening the criminal legal protection of citizens from crimes involving the use of physical or mental violence.

Система насильственных преступлений, то есть посягательств, совершаемых посредством применения насилия, сформировалась еще в досоветский период. Указание на преступные деяния, совершаемые с применением насилия, можно встретить уже в первых писаных источниках уголовного права, коими являются договоры, заключенные русским князем Олегом с греками в 907 году.

Анализ первых источников уголовного закона советского периода развития России показывает, что процесс нормативного закрепления преступлений, совершаемых с применением насилия, отличался непоследовательностью. Несмотря на то обстоятельство, что концептуальную основу первых уголовно-правовых актов молодого советского государства составляло весьма неплохо проработанное дореволюционное законодательство, стремление власти сломать всю старую систему не позволило ей с первых дней принять кодифицированный нормативно-правовой акт, основанный на Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее в тексте – Руководящие начала) не предусматривали конкретных составов преступлений, включая лишь положения Общей части. Вместе с тем в п. «е» ст. 11 данного нормативно-правового акта предписывалось при определении меры наказания в каждом отдельном случае различать, совершено ли деяние посредством насилия над личностью или без такового. Еще одной особенностью Руководящих начал является то, что в них термин «насилие» был использован для характеристики правомерного поведения. Так, во введении говорилось о бессистемном применении пролетариатом мер насилия в борьбе со своими классовыми врагами. В частности, указывалось, что в процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорганизованно. Кроме того, выделялось ненаказуемое насилие, то есть то, которое применялось к нападающему в состоянии необходимой обороны. В ст. 15 Руководящих начал устанавливалось, что не применяется наказание к совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось в данных условиях необходимым сред-

вом отражения нападения или средством защиты от насилия над его или других личностью и если совершенное насилие не превышает меры необходимой обороны.

До принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. насилием признавалось только причинение вреда здоровью человека, то есть деяние, повлекшее какое-либо заболевание либо телесные повреждения. В указанном нормативном акте впервые в советском уголовном законодательстве термин «насилие» стал охватывать причинение физической боли, не повлекшее расстройства здоровья человека: удары, побои или иное насилие, например дранье за уши, таскание за косу, а равно лишение свободы. Так, во втором разделе пятой главы «Телесные повреждения и насилия над личностью» насилием признавались умышленное нанесение удара, побоев или иное насильственное действие, причинившее физическую боль, и незаконное лишение человека свободы.

Кроме того, появились нормы, предусматривающие насилие в качестве конструктивного признака преступлений, посягающих на порядок управления. В этих составах насилие выступало в качестве одного из способов неправомерного воздействия на представитель власти. В частности, ст. 86 УК РСФСР 1922 г. предусматривала ответственность за сопротивление представителям власти или принуждение их к выполнению явно незаконных действий, если эти деяния были сопряжены с убийством, нанесением увечий или насилием над личностью представителя власти.

Вместе с тем в теории уголовного права начали формироваться позиции, согласно которым термином «насилие», наряду с физическим его проявлением (нанесение увечий, ударов и т.д.), должно охватываться негативное психическое воздействие на человека. Так, А. А. Жижиленко предлагал признавать квалифицирующим признаком грабежа (ст. 183 УК РСФСР 1922 г.) не только применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, но и угрозу применения такого насилия¹. Впослед-

¹ Жижиленко А. А. Имущественные преступления. Л., 1925. С. 98.

ствии такое же понимание названного признака грабежа и разбоя было предложено М. М. Исаевым применительно к Уголовному кодексу РСФСР 1926 г.¹

На допустимость признания психического воздействия на человека насилием указывали и такие теоретики того времени, как С. Мокринский и В. Натансон. По их мнению, признак состава незаконного лишения свободы (ст. 147 УК РСФСР 1926 г.) должно было образовываться как физическое, так и психическое (угрозы) насилие².

Физическое и психическое «воздействие», которые, несмотря на название, по своей сути являлись ничем иным, как физическим и психическим насилием, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. признавались конструктивными признаками изнасилования и принуждении к занятию проституцией.

Итак, в нормах Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. насилие могло составлять как самостоятельное наказуемое деяние, так и способ совершения ряда преступлений. При этом понятие насилия было расширено за счет включения в него, наряду с причинением человеку вреда, причинения физической боли и лишения свободы. Кроме того, в этом нормативном правовом акте стало выделяться и психическое насилие в качестве способа совершения ряда преступлений. Фактически это ознаменовало начало новой эпохи в уголовно-правовой охране личности от негативного психического воздействия.

Названная тенденция нашла свое продолжение в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., в котором был закреплён окончательный отказ от узкого понимания насилия – как деяния, причиняющего физическую боль. Широкое понимание насилия объединило в себе все преступления, объективная сторона которых включала деяния, заключающиеся в физическом или психическом воздействии на человека.

Особенностью Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. явилась попытка охватить насилием как конструктивным признаком отдельных составов преступлений фактически все телесные повреждения, вплоть до причинения смерти человеку. Отсутствие необходи-

мости квалификации, в частности, превышения власти, сопряженного с применением насилия в виде причинения смерти человека, по статье, предусматривающей ответственность за убийство, объяснялась суровостью санкции конкурирующей нормы.

Так, П. И. Люблинский полагал, что физическое насилие вообще может выражаться в любых действиях, нарушающих телесную неприкосновенность другого лица, кроме ситуаций, в которых проявлялось его явное или скрытое согласие³. Сходную позицию занимал и А. А. Жижиленко, указывавший, что «под физическим насилием как способом совершения изнасилования разумеется всякое воздействие на телесную неприкосновенность, в чем бы оно ни проявлялось, будет ли это насилием над личностью в тесном смысле, или же насилие выразилось в телесном повреждении независимо от его тяжести ...»⁴.

В качестве положительной тенденции, нашедшей проявление в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., следует отметить существенное сокращение составов конкретных видов насильственных преступлений. Это достигалось за счет ухода от казуистичной формы конструирования норм и формулирования общих норм, охватывающих существенный круг насильственных деяний, ранее признававшихся самостоятельными преступлениями.

Вместе с тем, наряду с ранее существовавшими, появились новые преступления, включающие в себя насилие в качестве криминообразующего признака: насильственное освобождение арестованного из-под стражи, воинские насильственные преступления (оскорбление начальника или подчиненного насильственным действием, сопротивление исполнению приказа или распоряжения), участие в массовых беспорядках, участие в бандах или совершаемых ими нападениях, террористический акт, насильственное сопротивление представителям власти, принуждение к занятию проституцией, незаконные задержание, привод, принуждение к даче показаний.

Особо следует обратить внимание на то, что не подвергшиеся криминализации формы насилия могли получать уголовно-правовую оценку со всеми вытекающими последствиями

¹ Исаев М.М. Имущественные преступления. М., 1938. С. 38-39.

² Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Вып. II. Харьков, 1928. С. 155.

³ Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925. С. 71.

⁴ Жижиленко А. А. Половые преступления. М., 1924. С. 21.

за счет допустимости по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. применения аналогии закона.

Преступления, совершаемые с применением насилия, обрели характер системы в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. С момента его принятия и до начала восьмидесятых годов нормы, предусматривающие ответственность за преступления, основным деянием или способом совершения которых являлось насилие или угроза его применения, фактически оставались неизменными. Это позволяет сделать вывод, что законодателю удалось найти оптимальные решения в сфере криминализации насильственных преступлений. Особо отчетливо это проявлялось на фоне существенных изменений и дополнений в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. норм, предусматривавших ответственность за посягательства на собственность, хозяйственные и государственные преступления.

Серьезные социальные преобразования, начавшиеся в СССР с середины восьмидесятых годов, обусловили резкий рост насильственных проявлений, ранее практически не встречавшихся, фактически во всех сферах общественных отношений. Этот процесс отразился на деятельности по криминализации и пенализации ряда деяний, совершаемых с применением насилия. В начале девяностых годов Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. был дополнен следующими нормами, предусматривавшими ответственность за преступления, сопряженные с насилием: его применение в составе незаконных вооруженных формирований (ч. ч. 2, 3 ст. 77²), похищение человека (ст. 125), угроза или насильственные действия в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников (ст. 176²), насиль-

ственное сопротивление военнослужащему, сотруднику органа внутренних дел или иному лицу при исполнении ими обязанностей по охране Государственной границы (ст. 191⁴), посягательство на жизнь указанных лиц (ст. 191⁵) и др.

Эти дополнения отражали существенные изменения в общественной жизни страны, связанные с расширением сферы применения насилия.

Еще одной чертой Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. было то, что количество преступлений, в которых насилие составляло само деяние, более чем в два раза превышало количество преступлений, где применение насилия или угрозы его применения выступало способом их совершения.

Итак, во всех кодифицированных нормативно-правовых актах уголовно-правового характера советского периода, начиная с Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., насильственный способ совершения преступлений признавался наиболее опасной формой их проявления. С момента принятия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. в законодательстве сложилась последовательная структура норм, предусматривающих ответственность за насильственные преступления. Анализ санкций норм, содержащихся в этом нормативно-правовом акте, свидетельствует об отнесении преступлений, деяние в составе которых выражалось в применении насилия или было сопряжено с насилием или угрозой его применения, как правило, к категории тяжких. Достаточно часто применение насилия предусматривалось в качестве квалифицирующего признака.

Список цитируемой литературы:

1. Жижиленко А. А. Имущественные преступления. Л., 1925.
2. Жижиленко А. А. Половые преступления. М., 1924.
3. Исаев М. М. Имущественные преступления. М., 1938.
4. Люблинский П. И. Преступления в области половых отношений. М.-Л., 1925.
5. Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Вып. II. Харьков, 1928.

The list of the quoted literature:

1. Zhizhilenko A. A. Imushchestvennyye prestupleniya. L., 1925.
2. Zhizhilenko A. A. Polovye prestupleniya. M., 1924.
3. Isaev M. M. Imushchestvennyye prestupleniya. M., 1938.
4. Lyublinskij P.I. Prestupleniya v oblasti polovyh otnoshenij. M.-L., 1925.
5. Mokrinskij S., Natanson V. Prestupleniya protiv lichnosti. Vyp. II. Har'kov, 1928.

**ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОТ РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ
1919 ГОДА ДО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ 1996 ГОДА**

**TRANSPORT CRIMES: FROM THE STEERING BEGAN IN 1919 TO THE
1996 CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Коробеев А.И.

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права*

и криминологии,

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный уни-
верситет»*

(г. Владивосток)

Korobeev A.I.

Doctor of Law, Professor,

*The Head of Department of Criminal Law and Crimi-
nology,*

Law School, Far Eastern Federal University

(Vladivostok)

Князева Н.А.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права

и криминологии,

*ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный уни-
верситет»*

(г. Владивосток)

Knyazeva N.A.

*Candidate of legal sciences, Senior Lecturer, Law
School,*

Far Eastern Federal University

(Vladivostok)

Князева Е.А.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный

университет»

(г. Владивосток)

Knyazeva E.A.

Candidate of legal sciences, Senior Lecturer, Law
School,

Far Eastern Federal University

(Vladivostok)

Ключевые слова: Руководящие начала, транспорт, воздушное судно, пиратство, преступление, транспортные преступления.

Аннотация: Статья посвящается анализу транспортных преступлений от Руководящих начал 1919 г. до Уголовного кодекса РФ 1996 г. В ходе проведенного исследования было выявлено: 1) целесообразность системного изложения норм об ответственности за транспортные преступления, поскольку с появлением новых видов и ростом числа транспортных средств увеличился и масштаб негативных последствий транспортной деятельности; 2) пиратство как самостоятельный состав преступления в российском законодательстве появилось впервые лишь с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.; ранее в УК статьи о пиратстве не было, на его криминализацию повлияли нормы международного законодательства; 3) в российском уголовном законодательстве самостоятельная норма, регламентирующая ответственность за угон воздушного судна, появилась в УК РСФСР 1960 г. – ст. 2131. Ответственность за угон остальных видов транспорта по-прежнему регламентировалась ст. 2121 УК РСФСР. Лишь в Уголовном кодексе 1996 г. появилась самостоятельная норма, регламентирующая ответственность за угон не только воздушного судна.

Keywords: governing principles, transport, aircraft, piracy, crime, transport crimes.

The summary: The article is devoted to the analysis of transport crimes from the Governing Beginning of 1919 to the Criminal Code of the Russian Federation of 1996. The study revealed: 1) the desirability of a systematic statement of the rules on liability for transport crimes since it increased with the advent of new types and an increase in the number of vehicles and the extent of the negative effects of transport activities; 2) piracy as an independent corpus delicti in Russian law appeared for the first time only with the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996; earlier there was no article on piracy in the Criminal Code and its criminalization was influenced by international law; 3) in the Russian criminal legislation, an independent norm governing liability for theft of an aircraft appeared in the Criminal Code of the RSFSR Art. 213.1. Responsibility for the theft of other modes of transport was still regulated by Art. 212.1 of the Criminal Code of the RSFSR. Only in the 1996 Penal Code did an independent norm governing liability for hijacking not only an aircraft.

Согласно п.п. 5 и 6 разд. III Руководящих начал по уголовному праву РСФСР (далее по тексту – Руководящие начала), утвержденным постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г., преступлением является нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом. Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходи-

мость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)¹.

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному

История борьбы с транспортными преступлениями в глубь веков особенно не простирается: транспорт как таковой (за исключением, пожалуй, гужевого) в России появился сравнительно недавно. Что касается советского периода, то 11 декабря 1918 г. специальным постановлением Совета Рабоче-крестьянской обороны была установлена ответственность за задержку следующих по назначению эшелонов и грузов, несвоевременную подачу паровозов и порожних вагонов, за крушения и другие преступления, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта¹.

Декретами ВЦИК от 20 июня и 20 ноября 1919 г. предусматривались суровые меры наказания (вплоть до расстрела) для пресечения попыток умышленного уничтожения или повреждения железнодорожных путей, мостов и других транспортных сооружений в местностях, объявленных на военном положении². В течение 1919-1920 гг. был принят еще целый ряд постановлений, устанавливающих уголовную ответственность за нарушение порядка на транспорте, правил проезда по железным дорогам, порчу и утрату груза и багажа.

В этот же период времени был издан ряд специальных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за посягательства на безопасную работу других видов транспорта – речного, морского и воздушного. Декретом СНК от 17 января 1921 г. была установлена наказуемость нарушения правил о воздушных передвижениях, а Декретом СНК от 5 сентября 1921 г. – за совершение преступлений на водном транспорте³.

Кодификация уголовного законодательства, завершившаяся изданием УК РСФСР 1922 г., не привела к созданию системы специальных норм о транспортных преступлениях. Ответственность за посягательства на интересы транспорта предусматривалась в общих нормах: разрушение транспортных сооружений квалифицировалось либо как диверсия (ст. 65 УК), либо как умышленное истребление

или повреждение государственного имущества (ст. 196, 197 УК); нарушение трудовой дисциплины на транспорте – как одно из должностных преступлений (ст. 105, 106, 107 УК). К числу специальных можно было отнести лишь две нормы: одна из них устанавливала ответственность за дезертирство с транспорта (ст. 126 УК), вторая – за «неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по железным дорогам и водным путям сообщения» (ст. 218 УК). Впоследствии ее действие было распространено на воздушный и весь сухопутный транспорт⁴.

УК РСФСР 1926 г. в момент его принятия также не содержал системы специальных норм, предусматривающих ответственность за транспортные преступления, если не считать ст. 176 («Непринятие должных мер капитаном одного из столкнувшихся на море судов для спасения другого судна») и ст. 184 («Несообщение капитаном судна другому судну, столкнувшемуся с ним на море, названия и порта приписки своего судна») ⁵. Не были они включены и в Положение о преступлениях государственных 1927 г. В результате возникло явное противоречие между интенсивным развитием различных видов транспорта, ростом его народнохозяйственного значения в жизни страны, необходимостью укрепления дисциплины на нем и объемом криминализации посягательств на его нормальную, безопасную работу. В целях устранения отмеченного противоречия действующее уголовное законодательство было изменено и дополнено соответствующими новеллами.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1929 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями»⁶ устанавливалась уголовная ответственность за разрушение или повреждение железнодорожных и иных путей сообщения, сооружений на них, предостерегательных знаков, подвижного состава и судов (ст. 59³⁶ УК), за нарушение правил охраны порядка и безопасности движения, охраны имущества транспорта, предупреждения и пресечения незаконного

праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 93. Ст. 930.

² См.: СУ РСФСР. 1919. № 27. Ст. 301; 1919. № 58. Ст. 549.

³ См.: СУ РСФСР. 1921. № 6. Ст. 40; № 64. Ст. 471.

⁴ См.: Источники права. Серия «Юриспруденция». Тольятти, 2000. С. 3-40.

⁵ См.: Там же. С. 41-84.

⁶ См.: СЗ СССР 1929. № 21. Ст. 182.

использования транспорта, а также проведения санитарных и противопожарных мероприятий (ст. 75¹ УК); за нарушение правил предупреждения столкновения судов на море, о мерах охраны морских подводных телеграфных кабелей и иных правил, регулирующих морское судоходство (ст. 75² УК); за неоказание помощи капитаном судна людям, гибнущим на море или на ином водном пути (ст. 156¹ УК).

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 января 1931 г. «Об ответственности за преступления, дезорганизующие работу транспорта»¹ криминализации подверглось деяние, описанное законодателем следующим образом: «Нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины (нарушение правил движения, недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути и т.п.), если это нарушение повлекло или могло повлечь повреждение или уничтожение подвижного состава, пути и путевых сооружений, либо несчастные случаи с людьми, несвоевременную отправку поездов и судов, скопление на местах выгрузки порожняка, простой вагонов и судов, и другие действия, влекущие за собой срыв (невыполнение) намеченных правительством планов перевозок или угрозу правильности и безопасности движения» (ч. 1 ст. 59^{3в} УК).

В постановлении от 25 июля 1932 г. Пленум Верховного Суда СССР предложил применять ст. 59^{3в} УК к работникам гражданской авиации, виновным в нарушении трудовой дисциплины, повлекшем последствия, указанные в этой статье². Чуть позже, в связи с принятием в 1935 г. нового Воздушного Кодекса СССР и в целях усиления борьбы с посягательствами на безопасную работу воздушного транспорта, система транспортных преступлений была дополнена двумя новыми деяниями – нарушением работниками гражданской авиации служебных обязанностей (ст. 59^{3г} УК) и нарушением правил охраны порядка и безопасности воздушных передвижений (ст. 75⁴ УК). Необходимость их криминализации диктовалась быстрым ростом гражданской авиации, расширением сети воздушных сообщений, высокой степенью общественной опасности воздушно-транспортных преступлений.

¹ См.: СЗ СССР. 1931. № 4. Ст. 44.

² См.: Сборник постановлений и разъяснений Верховного Суда СССР. М., 1936. С. 43-44.

Однако в центре внимания законодателя по-прежнему оставался железнодорожный транспорт. Отражением тенденции усиления охраны безопасности его движения явилось установление Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. уголовной ответственности за совершение действий, могущих вызвать крушение поезда: развинчивание рельсов, подкладывание на рельсы различных предметов и т.п.³ Ответственность наступала с 12-летнего возраста и могла выражаться в применении к виновным «всех мер уголовного наказания». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1941 г. была предусмотрена уголовная ответственность за самовольную без надобности остановку поезда стоп-краном⁴.

В результате принятия отмеченных новелл в уголовном законодательстве того периода сложилась определенная система норм, предусматривающих транспортные преступления⁵. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что в уголовном законодательстве указанного периода не имелось ни одной специальной нормы, непосредственно направленной на охрану безопасного функционирования автотранспортных средств. Между тем с развитием автомобильной промышленности, ростом автопарка, интенсификацией движения по дорогам страны обеспечение безопасности такого движения становилось всё более серьезной проблемой.

Анализ тенденций в развитии уголовного законодательства, начиная с принятия УК РСФСР 1960 г., позволяет установить особенности уголовно-правовой политики в сфере борьбы с транспортными преступлениями. Впервые, с введением в действие УК РСФСР 1960 г. ряд транспортных преступлений, известных предшествующему законодательству, подвергся полной или частичной декриминализации. Она коснулась нарушения работниками транспорта трудовой дисциплины (ст. 59^{3в} УК); нарушения работниками авиации служебных обязанностей (ст. 59^{3г} УК); нарушения правил пользования радиоустановками

³ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 58.

⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 16.

⁵ См.: Алексеев Н. С. Транспортные преступления. Л., 1957. С. 28.

на судах (ст. 75³ УК). Во-вторых, некоторые из ранее известных уголовному законодательству составов преступлений подверглись реорганизации и были либо укрупнены, объединены в один состав (ст. ст. 75¹, 75², 75⁴ УК РСФСР 1926 г. – в ст. 85 УК РСФСР 1960 г., ст. ст. 176, 184 УК РСФСР 1926 г. – в ст. 204 УК), либо модифицированы (некоторые положения ст. 59^{3b} УК РСФСР 1926 г. в новом УК приобрели вид ст. 86). В-третьих, в момент принятия УК РСФСР 1960 г. криминализации подверглись: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта работником этих видов транспорта (ст. 211 УК), нарушение правил безопасности движения автотранспорта лицом, не являющимся работником автотранспорта (ст. 212 УК), нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213 УК). В дальнейшем процессы криминализации в данной сфере еще более активизировались. Они выразились в восстановлении Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1963 г. «Об усилении уголовной ответственности за самовольную без надобности остановку поезда»¹ наказуемости этих действий, а также в криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 211¹ УК), выпуска в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 211² УК), допуска к управлению транспортными средствами лиц, находящихся в состоянии опьянения (ст. 211³ УК), угона транспортных средств (ст. 212¹ УК), угона воздушного судна (ст. 213² УК), умышленного блокирования транспортных коммуникаций (ст. 1 Закона СССР от 23 октября 1990 г.), принуждения работников железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного или магистрального трубопроводного транспорта к невыполнению своих служебных обязанностей (ст. 2 Закона СССР от 23 октября 1990 г.), угона или захвата железнодорожного подвижного состава, морского или речного судна (ст. 3 Закона СССР от 23 октября 1990 г.)².

И по содержанию и по конструкции группа норм, предусматривающих ответственность за транспортные преступления, в момент принятия УК РСФСР 1960 г. отвечала достигнутому в тот период времени уровню развития

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 43. Ст. 446.

² См.: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1996.

уголовно-правовой и уголовно-политической мысли. Правда, законодатель, несмотря на уже высказанные в то время в теории предложения о выделении в Уголовном кодексе РСФСР самостоятельной главы «Транспортные преступления», эту идею не воспринял.

В теории уголовного права некоторые исследователи относят к разновидности транспортных преступлений пиратство³. Несмотря на то, что согласно главе 24 УК РФ 1996 г. данное преступление относится к преступлениям против общественной безопасности, пиратство также посягает на общественные отношения, которые складываются в сфере безопасности морского судоходства. Согласно международным источникам объектом пиратства является свобода открытого моря, которая включает в себя свободу судоходства, свободу полетов, свободу прокладывать подводные кабели и трубопроводы, свободу возводить искусственные острова и другие установки, свободу рыболовства, свободу научных исследований (ст. 87 Конвенции 1982 г.)⁴. Таким образом, пиратство как противоправный насильственный акт посягательства нарушает установленные международными актами принципы свободы и безопасности морского судоходства.

В уголовном праве России в конце XIX – начале XX в. не было положений, которые бы прямо относились к пиратам, если только не считать норм, каравших за разграбление судов, потерпевших кораблекрушение, а также за создание условий, способствовавших кораблекрушениям. Так, согласно ст. 1202-1210 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. за разведение огней в пределах 50 верст «от законно устроенных маяков», если такое разведение привело к кораблекрушению, назначалась каторга на срок от 10 до 12 лет, а препятствование спасению людей наказывалось как «умышленное смертоубийство»⁵.

Отсутствие в национальных законодательствах норм по борьбе с пиратством не оз-

³ См. напр.: Ромашев Ю. С. Борьба с преступлениями международного характера, совершенными на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков). М., 2001. С. 196.

⁴ Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

⁵ Сборник узаконений, касающихся торгового мореплавания. СПб., 1898.

начало, что соответствующие идеи отсутствовали и в доктрине стран. Так, в правовой доктрине России уже в начале XX в. сформировалось определение понятия морского пиратства: «Пиратство – это морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину и с корыстной целью, против чужой собственности»¹.

Естественно, что на формирование национального законодательства (в частности России) существенное влияние оказали международные конвенции, в которых содержались положения о борьбе с пиратством и даже было дано его определение. К таким актам в первую очередь относятся Женевская Конвенция об открытом море 1958 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., а также международные стандарты, содержащиеся в Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г., которая была принята на дипломатической конференции в Риме под эгидой Международной морской организации (ИМО).

Пиратство как самостоятельный состав преступления в российском законодательстве появилось впервые лишь с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. Ранее в УК статьи о пиратстве не было.

Дальнейший ход исторических событий лишь подтвердил целесообразность системного изложения норм об ответственности за транспортные преступления, ибо с появлением новых видов, ростом числа транспортных средств, увеличением масштабов негативных последствий транспортной деятельности возникла настоятельная необходимость в криминализации ряда деяний, посягающих на безопасное функционирование транспорта, в результате чего группа транспортных преступлений стала расти буквально на глазах. Объединить же их в одну главу без существенной ломки сложившейся системы Особенной части УК было уже практически невозможно. По вполне понятным причинам законодатель не может произвольно изменять уже сложившуюся систему права. Это удалось сделать лишь в процессе разработки и принятия УК РФ 1996 г.

Список цитируемой литературы:

1. Актуальные вопросы международного воздушного права / Антоненко Г. Д., Блищенко И. П., Брылов А. Н., Верещагин А. Н. и др.; под ред. А. С. Пирадова. М.: Международные отношения, 1973. 200 с.
2. Алексеев Н. С. Транспортные преступления. Ответственность за преступления, посягающие на правильную работу советского транспорта. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. 147 с.
3. Евсеев П., Колосов Ю. Воздушный бандитизм – вне закона // Международная жизнь. 1971. № 1.
4. Иванов Н., Михайлов М. Ответственность за угон воздушного судна // Советская юстиция. 1973. № 11. С. 14.

The list of the quoted literature:

1. Actual issues of international air law / Antonenko GD, Blishchenko IP, Brylov AN, Vereshchagin AN, and others; Edited by: A.Piradov - M.: International relations, 1973. - 200 p.
2. Alekseev N.S. Transport crimes. Responsibility for crimes encroaching on the proper operation of Soviet transport / Alekseev N.S. - L.: Publishing house Leningrad. University, 1957. - 147 p.
3. Evseev P., Kolosov Yu. Air banditry - outside the law // International life. 1971. No.
4. Ivanov N., Mikhailov M. Responsibility for hijacking an aircraft // Soviet Justice. 1973. No. 11. P. 14

¹ См. подробнее: Пиратство // Военная энциклопедия/ под ред. К. И. Величко. Пг., 1915. Т. VIII.

5. Коробеев А. И. Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. М.: Юрид. лит., 1990. 184 с.

6. Пиратство. Военная энциклопедия / под ред. К.И. Величко. Пг., 1915. Т. VIII. 516 с.

7. Правовые и экономические проблемы регулирования международного судоходства. Сборник научных трудов: по материалам советско-английского симпозиума 1983 г. / под ред. А. Л. Колодкина. М.: Мортехинформреклама, 1984. 156 с.

8. Ромашев Ю. С. Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море (терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков и другие преступления): монография. М.: РосКонсульт, 2001. 300 с.

9. Советское уголовное право. Часть особенная: учебник / Бородин С. В., Воронин Ю. А., Галиакбаров Р. Р., Загородников Н. И. и др.; отв. ред. М.И. Ковалев. М.: Юрид. лит., 1983. 480 с.

10. Хамбрэ К. Ф. Приватное морское коммерческое право на основании существующего шведского законодательства. СПб.: Тип. Мо. М-ва, 1872. 216 с.

11. Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 511 с.

5. Korobeev A.I. Transport offenses: qualification and responsibility / A.I. Korobeev. - M.: Jurid. lit., 1990. - 184 p.

6. Piracy. Military Encyclopedia / Ed. K.I. Velichko. Pg., 1915.V. VIII. - 516 p.

7. Legal and economic problems of regulation of international shipping. Collection of scientific works: Based on materials from the Soviet-English symposium in 1983 / Edited by: Kolodkin A.L., - M.: Mortechninformreklama, 1984. -- 156 p.

8. Romashev Yu.S. The fight against crimes of an international nature committed at sea (terrorism, piracy, drug trafficking and other crimes): monograph / Yu.S. Romashov. - M.: RosKonsult, 2001. -- 300 p.

9. Soviet criminal law. Part of the special: Textbook / Borodin S.V., Voronin Yu.A., Galiakbarov R.R., Zagorodnikov N.I., and others; Repl. Ed. : Kovalev M.I. - M.: Yurid. lit., 1983. - 480 p.

10. Private maritime commercial law on the basis of existing Swedish law / Hambre K.F. - SPb.: Type. Mo. M-va, 1872. -- 216 p.

11. Chuchaev A.I. Transport crimes: problems of the mechanism, qualification and punishment: dis. ... Dr. jur. sciences / A.I. Chuchaev; All-Union Correspondence Law Institute. M., 1990. -- 511 p.

**ОКОНЧЕННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ:
КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ (К 100-ЛЕТИЮ
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА)**

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682

**COMPLETED AND NOT COMPLETED RECEIPT OF BRIBE: CRITICAL
ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE (TO THE CENTENARY OF THE
GUIDING PRINCIPLES ON CRIMINAL LAW OF THE RSFSR 1919)**

This article was prepared as part of the RGNF project No. 17-03-00682

Иванчин А.В.

*доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии,*

*ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова»
(г. Ярославль)*

Ivanchin A.V.

*Doctor of Law, Associate Professor
Head of the Department of Criminal Law
and Criminology,*

*P. G. Demidov Yaroslavl State University
(Yaroslavl)*

Ключевые слова: УК РФ, взятка, получение взятки, оконченное преступление, покушение на преступление, судебная практика.

Аннотация: Статья посвящена анализу актуальных проблем определения момента окончания получения взятки. Автор предлагает при их решении опираться на нормы Общей части УК РФ об оконченном и неоконченном преступлении, при этом сравнивает их с аналогичными положениями Руководящих начал по уголовному праву РСФСР. С учетом этого критически оценивается ряд разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В статье детально анализируются приговоры судов в части определения момента окончания получения взятки, многие из которых, по мнению автора, противоречат ст. ст. 8, 29 и 290 УК РФ. В частности, отмечается необоснованность квалификации как оконченных преступлений случаев передачи взятки в рамках оперативно-розыскных мероприятий и в виде муляжей денежных средств.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, receipt, bribe, completed crime, attempt, judicial practice.

The summary: The article is devoted to the analysis of urgent problems of determining the moment of the end of receiving a bribe. When solving these problems, the author proposes to rely on the norms of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation on a completed and not completed crime, while comparing them with similar provisions of the Guiding Principles on Criminal Law of the R.S.F.S.R. With this in mind, a number of clarifications given by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its resolution of July 9, 2013 No. 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» are critically evaluated. The author analyzes in detail the verdicts of the courts in terms of determining when the bribe is finished, many of which, according to the author, contradict Art. 8, 29 and 290 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, the groundlessness of qualification as a completed crime in cases of transfer of a bribe in the framework of operational-search measures and in the form of money dummies is noted.

12 декабря 2019 г. исполнилось 100 лет со дня утверждения постановлением Наркома Юста Руководящих начал по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.¹ Несмотря на свой ярко выраженный классовый характер, этот акт сыграл значимую роль в истории развития отечественного уголовного права, поскольку явился прообразом Общей части будущих наших уголовных кодексов. «Руководящие начала, – по словам В. П. Коняхина, – не только синтезировали, но и в определенной мере обогатили накопленный ранее опыт построения основополагающих институтов уголовного права»². Этот нормативный акт стал важной вехой при переходе от Декрета о суде № 1 с его революционной ломкой и уничтожением старого дореволюционного права к Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. – первому в мире социалистическому Уголовному кодексу. При этом, как отмечает в своем фундаментальном труде А. В. Наумов, Руководящим началам 1919 г. был присущ целый ряд несомненных достоинств: высокий уровень законодательной техники, расширенный перечень мер, альтернативных лишению свободы, прогрессивное регулирование ответственности несовершеннолетних и т.д.³

Отмечая 100-летие одного из значимых памятников уголовного права советской эпохи, считаем полезным изучить подход к регламентации в нем стадий совершения преступления, сравнить его с современным регулированием и спроецировать полученные данные на судеб-

ную практику по делам о получении взятки. Борьба с коррупцией в нашей стране по очевидным причинам остается в числе приоритетов уголовной политики государства, а нормы о получении взятки (ст. 290, 291² УК РФ), как известно, образуют «сердцевину» уголовного антикоррупционного законодательства. Соответственно, необходимо правильно разрешать спорные вопросы квалификации получения взятки, в том числе касающиеся момента окончания данного преступления.

В Руководящих началах по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. рассматриваемые вопросы регулировались в разделе IV «О стадиях осуществления преступления» (ст. 17-20). В соответствии со ст. 17 «преступление считается оконченным, когда намерение совершающего преступление осуществилось до конца». Согласно ст. 18 «покушением на преступление считается действие, направленное на совершение преступления, когда совершивший выполнил все, что считал необходимым для приведения своего умысла в исполнение, но преступный результат не наступил по причинам, от него не зависящим».

В УК РФ 1996 г. регламентация оконченного преступления и покушения является иной. Так, согласно ч. 1 ст. 29 преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК, а в силу ч. 3 ст. 30 покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Нетрудно заметить, что подходы авторов Руководящих начал и УК РФ к понятию оконченного преступления отличаются принципиально. В 1919 г. окончание преступления связывалось с осуществлением до конца *намерения лица*, т.е. в основу легального определения оконченного преступления был положен *субъективный критерий*. Ныне же законодатель

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 17-03-00682.

² Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 62.

³ См.: Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I. М., 2014. С. 500.

опирается в этом вопросе на *объективный критерий*: момент окончания преступления привязан к наличию в содеянном всех признаков *состава преступления* (по смыслу закона, задуманного виновным). Это вполне закономерно, поскольку в соответствии со ст. 8 УК РФ именно наличие состава преступления в содеянном выступает основанием уголовной ответственности.

Отличие в подходах законодателей разных эпох напрямую влияет на оценку содеянного в ситуациях неполной реализации взяткополучателем своего умысла. Например, должностное лицо получило взятку в размере 1,5 млн руб. из оговоренных 3 млн руб. Налицо все признаки получения взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ), т.е., согласно примечанию 1 к ст. 290 УК РФ, на сумму свыше 1 млн руб. Субъект задумал совершить преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 290 УК, и совершил его. Факт неполной реализации умысла с учетом действующей дефиниции оконченного преступления (ч. 1 ст. 29 УК РФ) не будет влиять на квалификацию содеянного как оконченного получения взятки. При этом (с практической точки зрения) в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и в приговоре будут описаны все фактические обстоятельства содеянного, в том числе указано, что получено лишь 1,5 млн из 3 млн оговоренных, но в выводе о квалификации обозначена ч. 6 ст. 290 УК РФ, разумеется, без ссылки на ч. 3 ст. 30 УК.

С позиции Руководящих начал 1919 г., в приведенном примере нельзя говорить об окончании преступления, поскольку до конца намерение лица не осуществилось, так как умысел на получение 3 млн руб. был реализован лицом частично. Думается, что современный подход более справедлив и точен, поскольку, хотя субъект и не реализовал полностью свое намерение, в содеянном уже содержатся все признаки запланированного им состава преступления. Иной подход, а именно вменение в такой ситуации покушения на получение взятки, грубо бы нарушил, на наш взгляд, принцип справедливости. Так, должностное лицо, задумавшее получить 1,5 млн руб. и завладевшее ими полностью, с очевидностью понесет ответственность за оконченное получение взятки по ч. 6 ст. 290 УК. Следовательно, более опасный преступник, сделавший то же самое, но еще и замахнувшийся на большее, нес бы меньшую ответственность (наказание за покушение, как известно, снижается на одну четверть – ст. 66 УК). Это означало бы

прямое противоречие принципу справедливости, закрепленному ныне в ст. 6 УК РФ.

Вместе с тем в современной судебной практике момент окончания получения взятки определяется не всегда в строгом соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ. Более того, одной из причин формирования незаконной, по нашему мнению, практики является официальное разъяснение Пленума высшей судебной инстанции страны. Так, в силу п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом *хотя бы части передаваемых ему ценностей* (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). И далее, цитируем: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако *фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере*. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по пункту «в» части 5 статьи 290 УК РФ»¹.

Полагаем, что данное разъяснение прямо противоречит ч. 1 ст. 29 УК РФ, а также ст. 8 и ст. 290 УК РФ. Совершенно очевидно, что если фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не достигло соответствующей границы, предусмотренной законом, в содеянном отсутствует один из объективных признаков состава преступления – взятка установленного размера. Так, если стороны договорились о получении-передаче 3 млн руб., а фактически была передана лишь

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

сумма в размере 500 тыс. руб., то объективно взятка в особо крупном размере (на сумму свыше 1 млн руб.) получена не была, значит, вменяться должна ч. 3 ст. 30, ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Вместо этого (с учетом критикуемого разъяснения) сегодня в судебной практике содеянное в таких случаях оценивается как оконченное получение взятки в особо крупном размере. К сожалению, подобная практика не только прямо нарушает положения ч. 1 ст. 29 УК РФ, но влечет и иные пагубные последствия, в частности, необоснованно снижает превентивный потенциал нормы о добровольном отказе (ст. 31 УК). Так, получив первые 10 тыс. руб. из оговоренных 30 тыс., должностное лицо еще может одуматься и добровольно отказать от завершения задуманного. В итоге оно должно с позиции закона и логики отвечать по ч. 1 ст. 291² УК РФ за получение мелкой взятки, т.е. только за фактически содеянное (с максимумом наказания до 1 года лишения свободы). Но в силу указанного разъяснения Пленума действия такого публичного служащего будут квалифицированы по ч. 2 ст. 290 УК РФ, даже если он откажется от получения дальнейшей мзды, как оконченное получение взятки в значительном размере (с максимумом наказания до 6 лет лишения свободы). Понятно, что с коррупцией нужно бороться жестко и решительно, но ведь и о фундаментальных началах уголовного права, включая принцип законности, забывать нельзя.

В равной мере, как представляется, слабо согласуется с законодательным определением оконченного преступления и толкование Пленумом момента окончания получения взятки в виде не денег, а иных материальных благ: в тех случаях, когда предметом получения взятки является незаконное оказание услуг имущественного характера, преступление считается оконченным *с начала выполнения* с согласия должностного лица действий, непосредственно направленных на приобретение ими имущественных выгод (например, ... *заключения кредитного договора* с заведомо заниженной процентной ставкой за пользование им, *с начала проведения ремонтных работ* по заведомо заниженной стоимости)¹.

Однако трудно спорить с тем, что в ст. 290 УК установлена ответственность за *получение* выгод имущественного характера, а не за *начало их получения*. Дав указанное разъяснение, Пленум в очередной раз явно вышел за пределы своей компетенции, поскольку фактически создал новую уголовно-правовую норму, а именно трансформировал *формальный состав* получения взятки, закрепленный в ст. 290 УК РФ, в *усеченный состав* путем переноса момента окончания преступления на более раннюю стадию. Ввиду указанной позиции Пленума, если, например, стороны договорились о передаче-получении взятки в виде ремонта дачного дома родственника чиновника стоимостью 200 тыс. руб., а ремонт выполнен на сумму 15 тыс. руб., то неизбежна оценка содеянного по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК как оконченного получения крупной взятки (на сумму свыше 150 тыс. руб.). Такая практика, сформированная в настоящее время Пленумом, прямо противоречит ст. 8, 29 и 290 УК РФ, поскольку состав оконченного преступления усматривается при отсутствии одного из его объективных признаков – законодательно предусмотренного размера взятки.

Серьезные сомнения вызывает у нас и обоснованность разъяснения, данного Пленумом все в том же «антикоррупционном» постановлении 2013 г.: получение или дача взятки, в том числе через посредника, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как *оконченное преступление* вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом. До появления данного разъяснения в период с 1997 по 2013 гг. практика шла по иному пути – вменения при условии проведения ОРМ покушения на получение взятки.

Например, Борский городской суд Нижегородской области в приговоре от 10.12.2012 г. по делу № 1-399/2012 не согласился с оценкой действий подсудимого как оконченного преступления, указав: «Квалифицируя содеянное Г. по ч. 1 ст. 290 УК РФ, как оконченное преступление, орган предварительного следствия не учел, что преступление было совершено Г. при проведении ОРМ. В этой связи, действия подсудимого Г. подле-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об

иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

жат квалификации по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 290 УК РФ»¹. Еще одна цитата, но уже из приговора Пушкинского городского суда Московской области от 29.10.2010 г. по делу № 1-410/2010: «Суд находит вину подсудимого Т. полностью установленной, и квалифицирует его действия по ст. 30, ч. 3, 290 ч. 2 УК РФ, как покушение на получение должностным лицом взятки. Суд не находит оснований для квалификации действий Т., как оконченного преступления, поскольку денежные средства передавались в рамках оперативного эксперимента, и Т. не довел преступление до конца по независящим от него обстоятельствам»².

Но после принятия Пленумом Верховного Суда РФ постановления от 09.07.2013 г. № 24 произошел коренной разворот практики. Так, в апелляционном определении Тюменского областного суда от 05.07.2016 г. № 22-1663/2016 находим уже принципиально иное решение: «Получение взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом передаваемых ему ценностей. При этом не имеет значения, получило ли это лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ценностями по своему усмотрению. Таким образом, то обстоятельство, что передача взятки произошла под контролем оперативных сотрудников, не требует квалификации действий С. по ч. 3 ст. 30 УК РФ»³.

В приведенном примере отчетливо проявилась значимая роль Пленума Верховного Суда РФ в регулировании отношений в уголовно-правовой сфере: при неизменном тексте уголовного закона Пленум менял практику его применения, фактически выполнив функцию законодателя. Отдавая дань уважения Пленуму и заслугам его членов, хотелось бы выразить надежду, что по мере построения правового государства законотворческая роль Пленума будет постепенно снижаться. Теперь – по существу. Полагаем, что и здесь позиция Пленума продиктована скорее конъюнктур-

ными соображениями («закручиванием гаек» в отношении коррупционеров и т.д.), нежели желанием правильно истолковать закон. При документировании факта передачи-получения взятки в рамках ОРМ в действительности преступление не совершается, происходит лишь его фиксация с целью привлечения лица к ответственности. В законе же (ст. 290 УК РФ), естественно, подразумевается настоящая передача взятки, которая наносит реальный вред интересам публичной службы. Поэтому при получении взятки в рамках ОРМ по смыслу закона преступление прерывается по причинам, не зависящим от воли лица.

На этот момент справедливо обратил внимание П.С. Яни сразу же после появления критикуемого разъяснения: «... Выявляемый как коррупционер чиновник в принципе не может совершить оконченного преступления в виде получения взятки – передача ему ценностей объективно не преследует цели вознаградить его за служебное поведение, эти ценности будут у него после вручения изъяты. ... Ценности должностному лицу передаются не за совершение действий по службе, а в целях выявления преступления»⁴. Но сегодня в практике, разумеется, содеянное в подобных ситуациях (с учетом позиции Пленума) оценивается как оконченное преступление.

Значительный интерес в контексте стадий преступления представляет оценка распространенных в практике *случаев передачи-получения муляжей взяток*, в том числе, когда одна часть денег является настоящей, а другая – муляжом. Так, по одному из дел, рассмотренных в Ярославской области в 2018 г., муниципальный служащий К. был признан виновным в совершении оконченного преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Он, реализуя свой умысел, направленный на получение взятки в виде денег в крупном размере в сумме 300 тыс. руб. за безотлагательную приемку выполненных работ и ускоренную оплату работ по благоустройству территории сельского поселения, получил от предпринимателя в качестве взятки макет под видом денежных средств в сумме 300 тыс. руб., состоящий из 60 муляжей билетов банка России достоинством по 5 тыс. руб.

Думается, что данное деяние следовало квалифицировать не как оконченное преступ-

¹ Приговор Борского городского суда Нижегородской области от 10.12.2012 г. по делу № 1-399/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

² Приговор Пушкинского городского суда Московской области от 29.10.2010 г. по делу № 1-410/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 05.07.2016 г. № 22-1663/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 34.

ление, а как покушение на получение крупной взятки, т.е. по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. В ст. 290 УК РФ говорится о денежных средствах, а не их муляжах. Следовательно, состав преступления может образоваться лишь передача подлинных денег. Поэтому ввиду отсутствия в подобных ситуациях одного из объективных признаков состава преступления, содеянное в полном соответствии со ст. 8, ч. 1 ст. 29 и ч. 3 ст. 30 УК необходимо квалифицировать как покушение на преступление.

Сложнее, как представляется, обстоит дело с оценкой случаев передачи-получения взяток, если одна часть денег является настоящей, а другая часть – муляжом. Такие случаи весьма часто встречаются в практике. Так, приговором Раменского районного суда Воронежской области от 14.11.2018 г. по делу № 1-88/2018 глава сельского поселения К. признан виновным в окончательном получении крупной взятки по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ за совершение незаконных действий по предоставлению земельного участка. При этом установлено, что ему был передан полиэтиленовый сверток с денежными средствами на сумму 600 тыс. руб., в котором только две денежные купюры достоинством по 5 тыс. руб. были настоящими, а остальные 590 тыс. руб. – муляжом¹.

Однако с квалификацией содеянного как окончательного преступления трудно согласиться. Дело в том, что объективно в рассматриваемой ситуации крупная взятка не была передана, ибо получено лишь 10 тыс. подлинных денег, а крупный размер составляет сумма свыше 150 тыс. руб. Значит, с позиции ст. 8, ч. 1 ст. 29, ст. 290 УК РФ, полного состава получения крупной взятки не имеется и содеянное должно оцениваться как покушение на получение крупной взятки по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Но это по закону. Но практика идет по пути, намеченному в выше процитированном п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24: даже при частичной реализации умысла на получение соответствующего размера взятки, независимо от суммы фактически полученных настоящих денег, содеянное оценивается как окончательное преступление.

¹ Приговор Раменского районного суда Воронежской области от 14.11.2018 г. № 1-88/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

И примеров подобной ошибочной, как представляется, квалификации – масса. Так, приговором Истринского городского суда Московской области от 13.03.2019 г. по делу № 1-58/19 Г. была осуждена за окончательное получение взятки в особо крупном размере по ч. 6 ст. 290 УК РФ. Установлено, что она получила взятку в виде денег в сумме 2,5 млн руб., из которых только 50 тыс. руб. были подлинными, а оставшаяся сумма – муляжом². По другому делу следователь В. по приговору Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 26.07.2019 г. был осужден по ч. 6 ст. 290 УК РФ за получение взятки в особо крупном размере за прекращение уголовного дела. Он забрал переданный ему пакет с муляжом денежных средств на сумму 1,4 млн руб., а также с подлинными купюрами на сумму 100 тыс. руб., всего на сумму 1,5 млн руб.³

На наш взгляд, с позиции закона (ст. 8, ч. 1 ст. 29, ст. 290 УК РФ), такая судебная практика не выдерживает критики. Квалификация получения взяток с муляжами денег как окончательного преступления допустима, по нашему мнению, лишь при условии, что *часть настоящих денег*, переданных вкуче с муляжом, *сама по себе образует соответствующий размер взятки*, предусмотренный ст. 290 УК РФ. Например, стороны договорились о незаконном вознаграждении в размере 2,5 млн руб., как в одном из приведенных ранее дел, а передана была сумма подлинных денег в размере 1,2 млн и муляж на 1,3 млн. В этой ситуации есть все основания вменить окончательное преступление, поскольку особо крупный размер взятки по примечанию 1 к ст. 290 УК составляет сумму свыше 1 млн руб. Поскольку этот порог преодолен путем передачи настоящих денег (1,2 млн руб.), постольку, несмотря на получение остатка в форме муляжа, объективный признак взятки «в особо крупном размере» наличествует в содеянном в полном объеме.

В любом случае с учетом того, что в ст. 290 УК РФ, равно как и в других нормах о взяточничестве, предусмотрены подлинные денежные средства, игнорировать квалифика-

² Приговор Истринского городского суда Московской области от 13.03.2019 г. по делу № 1-58/19 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Приговор Альметьевского городского суда Республики Татарстан от 26.07.2019 г. по делу № 1-253/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ционное значение того обстоятельства, что именно передано должностному лицу (настоящие деньги или их муляж), не допустимо. Но суды порой не «стесняются» указывать прямо обратное. Например, Оренбургский областной суд в апелляционном определении от 18.10.2017 г. № 22-2832/2017, отставляя неизменной квалификацию действий подсудимого по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, подчеркнул: «Предметом взятки является в том числе и муляж денежных средств, поскольку умысел осужденной был направлен на получение взятки в виде денежных средств. Передача муляжа денежных средств в качестве взятки не влияет на квалификацию действий осужденной»¹. Полагаем очевидным, что подобные утверждения слабо вяжутся с действующей редакцией ст. 290 УК РФ и в целом с принципом законности. С целью выработки единообразной практики по вопросу о моменте окончания получения взятки, когда она передается полностью или частично в виде муляжа, давно назрела необходимость решения данного вопроса в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24.

Завершая, отметим, что Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 г. вошли в историю как уголовный закон с ярко выраженной классовой направленностью.

Список цитируемой литературы:

1. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 62.
2. См.: Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 ч. Ч. I. М., 2014. С. 500.
3. Яни П.С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 10. С. 34.

И вот спустя 100-летие, анализируя современную судебную практику по делам о коррупционных преступлениях, с сожалением придется констатировать, что она, как и лежащее в ее основе постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24, не в полной мере свободны от политической конъюнктуры. Говорят, что история циклична. И если сегодня своевременно и решительно не реагировать на нарушения принципа законности, то в недалеком будущем можно ожидать появления нового уголовного закона классового характера. Нужен ли он нам? Вопрос риторический.

The list of the quoted literature:

1. Konyakhin V. P. Theoretical foundations of the General Part of Russian Criminal Law. St. Petersburg, 2002. P. 62.
2. Naumov A. V. Crime and punishment in the history of Russia. At 2 hours, Ch. I. M., 2014. P. 500.
3. Yani P.S. New issues of qualification of bribery // Legality. 2014. No. 10. P. 34.

¹ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 18.10.2017 г. № 22-2832/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

**ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ ПРИ ОЦЕНКЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ КАК ТРЕБОВАНИЕ
РУКОВОДЯЩИХ НАЧАЛ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РСФСР
1919 ГОДА И ИХ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ
ПРЕДМЕТА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА ПО УК РФ 1996 ГОДА**

**REFLECTION OF MODERN REALITIES IN THE ASSESSMENT
PUBLIC DANGER OF THE ACT AS A REQUIREMENT GUIDELINES ON
CRIMINAL LAW OF THE RSFSR 1919 AND THEIR CONTINUITY IN
DETERMINING BRIBERY UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE
RUSSIAN FEDERATION 1996**

Шульга А.В.
*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный
университет имени И.Т. Трубилина»
(г. Краснодар)*

Shulga A.V.
*candidate of law, associate Professor
head of the Department of criminal law
Kuban state UNIVERSITY agricultural
University named after I. T. Trubilin»
(Krasnodar)*

Коргулев А.Г.
*аспирант кафедры уголовного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный
университет имени И.Т. Трубилина»
(г. Краснодар)*

Korgulev A.G.
*postgraduate student of the Department of criminal
law
Kuban state UNIVERSITY
agricultural University named after I. T. Trubilin»
(Krasnodar)*

Ключевые слова: предмет преступления, взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, имущество, услуги имущественного характера, услуги неимущественного характера, имущественные права.

Аннотация: Статья посвящена определению признаков предмета взяточничества на современном этапе по УК РФ 1996 г. Аргументировано, что предмет взяточничества не всегда имеет имущественный характер (денежную оценку) и может быть связан с услугами неимущественного характера. Кроме того, с учетом межотраслевых связей рассматривается понятие имущественных прав как предмета взяточничества.

Keywords: object of crime, bribery, abuse of official powers, property, services of property character, services of non-property character, property rights.

The summary: The article is devoted to determination of characteristics of the subject of bribery at the present stage the criminal code 1996, Argued that the object of bribery is not always proprietary in nature (monetary value) and can be linked to the services of non-property nature. Also, taking into account inter-sectoral relations, the concept of property rights as a subject of bribery is considered.

Одними из первых нормативных предписаний, регулирующих уголовно-правовые отношения в советской России, принятыми после событий 1917 г., можно считать Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. (далее по тексту – Руководящие начала)¹. Они действовали до принятия УК РСФСР 1922 г. и, как указывалось во введении к данному документу, должны были сдать в архив истории буржуазные кодексы пережитой эпохи.

Несмотря на краткость (объединяли всего 27 статей) и непродолжительный срок действия Руководящих начал, они, на наш взгляд, имели следующую главную особенность – устанавливали необходимость регулирования законом общественных отношений в соответствии с современными реалиями: «И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата». Так, в ст. 11 Руководящих начал устанавливалось, что «при определении меры воздействия на совершившего преступление, суд ... устанавливает, насколько само деяние в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности».

Именно из таких норм сформировалась общеизвестная ныне аксиома о том, что уголовное право, выступающее инструментом охраны общественных отношений, должно

соответствовать уровню развития последних на том или ином этапе. Такая аксиома реализуется и в действующем уголовном законодательстве, воплощенном в Уголовном кодексе РФ 1996 г., который нередко изменяется и дополняется именно с целью адекватной борьбы с преступлениями с учетом современных реалий.

Воплощение уровня развития общественных отношений в уголовно-правовых нормах является особо актуальным при регламентации предмета преступления. Не являются в этом смысле исключением и статьи УК РФ 1996 г., посвященные борьбе со взяточничеством. При квалификации взяточничества предмет преступления является обязательным признаком соответствующих составов, его свойства подлежат обязательному установлению. Однако по поводу свойств и признаков предмета взяточничества в уголовно-правовой науке до сих пор ведутся споры².

Так, согласно первоначальной (исходной) редакции ст. 290 УК РФ («Получение взятки») к предмету взяточничества относились денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, а также выгоды имущественного характера.

Однако федеральным законом от 04.05.2011 г. в ст. 290 УК РФ были внесены изменения, расширяющие предмет взяточничества с учетом современных условий³. В со-

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: постановление Народного комиссариата юстиции Российской Федерации от 12 декабря 1919 года // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

² Изосимов С. В., Гейвандов Э. А. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 56.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Феде-

ответствии с указанной редакцией ст. 290 УК РФ предметом взятки являются деньги, ценные бумаги и иное имущество; услуги имущественного характера; имущественные права. Следовательно, отражая в уголовно-правовых нормах развитие имущественных отношений на современном этапе, законодатель расширил предмет взяточничества путем включения в него таких благ, как имущественные права. Выгоды имущественного характера как предмет взяточничества в первоначальной редакции УК РФ были заменены на услуги имущественного характера.

Уголовный кодекс не закрепляет определения понятий, образующих предмет взяточничества. Если по поводу понятий денег и ценных бумаг, иного имущества, традиционно выступающих предметом взятки, в теории и правоприменительной практике не возникает вопросов, то «имущественные права» и «услуги имущественного характера» как предмет преступления толкуются неоднозначно.

Так, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ под незаконным оказанием услуг имущественного характера следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств¹. При этом имущественный характер услуги заключается в том, что она всегда имеет денежную оценку, то есть возмездный характер.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» под имущественными правами как предметом взяточничества следует понимать право на имущество, в том числе право требования кредитора, а также другие права, которые имеют денежную

рации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ // Российская газета. 2011. 6 мая.

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.

оценку (например, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации – ст. 1225 ГК РФ). В соответствии с данным постановлением с имущественными правами связывается возникновение у получателя взятки возможности владеть или распоряжаться чужим имуществом как своим собственным, а также требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и т.п.

Во всяком случае предмет взяточничества (являются таковым деньги либо ценные бумаги, или иное имущество, имущественные права или услуги имущественного характера) должен иметь финансовую оценку. Таким образом, денежный эквивалент, денежная стоимость положены в основу определения предмета взяточничества².

Но с такой позицией соглашаются не все ученые. Так, в уголовно-правовой науке есть точка зрения, согласно которой нематериальные выгоды, то есть предоставление каких-либо услуг неимущественного характера, также должны являться предметом взяточничества³. К примеру, С. Д. Гринько указывает, что «было бы правильным установить в ст. 290 УК РФ ответственность не только за извлечение выгод имущественного характера, но и иных выгод»⁴. В подтверждение такой позиции приводится цитата из Конвенции ООН против коррупции⁵, в которой в ст. 18 («Злоупотребление влиянием в корыстных целях») указываются следующие формы умышленного противоправного поведения, относящиеся к коррупционным: а) предложение, обещание или предоставление должностному лицу какого-либо неправомерного преимущества; б) принятие или вымогательство должностным лицом этого же неправомерного преимущества.

² Бабий Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному кодексу Беларуси и России: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 23.

³ Воробьев А. В. Понятие предмета взяточничества на современном этапе // Административное право и процесс. 2017. № 1. С. 83-86.

⁴ Гринько С. Д. Квалификация взяточничества // Закон и право. 2003. № 2. С. 47.

⁵ Конвенция ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

Применительно к перечисленным случаям в Конвенции не говорится о предоставлении субъекту преступления каких-либо материальных благ. Речь идет о различных преимуществах в широком смысле этого слова. Таким образом, они могут подвергаться не только сугубо денежной оценке.

Действительно, удовлетворение потребностей (услуг) нематериального характера также может быть предметом интереса должностного лица при совершении им каких-либо действий в пользу другого лица. Так, например, должностное лицо может выполнять какие-либо действия (в том числе незаконные) в обмен на выгодные для него результаты выборов, голосований, жеребьевок, пари, результатов спортивных соревнований, религиозных обрядов (посвящение в какой-нибудь религиозный сан и т.п.), на вступление в ряды какой-либо организации (в том числе незаконной), на присвоение званий, государственных наград, титулов, на приобретение предметов коллекционирования, которые не обладают действительной материальной ценностью (например, редкой породы бабочек, минералов и т.п.), на вынесение выгодного для должностного лица судебного решения (не связанного с предоставлением имущества или имущественных прав), на получение или опубликование в средствах массовой информации необходимой информации и т.п.

Принятие таких нематериальных благ должностным лицом также посягает на объект уголовно-правовой охраны, закрепленный в главе 30 УК РФ и непосредственно в ст. 290 УК РФ, то есть на интересы государственной власти, нормальную управленческую деятельность государственных органов, подрывает авторитет власти, деформирует правосознание граждан.

Однако, если следовать такой логике и признавать предметом взятки блага (услуги) не только имущественного, но и нематериального характера, то возникнет вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 290 («Получение взятки») и ст. 285 («Злоупотребление должностными полномочиями») УК РФ.

В ст. 285 УК РФ также указано, что уголовная ответственность может наступить, если должностное лицо использует свои служебные полномочия как из корыстной, так и иной лич-

ной заинтересованности¹. Иная личная заинтересованность как раз и может быть связана с присвоением должностным лицом тех нематериальных благ, о которых сказано ранее.

Однако ст. 285 УК РФ, в отличие от ст. 290 УК РФ, предусматривает материальный состав преступления. Злоупотребление должностными полномочиями является окончательным преступлением, если совершенное должностным лицом деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Получение же взятки считается окончательным преступлением с момента получения хотя бы части взятки (формальный состав).

Указанное отличие в моменте окончания преступлений, предусмотренных ст. ст. 285 и 290 УК РФ, на наш взгляд, и должно являться главным аргументом в пользу признания нематериальных благ предметом взяточничества. Признав предметом взяточничества, скажем, информацию нематериального характера (например, информацию об усыновлении), не стоит устанавливать, когда это деяние повлечет (и повлечет ли вообще) существенное нарушение прав и законных интересов граждан, и можно считать преступление окончательным (взяточничеством) с момента получения такой информации.

Таким образом, если в случае получения нематериальных благ должностным лицом суду не удалось доказать существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, деяние следует квалифицировать по ст. 290 УК РФ. Если же при совершении указанных действий установлено существенное нарушение прав и законных интересов названных потерпевших, содеянное надлежит квалифицировать по ст. 285 УК РФ.

О верности такой логики (о повышенной опасности такого должностного преступления, как злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее существенное нарушение прав и свобод) свидетельствуют и санкции анализируемых статей. Часть 1 ст. 285 УК РФ предусматривает более суровое наказание – до

¹ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 // Российская газета. 2009. 30 октября.

4-х лет лишения свободы, тогда как ч. 1 ст. 290 УК РФ – до 3-х лет лишения свободы.

Получение взятки может не повлечь существенного нарушения прав и свобод, что прямо вытекает из диспозиции указанной статьи, где говорится о том, что получение взятки виновным осуществляется «за совершение действий (бездействие) *в пользу* (курсив наш – Авт.) взяткодателя или представляемых им лиц». Буквальное толкование фразы «в пользу» означает во благо, для получения каких-либо привилегий, выгод, преимуществ и др. Иными словами, взяткодатель ставится в лучшие условия, нежели те, в которых он существовал до получения взятки должностным лицом. Поэтому о каких-либо нарушениях прав и законных интересов взяткодателя в такой ситуации говорить вряд ли приходится.

По этому поводу также существуют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, который указывал, что для разграничения получения взятки и злоупотребления должностными полномочиями существенное значение имеет содержание умысла виновного. Если сознанием виновного охватывается то обстоятельство, что предмет взяточничества вручается ему незаконно за действия *в пользу дающего* (курсив наш – Авт.), а также, что умыслом дающего взятку охватывается факт передачи им незаконного вознаграждения и именно за деяния должностного лица *в его пользу* (курсив наш – Авт.), налицо получение взятки. Если у должностного лица такое сознание отсутствует, то его действия квалифицируются как злоупотребление должностными полномочиями¹.

Именно потому, что взятка предается должностному лицу с целью совершения действий (бездействия) в пользу взяткодателя, выделяют в теории взятку-подкуп и взятку-благодарность. Мы не встречали понятия «взятка-откуп».

На тот факт, что получение взятки имеет формальный состав и не всегда влечет существенное нарушение прав и свобод потерпевших, указывает и абз. 3 п. 18 названного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24. Там указано, что только если в процессе вымогательства взятки должностное лицо выполнило деяния, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций, со-

деянное при наличии к тому оснований должно быть дополнительно квалифицировано по ст. 285, 286 или 201 УК РФ.

Данное правило квалификации подчеркивает, что не в предмете преступления, а в наступивших последствиях в виде существенного нарушения прав и законных интересов потерпевших состоит главное отличие вымогательства взятки от злоупотребления служебными полномочиями. Иначе может возникнуть вопрос: а как квалифицировать вымогательство должностным лицом неимущественных благ? И ответ, на наш взгляд, следует искать в «рамках» ст. 290 УК РФ, так как «вымогательство» является более общественно опасной формой противоправного поведения, чем просто «злоупотребление», описываемое в ст. 285 УК РФ. Санкция, закрепленная в п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, подтверждает это.

Таким образом, есть основания утверждать, что предмет взяточничества могут образовывать услуги неимущественного характера. Подобное решение позволит признавать посягательство оконченным на более ранней стадии – с момента получения указанных услуг (независимо от наступления последствий). Это положительно скажется на практике борьбы с указанными противоправными деяниями, поскольку существенное нарушение прав и законных интересов граждан, общества или государства является оценочным понятием, что может повлечь трудности при их установлении.

Необходимо отметить, что предметом взяточничества должны признаваться только те услуги имущественного или неимущественного характера, имущество, которые включены в легальный (официальный или разрешенный) гражданский (хозяйственный или экономический) оборот.

При определении предмета взяточничества уголовный закон и судебная практика использует категории, термины, которые закреплены в гражданском законодательстве, – услуги, имущество, деньги, ценные бумаги, имущественные права. В данном случае мы сталкиваемся с ярким примером межотраслевых связей при конструировании уголовно-правовых норм, при квалификации преступлений. Мы солидарны с такой практикой применения гражданско-правовых категорий в уголовном законе. Но при этом необходимо соблюдать точность терминологии.

Как указано ранее, в результате изменений, внесенных в УК РФ федеральным законом от 04.05.2011 г., в ст. 290 УК РФ появился такой новый предмет взяточничества, как

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 11. С. 4.

имущественные права. Очевидно, что необходимость подобного дополнения была продиктована развитием имущественных отношений на современном этапе не только в России, но и во всем мире.

Очевидно, что термин «имущественные права» является гражданско-правовым. Следовательно, при определении его содержания необходим анализ гражданского законодательства в определенной части. Так, в соответствии с последней редакцией ст. 128 ГК РФ объектами гражданских прав являются вещи (включая документарные ценные бумаги и наличные деньги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Таким образом, к имущественным правам согласно гражданскому законодательству следует относить конкретные блага: бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, а также цифровые права.

Вместе с тем в уголовном праве, как отмечалось ранее, к имущественным правам как предмету взяточничества принято относить право на имущество, а именно: юридически закрепленную возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным; право требования кредитора; право требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств; а также другие права, которые имеют денежное выражение (в том числе и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации).

В связи с этим будет правильным редакцию п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ привести в соответствие со ст. 128 ГК РФ, поскольку по гражданскому законодательству исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) относится не к имущественным правам, а рассматривается как самостоятельный объект гражданских прав. Имущественные права в соответствии со ст. 128 ГК РФ, как отмечено ранее, составляют конкретные блага (бездокументарные ценные бумаги, безналичные денежные средства, а также цифровые права).

Особый интерес вызывает новый объект гражданских прав, включенный в ст. 128 ГК

РФ, – цифровые права. Соответственно, необходимо определиться с их содержанием, так как они, очевидно, относясь к разновидности имущества, также могут образовывать предмет взяточничества.

Цифровые права как объект гражданских прав появился в ГК РФ в связи с необходимостью принятия законов о цифровых финансовых активах¹ (крипто валюте и токенах) и краудфандинге² (привлечение инвестиций через электронные площадки)³. В проектах данных законов не дается точного определения термина «цифровые права», но зато представлена дефиниция понятия «цифровой финансовый актив». Так, в ст. 2 проекта закона «О цифровых финансовых активах» указано, что «цифровой финансовый актив – это имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Право собственности на данное имущество удостоверяется путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен». Таким образом, криптовалюта и токен признаны имуществом в электронной форме.

Согласно проекту названного документа криптовалюта – это вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределительном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций. Токен – это вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций.

Итак, можно заключить, что цифровые права – это такие права, которые предоставляют возможность лицу владеть, пользоваться или распоряжаться цифровыми финансовыми активами (имуществом в электронной форме) – криптовалютой, токеном.

¹ О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 22.05.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ: проект Федерального закона № 419090-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 22.05.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ СПС «КонсультантПлюс».

Под цифровыми правами как предметом взяточничества следует признавать имущество в электронной форме (криптовалюту, токен). Криптовалюта и токен так же, как и иное имущество, составляющее предмет взяточничества, могут иметь денежную оценку (стоимость). Об этом прямо говорится в ст. 4 обсуждаемого проекта закона: «Владелец цифровых финансовых активов вправе совершать сделки по обмену токенов на рубли, иностранную валюту через оператора обмена цифровых финансовых активов».

С учетом изложенного предлагается следующее определение предмета взяточничества на современном этапе – это включенные в легальный экономический оборот вещи, иное имущество, в том числе имущественные права, результаты работ и оказание услуг (как имущественного, так и неимущественного характера), а также результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность).

Список цитируемой литературы:

1. Бабий Н. А. Квалификация взяточничества по уголовному кодексу Беларуси и России: монография. М.: Юрлитинформ. 2014.
2. Воробьев А. В. Понятие предмета взяточничества на современном этапе // Административное право и процесс. 2017. № 1.
3. Гринько С. Д. Квалификация взяточничества // Закон и право. 2003. № 2.
4. Изосимов С. В., Гейвандов Э. А. Предмет взяточничества: проблемы определения содержания // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4.

На основе представленных рассуждений предлагаем внести соответствующие изменения в ч. 1 в ст. 290 УК РФ, а именно: фразу «... денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав ...» заменить словами: «...вещей, иного имущества, в том числе имущественных прав, результатов работ и оказания услуг (как имущественного, так и неимущественного характера), а также результатов интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности) ...».

Таким образом, подобно Руководящим началам РСФСР 1919 г. УК РФ 1996 г. в части определения предмета взяточничества в условиях развития имущественных отношений также будет иметь своей задачей «...борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития ...».

The list of the quoted literature:

1. Babiy N. A. qualification of bribery under the criminal code of Belarus and Russia: Monograph. Moscow: Yurlitinform. 2014.
2. Vorobiev A.V. the Concept of bribery at the present stage. Administrative law and process. 2017. No. 1.
3. Grinko S. D. Qualification of bribery // Law and law. 2003. No. 2.
4. Izosimov S. V., geyvandov E. A. The subject of bribery: problems of determining the content // Actual problems of Economics and law. 2010. No. 4.

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИЙ ПРАВОВОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**SOME PROBLEMS OF TECHNOLOGIES OF LEGAL INFLUENCE
ON LEGAL CULTURE OF PERSONALITY
IN MODERN SOCIETY**

Жинкин С.А.

*доктор юридических наук
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Кубанского
государственного университета*

Zhinkin S. A.
doctor of law

*head of the Department of theory and history
of state and law of the Kuban
state University*

Ключевые слова: право, культура, технологии.

Аннотация: Статья посвящена вопросам правового воздействия на массовую и индивидуальную культуру в современных условиях. Автором обращается внимание на необходимость учета ряда факторов, таких как модернизация и глобализация, возрастание технологических компонентов в самом праве, что должно учитываться в выборе путей формирования правовой культуры.

Keywords: law, culture, technology.

The summary: The article is devoted to the issues of legal impact on mass and individual culture in modern conditions. The author draws attention to the need to take into account a number of factors, such as modernization and globalization, the increase of technological components in the law, which should be taken into account in the choice of ways of formation of legal culture.

Право приобретает подлинное человеческое значение и социальный смысл благодаря органической связи с культурой общества и личности. Материальная и духовная культура по сути определяет границы жизненного мира права, правового пространства. Призывы к развитию права как феномена духовной культуры, как средства определенной, конкретно-

исторической цивилизации и национальной и личностной культуры в последнее время становятся важной тенденцией развития юридической науки и практики.

Когда о праве говорят как об одном из существенных аспектов культуры общества, то это правильно в том плане, что абсолютно все стороны жизни общества, а они в большей или

меньшей степени регулируются правом, так или иначе являются частями его культуры. Поскольку «реализация права, юридическая практика выявляет и концентрирует острые жизненные конфликты и проблемы, она сама по себе имеет культурную ценность»¹. Полагая допустимым говорить и об определенной культуре правового воздействия, включающей совокупность средств и технологий, правовых инструментов, а также идеологические, политические и иные аспекты.

В ряде работ 20 век был назван «веком социально-антропологической напряженности»². Захватывает такая напряженность и современную Россию, однако она приобрела весьма интересное измерение. Страна, лишившаяся национальной и культурной идентичности, испытывает серьезный социальный кризис от внедрения новых весьма неоднозначных идей, подразумевающих обогащение любыми средствами, относительность культурных ценностей, размытость и внутреннюю противоречивость социального регулирования.

В литературе в этом плане отмечается важность исследования проблем соотношения культуры и права в переходных обществах, а также в обществах, где сосуществуют разнотипные правовые и политические культуры и их элементы³. Таким, несомненно, является общество нынешней России. Это исследование необходимо сопровождать разработкой, рекомендацией и применением определенных научно обоснованных технологий.

Нынешняя «российская правовая культура характеризуется внутренней противоречивостью, эклектизмом, одновременным сосуществованием в ней разнонаправленных тенденций»⁴. Думается, это связано со спецификой взаимодействия характеристик национального менталитета и влияния на общественное правосознание и правовую культуру процессов нового этапа модернизации, глобализации и элементов «массовой культуры».

Повышение правовой культуры общества, социальных групп, личности выступает существенным условием совершенствования государственно-правовых институтов, важным фактором политико-правовой и социальной модернизации, и в то же время важным комплексом технико-юридических приемов.

Если правило поведения личности, имеющее культурный аспект, приобретает существенное значение и для общества или во всяком случае связано с осуществлением необходимых общих дел, оно становится общеобязательным, т.е. правовым предписанием. «Это имеет особо важное значение в периоды кардинальных социальных переломов, сопровождающихся самыми различными, в том числе межцивилизационными противоречиями. Инновации, которые не санкционированы в культуре, не воспринимаются в ней как «свои», как нечто привычное, комфортное, могут вызвать в обществе мощное массовое дискомфортное состояние»⁵.

Как справедливо отмечает А.П. Манченко, реализация проекта либеральной модернизации в России предполагает формирование новой правовой культуры на всех уровнях социальной системы личности, общества и государства⁶. Такое формирование, естественно, должно опираться на разработанные юридической наукой технологии и инструменты.

Как известно, культура по своей сути нормативна. Нормативность культуры как раз и обуславливает координацию и организацию действий индивидов, входящих в социальное целое. Нормативность как организационное и технико-юридическое средство «проявляется в форме институционализации общественных отношений и поведения людей. Ее сутью является появление объективных, не зависящих от индивидов правил поведения и обеспечение их выполнения определенным механизмом»⁷.

В качестве гражданина, субъекта права, социально ответственной личности человек реализуется, помимо прочего, и в производстве и воспроизводстве духовной культуры, не-

¹ Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002. С.131.

² Барулин В.С. Российский человек в 20 веке. Потери и обретение себя. М., 2000. С.87.

³ Право и культура. М., 2009. С.87.

⁴ Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение.2003.№1.

⁵ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С.74.

⁶ Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000. С.99.

⁷ Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002. С.100.

отъемлемой частью которой предстает право. «Социально развитые формы бытия человека являются нормативным опредмечиванием его общественной культурной жизни, он становится ее действительностью, общественно активной правовой личностью»¹.

Как существенный элемент культуры право не только аккумулирует в себе ее ценности, но и претворяет в жизнь основополагающие потребности и достижения цивилизации, обеспечивая тем самым сохранение, а в известной мере и преумножение потенциала материальных, социальных и духовных богатств в обществе. «Закрепляя среди других ценностей культуры социально оправданную, нормативно упорядоченную свободу, право приобретает тем самым значительную, притом собственную социальную ценность в обществе»². Аналогично можно говорить о том, что право вбирает и новые экономические и культурные ценности, является неким синтезом взаимодействия модернизационных и традиционных ценностей.

Очевидно, что правовая культура в современных условиях немыслима без человека и его деятельности, без прогрессивной направленности личностного творчества. Она выступает как такое общественное явление, которое охватывает всю совокупность важнейших ценностных компонентов правовой действительности в ее фактическом функционировании и развитии. Правовая культура личности, будучи неотъемлемым компонентом правовой культуры общества, отражает степень и характер развития этого общества, по сути обосновывает правомерную деятельность индивида, его интеграцию в постоянно меняющееся общество.

Можно согласиться с тем, что «чем выше уровень правовой культуры, тем эффективнее деятельность законодателя, целенаправленнее управленческая деятельность, более результативен процесс реализации правовых предписаний, соблюдения и исполнения требований, содержащихся в правовых нормах, обеспечения правового положения личности в

государстве»³. Высокий уровень правовой культуры является и залогом внедрения в сознание инновационных правовых элементов, залогом восприятия правовых технологий и правовых навыков.

При этом ответственность за формирование активистской, инновационной правовой культуры общества и личности лежит на государстве и институтах гражданского общества, которые должны разрабатывать соответствующие политико-правовые технологии.

Каковы могут быть примеры таких технологий? Например, важнейшую роль в этом плане играет формирование правовой культуры государственных и муниципальных служащих, формирование эффективного менеджмента и борьба с коррупцией.

В настоящее время российская правовая культура являет некий конгломерат русских правовых традиций, остатков социалистической правовой культуры и западных социально-правовых ценностей. С другой стороны, в общественное сознание «вбрасывается» миф о неправильном направлении культурно-исторического развития России, которая свернула с некоего «магистрального» пути развития человечества.

Думается, что критерием истины в этом случае является практика. Необходима система технологий мониторинга общественных и собственно правовых проблем и их отражения в массовом правосознании, постоянный анализ трансформаций в правовой культуре общества.

Существенным фактором, влияющим на состояние правовой культуры общества и эффективность социальных регуляторов в условиях модернизации, можно считать так называемое отчуждение. Э. Фромм по этому поводу писал: «Нигде так полно не проявился этот дух отчуждения, как в отношении человека к самому себе. Человеком продается не только товар, не только продукты своего труда, но и он сам, при этом человек ощущает себя товаром. Рабочий продает свою физическую силу; предприниматель, врач, работник умственного труда продают свою «личность». Эта «личность» должна обладать всеми качествами товара... Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у не-

¹ Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. 2003. №2. С.17.

² Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. №11. С.73.

³ Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы. Автореф.дисс.канд.юр.наук. Казань, 2012. С.14.

го нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительской стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, «чувство собственного достоинства» превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие»¹.

Преодоление культурного и правового отчуждения человека от общества и государства должно стать одной из приоритетных задач правовой политики государства на ближайшие годы. Поэтому и необходимо работать над восстановлением и формированием доверия общества и власти, личности и правовых учреждений, налаживанием диалога человека и государства посредством соответствующих технологий.

Главным действующим лицом модернизированного общества становится личность, а не корпорация. Это личность, использующая свои способности и возможности, свой творческий потенциал. Уважительное отношение к личности и механизмам ее самореализации должно найти в связи с этим большее выражение в отечественном законодательстве; творческая и инновационная деятельность личности должны быть юридически гарантированы.

В литературе обращается внимание на складывание нового негативного типа личности в современном обществе, который «формируется индивидуалистическо-гедонистической «моралью успеха», сам по себе совершенно не способен обеспечить надежную работу любых общественных институтов»². В этом плане важной задачей идеологической и воспитательной работы государства является ограничение гедонистического характера общественного сознания путем применения ряда идеологических и социокультурных механизмов и технологий.

Ценности нового модернизируемого общества должны не хаотично возникать и исчезать, а постепенно и избирательно выращиваться, культивироваться, постоянно охватывать все новые стороны жизни общества, все наиболее значимые и широкомасштабные сферы жизни человека. Такое «культивирование» должно осуществляться при помощи права и средств правовой политики, например, право-

вой пропаганды, правового обучения и воспитания, которые можно рассматривать и как своеобразные правовые технологии.

Успешная модернизация немыслима без технологий поддержки повышения квалификации, культуры труда, эффективного менеджмента. Поэтому важным культурным направлением социально-правовой модернизации представляется борьба с низкой культурой труда, трудовой и правовой безответственностью работников. Думается, что важную роль в этом процессе должны сыграть эффективные контракты, особенно для управленческого состава, создание системы постоянного повышения квалификации государственных служащих, в том числе в сфере модернизации и информатизации.

Как отмечается в литературе, сегодня работают механизмы поддержания высоких притязаний людей с низким культурным уровнем, плохо развитыми трудовыми навыками, производящих продукцию низкого качества³. В этом плане представляется очень важным развивать саму культуру труда, стремление работников к постоянному повышению своего профессионального уровня.

Поддержка свободной социальной активности должна при этом сочетаться с пропагандой в массовом сознании идей гражданского долга и социальной ответственности. В обществе нужны технологии, развивающие массовое стремление к саморазвитию, социально-правовому и культурному самосовершенствованию, постоянному повышению своего профессионального уровня. Необходимы четкая стратегия и соответствующие механизмы повышения правовой культуры в масштабах страны и каждого отдельно взятого региона.

При этом необходимо установить в качестве ценностного ориентира служебную роль права по отношению к культуре, потребностям общественного и культурного развития с разработкой технологий осуществления этой служебной роли.

В современном обществе посредством в том числе и правовых инструментов и технологий требуется не только деятельность массовая социализация людей, но и их «инкультурация», т.е. введение человека в систему принятых в обществе культурных норм социального общежития и взаимодействия, иерар-

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2004. С.152-153.

² Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С.85.

³ Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994. С.104.

хию ценностей, степеней допустимости тех или иных суждений и поступков, а также стимулирование в человеке мотивации к соблюдению этих норм, демонстрация и доказательство того, что, соблюдая нормы, человек имеет больше шансов достичь желаемого, нежели их нарушая»¹.

Очевидно, никакое включение человека в систему общественных ценностей само по себе не приводит к положительным сдвигам в его сознании, пока он остается просто пассивным объектом правового воздействия. Еще в советской науке отмечалось, что «внешнее воздействие дает тот или иной психологический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств»². Все это лишний раз доказывает взаимосвязь эффективности правового воспитания, включая его соответствующие стороны и технологии, и успешности реформационных и модернизационных процессов, в том числе в правовой сфере.

Происходящая в современной России трансформация правовой системы и правовой культуры – весьма противоречивый процесс. В этом плане представляется, что правовая культура в современной России должна трансформироваться от культуры расслабленности и деморализации к мобилизационной культуре, предполагающей напряжение интеллектуальных, физических, моральных сил в служении общественным целям и идеалам. Необходимо при этом развивать и поддерживать открытость правовой культуры, возможности ее продуктивного взаимодействия с другими правовыми культурами.

Для правовой культуры современной России должны быть характерны признание не только свободы индивида, но и правового и культурного многообразия, в то же время она должна быть свободна от иллюзий универсальности западного пути правового развития.

Необходимо также формирование посредством соответствующих средств и технологий разностороннего культурного комплекса, ориентированного на инновационное развитие. Разумеется, такой комплекс должен выражаться в действующем праве и правовой политике государства. Необходимо также критический анализ и общественное обсуждение всех значимых социальных и культурных концепций. Все это призвано способствовать гармонизации культуры, в том числе правовой, и потребностей современного развития общества.

Итак, современность знаменует начало процесса возрастания технологических факторов, влияющих на развитие правовых систем и на правовую культуру, усиления роли правовых и политических технологий в воздействии на культурные феномены.

¹ Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // *Общественные науки и современность*. 1998. №3. С.186.

² Рубинштейн С.Л. *Бытие и сознание*. М., 1957. С.307.

Список цитируемой литературы:

1. Балаклеец И.И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы. Автореф.дисс.канд.юрид.наук. Казань, 2012.
2. Барулин В.С. Российский человек в 20 веке. Потери и обретение себя. М., 2000.
3. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь, 2002.
4. Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. 2003. №2.
5. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.
6. Модернизация в России и конфликт ценностей. М., 1994.
7. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
8. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
9. Смоленский М.Б. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества // Журнал российского права. 2004. №11.
10. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности // Правоведение. 2003. №1.
11. Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Общественные науки и современность. 1998. №3.
12. Фромм Э. Бегство от свободы. Минск, 2004.

The list of the quoted literature:

1. Balakleets I. I. Legal culture in the conditions of modernization of Russia: realities, trends and prospects. Abstract.Diss.kand.the faculty of law.sciences'. Kazan, 2012.
2. Barulin V. S. Russian people in the 20th century. Loss and finding yourself. M., 2000.
3. Gritsenko G. D. Law as a socio-cultural phenomenon: the state of the problem and prospects for resolution. Stavropol, 2002.
4. Maltsev V. A. Law as normative-activity system // Jurisprudence. 2003. No. 2.
5. Manchenko A. P. Social modernization in modern Russia. M., 2000.
6. Modernization in Russia and the conflict of values. M., 1994.
7. Panarin A. S. Orthodox civilization in the global world. M., 2002.
8. Rubinstein S. L. Being and consciousness. M., 1957.
9. Smolenskiy M. B. law and legal culture as a basic value of civil society // Journal of Russian law. 2004. No. 11.
10. Smolenskiy M. B. Legal culture, personality and civil society in Russia: the formula of interdependence // Jurisprudence. 2003. No. 1.
11. Flier A. Ya. Culture as a factor of national security // Social Sciences and modernity. 1998. No. 3.
12. Fromm E. Escape from freedom. Minsk, 2004.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В СУДЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION AGAINST CRIMINAL ENCROACHMENTS IN THE COURT OF CASSATION INSTANCE

*Потапенко С. В.,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета,
Кубанский государственный университет
<https://orcid.org/0000-0003-3013-5072>*

*Potapenko S. V.,
doctor of law
dean of law department
of the Kuban state University
<https://orcid.org/0000-0003-3013-5072>*

Ключевые слова: право на судебную защиту, уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальные гарантии, кассационное производство.

Аннотация: С учетом того, что под обеспечением конституционных прав и свобод следовало бы понимать систему их гарантирования, в статье дается общая характеристика уголовно-процессуальных гарантий права на судебную защиту. Такие гарантии права российских граждан на судебную защиту рассматриваются как система средств обеспечения, включающая в себя закрепленные в нормах уголовно-процессуального законодательства права потерпевшего и гражданского истца, добивающихся судебной защиты, и процессуальные права их представителей. Эта система содержит в себе также корреспондирующие названным правам предусмотренные законом обязанности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и судей, и основанную на законе деятельность таких органов и лиц, направленную на обеспечение судебной защиты потерпевшего и гражданского истца от преступного посягательства.

Keywords: right to judicial protection, criminal proceedings, criminal procedural guarantees, cassation proceedings.

The summary: Taking into account the fact that the provision of constitutional rights and freedoms should be understood as a system of their guarantee, the article gives a General description of the criminal procedural guarantees of the right to judicial protection. Such guarantees of the right of Russian citizens to

judicial protection are considered as a system of means of ensuring, which includes the rights of the victim and civil plaintiff seeking judicial protection, and the procedural rights of their representatives, enshrined in the norms of criminal procedure legislation. This system also includes the duties of officials of preliminary investigation bodies, prosecutors' offices and judges, which correspond to these rights, and the activities of such bodies and persons, based on the law, aimed at ensuring judicial protection of the victim and the civil plaintiff from criminal encroachment.

Любая эффективная уголовно-процессуальная система нуждается в конституционной основе. Фундаментальные конституционные принципы правосудия, а также связанные с этим права и свободы российских граждан закреплены в Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46)¹.

Исходя из этого, можно утверждать, что конституционная структура российского государства приоритетно нацелена на защиту прав человека и гражданина в судебном порядке. Это полностью соответствует устоявшемуся в международном юридическом сообществе подходу к тому, что государства должны в рамках закона о конституционных правах создать систему, которая эффективно защищает людей от опасностей, исходящих от других частных лиц, таких как преступная деятельность, угрожающая, например, жизни, физической неприкосновенности или собственности².

В современной России право на судебную защиту, носящее универсальный характер, принято считать нормативной основой взаимоотношений личности и судебной власти³.

Право российских граждан на судебную защиту представляет собой неотъемлемый

элемент их конституционного статуса, направленный на предупреждение посягательств на их права и свободы, гарантирующий им возможность при наличии такого посягательства обращаться в правоохранительные органы и требовать от них соответствующего закону реагирования с целью установления в действиях посягнувшего состава правонарушения и применения к нему судом необходимой меры ответственности.

Специфичным признаком, присущим лишь судебной защите, является осуществление ее специальным органом государственной власти – судом путем разбирательства и разрешения по существу гражданских и уголовных дел, в установленной процессуальной законом форме, а также использование судебной защиты для контроля за правильностью осуществления других форм правовой защиты.

Судебная защита соотносится с субъективным правом на нее как социальное благо, являющееся объектом названного права. Конституционное право на судебную защиту исключает любую мысль о его декларативности, поскольку обеспечивается посредством специальных юридических средств – гарантий, закрепленных в нормах процессуального законодательства.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации право граждан на судебную защиту прав и свобод от преступных посягательств реализуется преимущественно с помощью средств уголовного судопроизводства. В частности, обеспечивается посредством эффективного использования уголовно-процессуального статуса потерпевшего⁴ и

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

² См.: Herlin-Karnell E. The Power of Comparative Constitutional Law Reasoning in European Criminal Law Procedure // ICL Journal. 2019. № 13(1). P. 1-27; doi:10.1515/icl-2018-0047.

³ См.: Бондарь Н.С. Личность и судебная власть: конституционно-процессуальные основы взаимоотношений // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. В.Т. Кабышев. Саратов, 2017. Вып. 16. С. 19-34; Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 2-9.

⁴ См.: Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1963; Божьев В.П. Процессуальное положение потерпевшего // Советская юстиция. 1975. № 8. С. 8-11; Потапенко С. Соблюдать процессуальные права потерпевшего по делам частного обвинения // Советская юстиция. 1985. № 12. С. 25; Он же. Признание гражданина потерпевшим – важная гарантия конституционного права на судебную защиту от преступных посягательств // Проблемы совершенствования советского законо-

гражданского истца¹, которые довольно часто принадлежат одному и тому же лицу.

Для претворения в жизнь закрепленного в Конституции Российской Федерации права каждого на судебную защиту необходимы определенные, установленные уголовно-процессуальным законом, правовые средства и способы, так называемые уголовно-процессуальные гарантии², обеспечивающие реализацию, охрану и защиту прав потерпевшего и гражданского истца в уголовном судопроизводстве.

Причем уголовно-процессуальные гарантии должны рассматриваться не как разрозненные процессуальные способы и средства, а как система таких способов и средств, направленная на обеспечение прав потерпевшего и гражданского истца.

Причинение преступлением вреда в большинстве стран является основанием для признания потерпевшими, поэтому им обеспечивается ограниченное право на компенсацию за счет государства и полное возмещение вреда за счет правонарушителя, достойное, уважительное и деликатное обращение со стороны правоохранительных органов и суда. Особые волнения потерпевшие обычно испытывают о том дне, когда причинивший им вред осужденный будет освобожден из-под стражи. Например, женщины, которых преследовали их бывшие супруги. Поэтому потерпевшим должно обеспечиваться право на получение информации о важных событиях в своих делах, включая освобождение или побег преступника.

В 2001 г. в докладе, подготовленном Министерством внутренних дел Англии, отме-

чалось, что многие потерпевшие считали, что права обвиняемых в совершении преступления превосходят права потерпевших в уголовном судопроизводстве, потерпевшие (жертвы) не информируются должным образом или им не обеспечиваются безопасность³.

В связи с этим возникает вопрос, а есть ли основания для подобных утверждений в России? По большому счету нет, но имеются отдельные аспекты уголовно-процессуального регулирования, ставящие под сомнение такой вывод.

В частности, если для обвиняемого (подозреваемого), как правило, обязательно участие в уголовном деле адвоката-защитника, то для потерпевшего участие адвоката-представителя – личное дело самого потерпевшего, самостоятельно несущего все расходы по оплате услуг адвоката, которые, правда, включаются в процессуальные издержки (п.1.1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ), и могут быть взысканы с осужденного или возмещены потерпевшему за счет федерального бюджета (ст. 132 УПК РФ).

Только в отношении несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцати лет, и при совершении преступления против половой неприкосновенности, с 28 декабря 2013 г. обеспечивается право пользоваться помощью представителя бесплатно, с компенсацией расходов на оплату труда адвоката за счет средств федерального бюджета⁴.

По мнению В.А. Семенцова, дополнение 28 декабря 2013 г. ст. 45 УПК РФ частью 2.1 следует рассматривать «как первый шаг по уравниванию права лица, потерпевшего от преступления (пока еще не каждого) с лицом, его совершившим, на бесплатное получение квалифицированной юридической помощи, без чего невозможно обеспечение потерпевшему

дательства: труды ВНИИСЗ. 1985. № 31. С. 189-194.

¹ См.: Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юрид. лит-ра, 1977.

² Юрченко В.Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1977; Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1979; Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения / под общ. ред. проф. В.А. Семенцова. М.: Юрлитинформ, 2013; Апостолова Н.Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 3-7.

³ См.: V.K. Bhaskar. Withdrawal From Prosecution and Victim Rights: A Comparative Study Of India, USA And UK // Department of Human Rights School for legal studies Babasaheb Bhimrao Ambedkar University.

⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6997.

доступа к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»¹.

Поэтому наше предложение состоит в том, чтобы уравнивать в этой части права обвиняемых и потерпевших на обязательное участие адвоката.

Традиционно важным для потерпевших как жертв преступлений является право на скорейшее судебное разбирательство и, наконец, право на обеспечение соблюдения прав самих потерпевших².

В некоторых странах приняты специальные законодательные акты, касающиеся потерпевших от преступлений. Например, в США имеется Закон о правах жертв преступлений, в § 3771 которого закреплено право жертвы преступления на разумную защиту от обвиняемого³. Наиболее эффективной формой такой защиты, как и в России, является судебная защита.

Важная роль в обеспечении прав потерпевших в уголовном судопроизводстве принадлежит их представителям – адвокатам, призванным консультировать потерпевших и их семьи, информировать о ходе расследования, готовить их к судебному разбирательству, разъяснять потерпевшим порядок судебного разбирательства и обжалования приговора суда.

Для признания потерпевшим физического лица ему должен быть причинен преступлением физический, имущественный или моральный вред. Что же касается юридического лица, то оно тоже может быть признано потерпевшим, если преступлением причинен вред его имуществу и деловой репутации (ст. 42 УПК РФ).

Потерпевший в уголовном процессе является субъектом функции обвинения (ст. 22 УПК РФ) и вправе примириться с обвиняемым

¹ Семенцов В.А. Обеспечение прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 65.

² См.: Crime Victims' Rights Act // <https://www.justice.gov/usao/resources/crime-victims-rights-ombudsman/victims-rights-act> (дата обращения 24.11.2019).

³ См.: Mattar, Mohamed Y. Interpreting Judicial Interpretations of the Criminal Statutes of the Trafficking Victims Protection Act: Ten Years Later // American University Journal of Gender Social Policy and Law. 2019. № 4 (2011). P. 1247-1304.

в преступлении небольшой или средней тяжести, если тот загладит причиненный вред (ст. 25 УПК РФ). В необходимых случаях потерпевшим, участвующим в уголовном процессе, силами государственных органов обеспечивается безопасность⁴.

Вместе с тем, для трансграничных жертв преступлений, то есть потерпевших-иностранцев, не владеющих в достаточной степени русским языком, не знающих основ российского права и судебной системы, пользование правовым статусом потерпевшего в уголовном судопроизводстве может быть затруднительным. Особенно актуальна проблема трансграничных жертв преступлений для стран Европейского союза⁵, хотя отмечаются и иные трудности в реализации прав потерпевших от преступления в уголовном судопроизводстве⁶.

История развития мирового права активно свидетельствует о том, что одним из условий соблюдения принципов законности и справедливости в уголовном судопроизводстве является полное возмещение потерпевшему причиненного преступным посягательством вреда. Причем преступное посягательство одновременно является гражданско-правовым деликтом, а потому причиненный им вред возмещается на основании норм гражданского права (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Универсальным средством для разрешения любых споров о праве, в том числе о возмещении вреда, является иск, представляющий собой требование одного лица к другому, вытекающее из материально-правового спора о защите нарушенного права. Элементы гражданского иска характеризуют его внутреннюю

⁴ Часть 3 ст. 11 УПК РФ и Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 7 февраля 2017 г.) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.

⁵ См.: Letschert R., Rijken C. Rights of Victims of Crime: Tensions between an Integrated Approach and a Limited Legal Basis for Harmonisation // New Journal of European Criminal Law. № 4(3). P. 226-255. doi:10.1177/203228441300400306.

⁶ См.: Marguery T. European Union Fundamental Rights and Member States Action in EU Criminal Law // Maastricht Journal of European and Comparative Law. № 20(2). P. 282-301. doi:10.1177/1023263x1302000208.

структуру и существо, являются основой для определения предмета доказывания, защиты ответчика против иска. В гражданском иске следует различать два элемента иска: предмет и основание.

Предметом иска традиционно принято считать требование имущественного характера истца к ответчику, что же касается процессуальной составляющей гражданского иска, то это уже требование не к ответчику, а к суду о защите нарушенного права. Основанием гражданского иска в уголовном процессе, по сути, является объективная сторона преступления, включая его негативные последствия – причиненный преступлением гражданскому истцу физический, имущественный или моральный вред.

Может возникнуть опасение в двойных стандартах, связанное с тем, что, как уже отмечалось, гражданский иск по уголовному делу разрешается на основании норм гражданского права, но по правилам уголовного судопроизводства. С одной стороны, это создает «для потерпевшего повышенный уровень гарантий защиты его прав»¹. Однако, еще в середине прошлого века французские ученые-юристы выражали озабоченность тем, что гражданский иск о возмещении ущерба в уголовном судопроизводстве имеет серьезный недостаток, поскольку компетенция судей по уголовным делам разрешать гражданские иски в уголовном процессе может привести к разработке ими доктрин или решений, противоречащих тем, которые были приняты судьями по гражданским делам².

Думается, что такая проблема для современного отечественного уголовного судопроизводства не актуальна, так как, не взирая на вид судопроизводства, в Российской Федерации закон предписывает разрешать граждан-

ские иски на основании исключительно норм гражданского права.

Подсудность гражданского иска в уголовном процессе определяется всегда подсудностью уголовного дела, в рамках которого предъявлен гражданский иск, что вполне органично вписывается в теоретически и практически обоснованную концепцию «соединенного процесса»³.

Гражданским истцом в уголовном процессе может быть «физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением» (ст. 44 УПК РФ). Под вредом в данном случае понимается не только имущественный, но и моральный вред.

При этом моральный вред может быть компенсирован лишь физическому лицу, способному испытывать физические и нравственные страдания от преступного посягательства. Юридическим лицам возмещается только имущественный ущерб от преступления. Если юридическое лицо признано потерпевшим или гражданским истцом, то его представителем в уголовном судопроизводстве вправе выступать уполномоченные им лица (ст. 53 ГК РФ) без доверенности (например, директор) и другие лица на основании доверенности.

Статус гражданского истца появляется у физических и юридических лиц только после вынесения следователем, дознавателем или судом соответствующего постановления (определения) о признании названных лиц гражданскими истцами. Основанием для этого является заявленный по делу гражданский иск. Это одно из проявлений действий принципа диспозитивности⁴ в уголовном процессе, поскольку гражданский истец самостоятельно определяет предъявить ему гражданский иск в уголовном или в гражданском процессе. Таким образом, в уголовном процессе только гражданский истец вправе распорядиться предметом гражданско-правового спора.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 г. № 1442-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Larguier. Civil Action for Damages in French Criminal Procedure // 39 Tul. L. Rev. 687 1964. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/tulr39&div=42>.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 399 (автор гл. Л.В. Головки).

⁴ См.: Потапенко С.В. О соотношении принципов диспозитивности и законности в суде надзорной инстанции по гражданским делам // Российская юстиция. 2005. № 4. С. 28-31.

Следователь, дознаватель обязаны принять меры по обеспечению гражданского иска (ч. 1 ст. 160.1 УПК РФ). Арест на имущество в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, даже при отсутствии заявленного гражданского иска, принимается судом по ходатайству органов предварительного расследования.

Приговор суда первой инстанции должен содержать правовые и фактические основания удовлетворения гражданского иска, расчет по взысканным суммам. В приговоре должно быть разграничено солидарное и долевое взыскание при наличии нескольких подсудимых – ответчиков по гражданскому иску. Только в порядке исключения «суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства»¹.

Полная реализация права на судебную защиту от преступных посягательств возможна только при установлении и последовательном осуществлении процессуальных гарантий данного права во всех стадиях уголовного судопроизводства. При этом особое значение имеют судебные стадии.

Российская уголовно-процессуальная система построена на основе определенной законом инстанционности, основанной на обязательной свободе обжалования, в силу которой вышестоящий суд может проверить судебное постановление нижестоящего, даже при вступлении приговора суда в законную силу. Свобода обжалования судебных постановлений по уголовным делам в вышестоящую судебную инстанцию одинаково важна не только для осужденных, но и для потерпевших и гражданских истцов как важнейшая уголовно-процессуальная гарантия их права на судебную защиту от преступления.

Приговор суда должен быть законным. В этом состоит интерес потерпевших и гражданских истцов. Гарантией этого является предусмотренная законом возможность его проверки в кассационном порядке.

С 1 октября 2019 г. в России начали действовать кассационные суды общей юрисдик-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Российская газета. 2016. 7 декабря.

ции². Эти судеустройственные новеллы повлекли за собой изменения в нормах УПК РФ, регламентирующих порядок производства в суде кассационной инстанции³.

Основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела (ст. 401.15 УПК РФ). Поэтому потерпевшие не вправе ставить перед судом кассационной инстанции вопросы, связанные с переоценкой доказательств по уголовному делу.

Переоценка доказательств также не входит в компетенцию кассационных судов Евросоюза. Например, для всего федеративного государства Бельгия существует один Кассационный суд (Cour de cassation / Hof van Cassatie), который проверяет законность решений нижестоящих судов, не рассматривая фактическую сторону любого дела⁴.

Право кассационного обжалования приговора суда является важнейшей уголовно-процессуальной гарантией прав и законных интересов потерпевшего и гражданского истца. Потерпевшие, как правило, обжалуют те приговоры, которые не обеспечивают, на их взгляд, эффективной судебной защиты вследствие неосновательного оправдания, не привлечения к уголовной ответственности всех лиц, виновных в совершении преступного деяния, избрания осужденному несоразмерно мягкой меры наказания. Гражданские истцы обращаются в суд кассационной инстанции

² Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации" и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4811.

³ Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 42 (часть II). Ст. 6375.

⁴ См.: M. Ghyselen, B. Peeters. The Court of Cassation as the Supreme Body of the Judiciary in Belgium // Bulletin for international taxation, 2016. Volume 70 - Number 1-2, IBFD. P. 12-19.

при отказе в удовлетворении их гражданского иска или при несогласии с размером взысканной суммы имущественного и морального вреда.

Только прокурору и потерпевшему в стадии кассационного производства предоставлено право требовать поворота к худшему¹. Конечно, для реального поворота к худшему по кассационной жалобе потерпевшего у него должна быть такая же позиция в судах первой и апелляционной инстанций, где он, например, мог бы заявить о своем несогласии с квалификацией деяния подсудимого и требовать иной квалификации его действий.

Решение по гражданскому иску входит в число «оснований для отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке ввиду неправильного применения уголовного закона и (или) существенного нарушения уголовно-процессуального закона в отличие от производства в апелляционной инстанции ограничен лишь такими нарушениями, которые повлияли на исход уголовного дела»².

Список цитируемой литературы:

1. Апостолова Н.Н. Система гарантий прав и свобод граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 3-7.
2. Божьев В.П. Процессуальное положение потерпевшего // *Советская юстиция*. 1975. № 8. С. 8-11.
3. Бондарь Н.С. Личность и судебная власть: конституционно-процессуальные основы взаимоотношений // *Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. В.Т. Кабышев*. Саратов, 2017. Вып. 16. С. 19-34.
4. Выдря М.М. Участники судебного разбирательства и гарантии их прав. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1979.
5. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения / под общ. ред. проф. В.А. Семенцова. М.: Юрлитинформ, 2013.

¹ См.: пункт 20 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // *Российская газета*. 2019. 3 июля.

² См.; пункт 17 постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

Полагаем, что такая приоритетность в вопросе о гражданском иске обусловлена тем, что его предмет и основание носят гражданско-правовой характер. Кроме того, потерпевшему и гражданскому истцу посредством гражданского иска в уголовном судопроизводстве предоставлена законная возможность в ускоренном порядке добиваться судебного решения о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Таким образом, суды кассационной инстанции, являясь одними из гарантов права граждан на судебную защиту, при наличии законных оснований исправляют ошибки, допущенные во вступивших в законную силу актах судов первой и апелляционной инстанции, осуществляя подобным образом эффективную судебную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

The list of the quoted literature:

1. Apostolova N.N. System of Guarantees of Rights and Freedoms of Citizens in the Application of Measures of Criminal Procedure//*Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2018. № 5. Page 3-7.
2. Bozhiev V. P. Procedural position in a different way//*Soviet justice*. 1975. № 8. Page 8-11.
3. Bondar N. S. Personality and Judiciary: Constitutional and Procedural Foundations of Mutual Relations//*Constitutional Development of Russia: Inter-University. сб. науч. article / отв. edition V.T. Kabyshev*. Saratov, 2017. Issue. 16. Page 19-34.
4. Vydrya M. M. Participants in the trial and guarantees of their rights. Krasnodar: Publishing house of the Kuban state University, 1979
5. Guarantees of rights of participants of criminal proceedings: problems and possible ways of their decision / under the General editorship of Professor Vladimir A. Sementsov. Moscow: Yurlitinform, 2013.

6. Жилин Г.А. Право на судебную защиту в конституционном измерении // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 2-9.
7. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
8. Мазалов А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. М.: Юрид. лит-ра, 1977.
9. Потапенко С. Соблюдать процессуальные права потерпевшего по делам частного обвинения // Советская юстиция. 1985. № 12. С. 25.
10. Потапенко С.В. О соотношении принципов диспозитивности и законности в суде надзорной инстанции по гражданским делам // Российская юстиция. 2005. № 4. С. 28-31.
11. Потапенко С.В. Признание гражданина потерпевшим – важная гарантия конституционного права на судебную защиту от преступных посягательств // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды ВНИИСЗ. 1985. № 31. С. 189-194.
12. Савицкий В.М., Потеружа И.И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1963.
13. Семенцов В.А. Обеспечение прав лиц и организаций, потерпевших от преступлений, в стадии возбуждения уголовного дела // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 65.
14. Юрченко В.Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1977.
15. V.K. Bhaskar. Withdrawal From Prosecution and Victim Rights: A Comparative Study Of India, USA And UK // Department of Human Rights School for legal studies Babasaheb Bhimrao Ambedkar University.
16. Herlin-Karnell E. The Power of Comparative Constitutional Law Reasoning in European Criminal Law Procedure // ICL Journal. 2019. № 13(1). P. 1-27: doi:10.1515/icl-2018-0047.
17. M. Ghyselen, B. Peeters. The Court of Cassation as the Supreme Body of the Judiciary in Belgium // Bulletin for international taxation, 2016. Volume 70 - Number 1-2, IBFD. P. 12-19.
18. Laruier. Civil Action for Damages in French Criminal Procedure // 39 Tul. L. Rev. 687 1964. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/tulr39&div=42>.
19. Letschert R., Rijken C. Rights of Victims of Crime: Tensions between an Integrated Approach and a Limited Legal Basis for Harmonisation // New Journal of European Criminal Law. № 4(3). P. 226-255. doi:10.1177/203228441300400306.
20. Marguery T. European Union Fundamental Rights and Member States Action in EU Criminal Law // Maastricht Journal of European and Comparative Law. № 20(2). P. 282-301. doi:10.1177/1023263x1302000208.
21. Mattar, Mohamed Y. Interpreting Judicial Interpretations of the Criminal Statutes of the Trafficking Victims Protection Act: Ten Years Later // American University Journal of Gender Social Policy and Law. 2019. № 4 (2011). P. 1247-1304.
6. Zhilin G. A. the Right to judicial protection in the constitutional dimension. Journal of constitutional justice. 2015. No. 2. Pp. 2-9
7. Course in the corner process / ed. Ph.D., prof. L.V. Golovko. 2nd ed., Ed. M.: Statute, 2017.
8. Mazalov A. G. Civil claim in criminal proceedings. Moscow: Yurid. lit-RA, 1977
9. Potapenko S. Observe the procedural rights of the victim in cases of private prosecution // Soviet justice. 1985. No. 12. P. 25.
10. Potapenko S. V. on the correlation of the principles of dispositivity and legality in the court of Supervisory instance in civil cases // Russian justice. 2005. No. 4. P. 28-31.
11. Potapenko S. V. Recognition of a citizen as a victim – an important guarantee of the constitutional right to judicial protection from criminal encroachments // Problems of improving Soviet legislation: proceedings of VNIISZ. 1985. No. 31. P. 189-194
12. Savitsky V. M., I. I. Poteria the Victim in the Soviet criminal process. Moscow: Gosyurizdat, 1963
13. Sementsov V. A. Ensuring the rights of persons and organizations who have suffered from crimes at the stage of initiation of a criminal case // Society and law. 2019. No. 2 (68). P. 65.
14. Yurchenko V. E. Guarantees of the rights of the victim in court proceedings. Tomsk: publishing house of the Tomsk state University, 1977.
15. V.K. Bhaskar. Withdrawal From Prosecution and Victim Rights: A Comparative Study Of India, USA And UK // Department of Human Rights School for legal studies Babasaheb Bhimrao Ambedkar University.
16. Herlin-Karnell E. The Power of Comparative Constitutional Law Reasoning in European Criminal Law Procedure // ICL Journal. 2019. № 13(1). P. 1-27: doi:10.1515/icl-2018-0047.
17. M. Ghyselen, B. Peeters. The Court of Cassation as the Supreme Body of the Judiciary in Belgium // Bulletin for international taxation, 2016. Volume 70 - Number 1-2, IBFD. P. 12-19.
18. Laruier. Civil Action for Damages in French Criminal Procedure // 39 Tul. L. Rev. 687 1964. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/tulr39&div=42>.
19. Letschert R., Rijken C. Rights of Victims of Crime: Tensions between an Integrated Approach and a Limited Legal Basis for Harmonisation // New Journal of European Criminal Law. № 4(3). P. 226-255. doi:10.1177/203228441300400306.
20. Marguery T. European Union Fundamental Rights and Member States Action in EU Criminal Law // Maastricht Journal of European and Comparative Law. № 20(2). P. 282-301. doi:10.1177/1023263x1302000208.
21. Mattar, Mohamed Y. Interpreting Judicial Interpretations of the Criminal Statutes of the Trafficking Victims Protection Act: Ten Years Later // American University Journal of Gender Social Policy and Law. 2019. № 4 (2011). P. 1247-1304.

КОНФЕРЕНЦИИ

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ Р.С.Ф.С.Р.
1919 ГОДА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПРИНЯТИЯ)**

**GUIDING PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW 1919: CONCEPTUAL
FOUNDATIONS AND HISTORICAL SIGNIFICANCE
(TO THE 100TH ANNIVERSARY OF ADOPTION)**

Коняхин Владимир Павлович
*заведующий кафедрой уголовного права и крими-
нологии*
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
(г. Краснодар)

Konyakhin Vladimir Pavlovich
*Head of the Department of Criminal Law and Crimi-
nology*
Kuban State University,
Doctor of Law, Professor
(Krasnodar)

Прохорова Марина Леонидовна
*профессор кафедры уголовного права и кримино-
логии*
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
(г. Краснодар)

Prokhorova Marina Leonidovna
*Professor, Department of Criminal Law and Crimi-
nology*
Kuban State University,
Doctor of Law, Professor
(Krasnodar)

Куфлева Валентина Николаевна
доцент кафедры уголовного права и криминологии

Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Краснодар)

Kufleva Valentina Nikolaevna
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University,
Candidate of law, Assistant professor
(Krasnodar)

Ключевые слова: Руководящие начала, уголовное право, концептуальные основы, историческое значение, конференция.

Аннотация: Статья посвящена оценке итогов работы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)», состоявшейся в городе Краснодаре 13-14 декабря 2019 г. В ней освещается широкий круг вопросов, обсуждавшийся на этой конференции и связанных с процессом становления и развития российского уголовного законодательства в советский период, а также с определением исторического значения Руководящих начал по уголовному праву РСФСР. 1919 г..

Keywords: Guiding principles, criminal law, conceptual foundations, historical significance, conference.

The summary: The article is devoted to the evaluation of the results of the all-Russian scientific and practical conference with international participation «Guiding Principles of Criminal Law 1919: Conceptual Foundations and Historical Significance», dedicated to the 100th anniversary of adoption, which was held in the city of Krasnodar on December 13-14, 2019 and which discussed a wide range of issues related to the process of formation and development of Russian criminal legislation in the Soviet period, as well as determining the historical significance of the RSFSR Guiding Principles of Criminal Law 1919.

участники и гости конференции после пленарного заседания (слева направо): 1 ряд: А.И. Трахов, А.И.Бойко, С.П. Усенко, В.П. Коняхин, Н.В. Редькин, Б.М. Сматлаев, Б.В. Яцеленко; 2 ряд: Н.Н. Мельниченко, В.А. Зелик, А.А. Ключев, Н.В. Огородникова, М.Л. Прохорова, В.Н. Куфлева, Р.Г. Асланян, Е.А. Елец, М.Г. Горенко; 3 ряд: А.В. Петровский, К.А. Манукян, С.Н. Сарницкий, А.А. Назаров, Е.В. Сильченко, А.К. Князькина, М.Т. Гигинейшвили, З.М. Бешукова, Т.Ю. Батютина, А.А. Некрасова, А.К. Коновалов.

13-14 декабря 2019 г. в г. Краснодаре кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета под эгидой Союза криминалистов и криминологов РФ была организована и проведена всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)».

Председателем программного комитета конференции являлся ректор Кубанского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель Кубани, заслуженный деятель науки Республики Адыгея, действительный государственный советник Краснодарского края 3 класса *М.Б. Астапов*, заместителем председателя – и. о. проректора по научной работе и инновациям Кубанского государственного университета, доктор физико-математических наук, доцент *Е.В. Строганова*.

В качестве председателя оргкомитета непосредственное руководство подготовкой и работой конференции осуществлял заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный юрист РФ *В.П. Коняхин* при активном участии сопредседателя оргкомитета – декана юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, Кубани и Республики Хакасия, почетного работника судебной системы *С.В. Потапенко*, заместителя председателя оргкомитета – заместителя декана юридического факультета по научной работе, заведующего кафедрой административного и финансового права, доктора юридических наук, профессора *Е.Б. Лунарева*, а также членов оргкомитета – сотрудников кафедры уголовного права и криминологии: профессора кафедры, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, члена комиссии по этике Совета судей РФ, члена Центрального Совета Российского объединения судей *А.И. Трахова*, профессора кафедры, доктора юридических наук, профессора, председателя учебно-методической комиссии юридического факультета *М.Л. Прохоровой*, координатора конференции, доцента кафедры, кандидата юридических наук, доцента *В.Н. Куфлевой*, доцента кафедры, кандидата юридических наук, члена Общественной палаты Краснодарского края *Р.Г. Асланяна*.

В работе конференции в очной и заочной формах приняли участие свыше 150 человек, из них более 50 ученых-юристов, а также ее гостей из 8 субъектов Российской Федерации (*Москвы, Свердловской области, Приморского края, Ростовской области, Республики Адыгея, Ставропольского края, Краснодарского края и Ярославской области*) и 15 вузов и научно-исследовательских учрежде-

ний. В их числе Дальневосточный (г. Владивосток) и Северо-Кавказский (г. Ставрополь) федеральные университеты, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Всероссийский государственный университет юстиции, Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя (г. Москва); Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург); Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (г. Ярославль); Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Ростов-на-Дону); Адыгейский государственный университет (г. Майкоп); Кубанский государственный университет, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар).

Особенно важно подчеркнуть, что в работе конференции приняли также участие зарубежные ученые из республик Казахстан и Беларусь: профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник органов прокуратуры Республики Казахстан *Б.М. Снатлаев* и директор научно-практического центра Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь *В.М. Хомич*.

В общей сложности в числе участников конференции было зарегистрировано: 24 доктора наук и (или) профессора, 26 кандидатов наук, включая 21 доцента, 4 заслуженных деятеля науки РФ, 4 заслуженных юриста РФ, 1 заслуженный работник высшей школы РФ, 1 заслуженный юрист Республики Беларусь, 1 заслуженный деятель науки Республики Адыгея, 1 заслуженный юрист Республики Хакасия, 1 заслуженный учитель Кубани, 4 заслуженных юриста Кубани.

В частности, в работе конференции приняли участие: проректор по научной работе, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции, доктор юридических наук, профессор *Б.В. Яцеленко* (г. Москва); профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *А.В. Наумов* (г. Москва); профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *В.И. Селиверстов* (г. Москва); заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *А.И. Коробеев* (г. Владивосток); заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *И.Я. Козаченко* и доцент кафедры уголовного права этого же вуза, кандидат юридических наук *И.О. Ткаченко* (г. Екатеринбург); профессора кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора *А.И. Чучаев* и *Ю.В. Грачева* (г. Москва); заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор *А.Г. Кибальник* (г. Ставрополь); заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, доцент *А.В. Иванчин* (г. Ярославль); профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор *А.П. Дмитренко* (г. Москва); заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор *А.И. Бойко* (г. Ростов-на-Дону); доцент кафедры уголовного права и криминологии Адыгейского государственного университета, кандидат юридических наук *З.М. Бешукова* (г. Майкоп).

Юридические вузы г. Краснодара на конференции представляли: Краснодарский университет МВД России – начальник кафедры уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор *К.В. Вишневецкий*, его заместитель кандидат юридических наук, доцент *И.А. Паришина*, профессор этой кафедры, доктор юридических наук, доцент *Н.Ш. Козаев*, а также заместитель начальника кафедры административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук *А.М. Подгайный*; Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина – заведующий кафедрой уголовного права, кандидат юридических наук, доцент *А.В. Шульга* и профессор кафедры, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани *А.В. Грошев*; Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия – доценты кафедры уголовного права, кандидаты юридических наук, доценты *А.А. Ключев* и *О.А. Ругина*, а также кафедру международного права – доцент кафедры, кандидат юридических наук *М.Т. Гигинейшвили*.

От ректората и деканата юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета в работе конференции приняли участие: проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент *Н.В. Редькин*; декан юридического факультета Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Кубани и Республики Хакасия, почетный работник судебной системы *С.В. Потапенко*; заместитель декана юридического факультета по научной работе, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор *Е.Б. Лунарев*; заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент *Г.Э. Адыгезалова*.

Кафедра уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета помимо ее заведующего, профессора *В.П. Коняхина* была представлена докторами юридических наук, профессорами *Л.А. Прохоровым, М.Л. Прохоровой, А.И. Траховым*; кандидатами юридических наук, доцентами *Н.В. Огородниковой, А.В. Петровским, М.Л. Грековым, В.Н. Куфлевой*; кандидатами юридических наук *Е.А. Елец, А.К. Князькиной, В.В. Полтавец, Е.В. Сильченко, С.Н. Сарницким, Р.Г. Асланяном и Т.Ю. Батютиной*.

Практическую направленность работе конференции придали представители органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также органов прокуратуры, в частности, заместитель председателя Законодательного Собрания Краснодарского края – председатель комитета по вопросам имущественных и земельных отношений *С.П. Усенко*; заместитель председателя Краснодарского краевого суда, кандидат юридических наук, судья четвертого квалификационного класса *С.Е. Кротов*; начальник управления уголовного розыска ГУ МВД по Краснодарскому краю, полковник полиции *А.С. Бондарев*; первый заместитель прокурора Краснодарского края, государственный советник юстиции 3 класса *В.А. Малкин*; прокурор Северского района Краснодарского края, доктор юридических наук, старший советник юстиции *М.С. Жук*; заместитель прокурора Абинского района Краснодарского края *А.Г. Коргулев*.

Уникальная возможность стать слушателями выступлений (своего рода мастер-классов) участников конференции представилась присутствовавшим на ее заседаниях аспирантам, магистрантам кафедры уголовного права и криминологии, активистам СНО, а также лучшим студентам бакалавриата и специалитета юридического факультета Кубанского государственного университета (всего свыше 100 человек).

Работа конференции проводилась согласно ее Программе.

13 декабря 2019 г. в 10.00 часов пленарное заседание конференции открыл председатель оргкомитета, профессор *В.П. Коняхин*.

Далее со словами приветствия выступили члены почетного Президиума пленарного заседания: проректор по воспитательной работе и социальным вопросам Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент *Н.В. Редькин*;

декан юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Кубани и Республики Хакасия, почетный работник судебной системы *С.В. Потапенко*;

заместитель председателя Законодательного Собрания Краснодарского края – председатель комитета по вопросам имущественных и земельных отношений *С.П. Усенко*;

профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник органов прокуратуры Республики Казахстан *Б.М. Сматлаев*;

заместитель председателя Краснодарского краевого суда, кандидат юридических наук, судья четвертого квалификационного класса *С.Е. Кротов*.

В рамках своего приветственного слова *С.П. Усенко* за многолетний и добросовестный труд, высокое профессиональное мастерство, заслуги в педагогической и научной деятельности, активное сотрудничество с Законодательным Собранием Краснодарского края, а также в связи с празднованием Дня юриста вручил Благодарности председателя Законодательного Собрания Краснодарского края участникам конференции: *Б.М. Сматлаеву, Б.В. Яцеленко, А.И. Бойко, С.В. Потапенко, В.П. Коняхину, Е.Б. Лупареву, А.И. Трахову, М.Л. Прохоровой, В.Н. Куфлевой, Р.Г., Асланяну.*

В свою очередь в рамках приветственного слова *Б.М. Сматлаев* наградил профессора *В.П. Коняхина* именной памятной медалью «20 лет юридическому факультету Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева», изготовленной государственным монетным двором Республики Казахстан, с изображением на ее лицевой стороне трех политических и судебных деятелей Казахстана XVII века (Толе Би, Казыбек Би, Айтеке Би), а на обратной стороне – герба Республики Казахстан.

Работа конференции проводилась в форме пленарного и двух секционных заседаний: 1) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 1919 года: основные черты и значение» (председатель — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ *В.П. Коняхин*); 2) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. 1919 года и современное уголовное законодательство: преемственность и диалектика развития» (председатель — доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Кубани и РФ, заслуженный работник высшей школы РФ *Л.А. Прохоров*).

Первым на пленарном заседании конференции выступил председатель ее Оргкомитета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии КубГУ, профессор *В.П. Коняхин* с докладом на тему «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – одна из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права». В выступлении была представлена структурно-содержательная характеристика Руководящих начал, показана их взаимосвязь и преемственность с дореволюционным уголовным законодательством России, сформулированы выводы о том, что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР стали итогом одной из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права, послужили «импульсом» и «элементом» для формирования в последующем всей системы этого права в целом.

Вторым докладчиком на тему «Социально-правовая природа наказания и ее отражение в понятийном аппарате Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года» выступил проректор по научной работе, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции, доктор юридических наук, профессор *Б.В. Яценко*. Он обратил особое внимание на то, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник, а наказание направлено на охрану общественного порядка от лица, совершившего преступление. Для этой цели мог применяться широкий спектр методов: от приспособления лица, совершившего преступление, к общественному порядку, до изоляции его, вплоть до физического уничтожения.

Далее докладчиком на тему «*Роль Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года в истории уголовного права Казахстана*» был профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор, почетный работник органов прокуратуры Республики Казахстан *Б.М. Сметлаев*. Выступающий отметил, что право на территории Казахстана долгое время состояло из обычаев, т.е. являлось обычным правом. Его формирование как целостной системы уголовно-правовых норм следует связывать именно с советским периодом. В этом смысле Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. – основной уголовно-правовой акт в период становления советской власти на территории РСФСР – имели огромное влияние на становление правовой системы и Казахского края.

Автором следующего выступления «*Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года в генезисе отечественной уголовно-правовой мысли*» был заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор *А.И. Бойко*. Доклад был посвящен анализу места Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года в отраслевой доктрине, отражению в данном памятнике права достижений царской эпохи и его сличению с действующим Уголовным кодексом РФ.

Завершил первую часть пленарного заседания заместитель председателя Законодательного Собрания Краснодарского края – председатель комитета по вопросам имущественных и земельных

отношений С.П. Усенко с докладом на тему «Институциональные основы Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года: исторический аспект». Выступающий обратил внимание на уникальность Руководящих начал, заключающуюся в том, что в этом акте впервые в истории был выражен классовый подход к уголовному законодательству, заложены основы нового уголовно-правового «алфавита». В нём и состояло коренное отличие советского уголовного права от буржуазного. Значение этого фактора существенно повлияло на дальнейшее развитие советского уголовного законодательства и отчасти проявляется и в современной уголовно-правовой практике.

После кофе-брейка и фотографирования к участникам и гостям конференции с докладом, подготовленным в соавторстве с доктором юридических наук, профессором М.Л. Прохоровой, на тему «Основные критерии назначения наказания: регламентация в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года» обратился профессор кафедры уголовного права и криминологии КубГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани и РФ, заслуженный работник высшей школы РФ Л.А. Прохоров. В выступлении был представлен краткий анализ основных критериев (общих начал) назначения наказания, сформулированных в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года, обращено внимание на историческую преемственность ряда положений, получивших отражение (с известными коррективами, обусловленными особенностями этапа существования государства) и развитие и в УК РФ 1996 г.

Далее слово для доклада-презентации на тему: «Предпосылки становления института наказания в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года», подготовленного в соавторстве с профессором кафедры уголовного права и криминологии КубГУ, доктором юридических наук, профессором А.И. Траховым, было предоставлено доценту кафедры уголовного права и криминологии Адыгейского государственного университета, кандидату юридических наук З.М. Бешуковой. В выступлении было уделено внимание анализу предпосылок становления института уголовного наказания в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., определены особенности развития данного института уголовного права в советский период действия некодифицированного уголовного законодательства, выявлены его достоинства и недостатки, оценено его влияние на формирование соответствующих норм в действующем УК РФ.

После этого собравшимся был представлен совместный доклад профессора кафедры уголовного права Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, доктора юридических наук, профессора А.П. Дмитренко, заместителя начальника кафедры административной деятельности ОВД Краснодарского университета МВД России, кандидата юридических наук А.М. Подгайного и доцента кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидата юридических наук С.Н. Сарницкого на тему «История криминализации насилия в уголовном законодательстве России советского периода», озвученный последним из названных соавторов. Выступающим был рассмотрен генезис норм уголовного законодательства советского периода, предусматривавших ответственность за насильственные преступления, отмечен этап выделения в уголовном законе и криминализации психического насилия, показана тенденция усиления уголовно-правовой охраны граждан от преступлений, сопряженных с применением физического или психического насилия.

Затем перед собравшимися на тему «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года о степени реализации преступного намерения» выступила профессор кафедры уголовного права и криминологии КубГУ, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Кубани Н.В. Огородникова. Доклад был посвящен анализу норм о неоконченном преступлении, содержащихся в трех нормативно-правовых актах: Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РФ 1996 г., их сопоставлению с точки зрения заимствования положительного исторического опыта законодательского описания этапов реализации преступного намерения в поисках оптимальной регламентации стадий совершения преступления.

Следующим докладчиком на тему «Непреступные деяния, предусмотренные в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года», стал доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент А.А. Клюев. Выступающим был осуществлен анализ положений Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года, касающихся деяний, не признаваемых преступными и, соответственно, не влекущих уголовного наказания, рассмотрен представленный в названном документе подход к понятию преступления; вопросам ответственности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности; невменяемости; необходимой обороне.

Далее слово для доклада в форме презентации на тему «Мифология Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года» было предоставлено доценту кафедры уголовного права и крими-

нологии Кубанского государственного университета, кандидату юридических наук, доценту *А.В. Петровскому*. В выступлении было отмечено наличие влияния мифологии на формирование законодательства и коллективного правосознания, что, однако, до настоящего времени не становилось объектом уголовно-правового и криминологического познания. Докладчик в ракурсе общего понимания сущности мифа, его значения для правовой культуры и правосознания общества оценил роль и значение мифологии для формирования принципиальных положений советского уголовного права на основе анализа Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г.

После этого эстафета для выступления перешла к доценту кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидату юридических наук *В.В. Полтавец*, выступившей на тему «*Институт условного осуждения в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года: концептуальные основы и историческое значение*». Докладчиком был представлен исторический экскурс процесса зарождения и становления института условного осуждения в отечественном праве, а также рассмотрены особенности закрепления положений о нем в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., а также проведено сопоставление корреспондирующих положений названного документа и действующего УК РФ с точки зрения преемственности и перспектив оптимизации современного законодательного.

Завершающим в рамках пленарного заседания было выступление доцента кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидата юридических наук *М.Т. Гигинейшвили* на тему «*Особенности применения лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях в период действия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года*». Докладчиком были проанализированы основные положения принятого 17 мая 1919 года Декрета о лагерях принудительных работ, заложившего основу для целой системы исправительных учреждений нового типа, рассмотрен режим, действующий в таких лагерях в указанный период, приведены аргументы как в пользу, так и против подобного вида наказания.

Кроме того, в повестку дня пленарного и секционных заседаний были включены научные доклады докторов юридических наук, профессоров, заслуженных деятелей науки РФ: *А.В. Наумова* «О характеристике преступности в России периода принятия «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 года, их классовой направленности и законодательном содержании основных уголовно-правовых институтов», *И.Я. Козаченко* «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: 100 лет надежд и разочарований (исторический и уголовно-правовой срез)», *А.И. Коробеева* «Транспортные преступления: от Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года до Уголовного кодекса 1996 года» и *В.И. Селиверстова* «О наказаниях в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года»; докторов юридических наук, профессоров: *Ю.В. Грачевой* и *А.И. Чучаева* «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года», *А.Г. Кибальника* «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: оценка в юридической историографии», *А.В. Грошева* «Трансформация института преступления в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года: основные черты и значение», *К.В. Вишневецкого* «Уголовно-исполнительная политика в сфере развития правового регулирования исполнения наказаний и организации труда осужденных в 1919 году»; докторов юридических наук, доцентов: *А.В. Иванчина* «Оконченное и неоконченное получение взятки: критический анализ судебной практики (к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года)», *Н.Ш. Козаева* «Кодификация уголовного права в первые годы советской власти от преемственности к самостоятельности», *Г.Э. Адыгезаловой* «Презумпция виновности имущих и презумпция невиновности неимущих с позиции революционного правосознания».

Зарубежная доктрина уголовного права была представлена научным докладом доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь *В.М. Хомича* на тему «*Цифровизация социального контроля преступности в контексте Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года*».

Все доклады вызвали большой интерес у слушателей, породили настоящую научную дискуссию, о чем свидетельствовали многочисленные вопросы и реплики как со стороны присутствующих ученых-юристов, практических работников, так и аспирантов и студентов.

Подводя итоги первого дня работы, председатель Оргкомитета профессор *В.П. Коняхин* высоко оценил качество представленных докладов и поблагодарил за это их авторов, обратив особое внимание на чрезвычайную актуальность и огромную значимость всех обсуждаемых вопросов не только для научного сообщества, но и для органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

На следующий день работы конференции (14 декабря 2019 г.) состоялась объединенное заседание секций, дебаты и подведение итогов конференции. Это позволило ее участникам обменяться впечатлениями от пленарного и секционных заседаний, задать дополнительные вопросы выступавшим на них коллегам.

участники и гости конференции перед началом (14 декабря) объединенного заседания секции (слева направо): 1 ряд: Р.Г. Асланян, М.Т. Гигинейшвили, А.К. Князькина, Г.О. Сматлаева, М.Л. Прохорова; 2 ряд: Б.В. Яцеленко, А.В. Грошев, В.П. Коняхин, Б.М. Сматлаев, Е.В. Сильченко; 3 ряд: В.Н. Куфлева, Т.Ю. Батютина, Н.В. Огородникова, В.В. Полтавец.

В дни работы конференции для ее участников в рамках культурной программы были организованы экскурсии в Музей казачества, по историческому центру г. Краснодара, а также в Музей-галерею «Особняк», посвященный искусству и быту г. Екатеринодара начала XX века.

Подводя итоги работы конференции и резюмируя заслушанные доклады и сообщения, председатель Оргкомитета профессор *В.П. Коняхин* отметил, в частности, что принятие Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года – это весьма знаковое историческое событие, на многие годы вперед определившее алгоритм и стратегию развития советского уголовного законодательства. Они, в частности, стали своего рода «конституцией» уголовного права России этого периода времени и «прототипом» Общей части УК РСФСР 1922 года. Он также солидаризировался с обеспокоенностью участников конференции по поводу состояния современного уголовного законодательства страны и выразил надежду, что в ходе грядущего его реформирования будут учтены «уроки истории» – достижения и нереализованные возможности Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. Профессор *В.П. Коняхин* согласился также с мнением участников конференции по поводу целесообразности более регулярного проведения подобного рода научных мероприятий и расширения их формата.

Вечером все участники круглого стола были приглашены на прощальный ужин, который прошел в теплой и непринужденной обстановке.

По итогам конференции каждому ее участнику был вручен именной сертификат и озвучено решение Оргкомитета об опубликовании её материалов в ближайших номерах журнала «Вестник юридического факультета Кубанского государственного университета», включенного согласно распоряжению Минобрнауки РФ от 2 декабря 2019 г. в перечень изданий ВАК.

Содержание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Наумов А.В.</i> О характеристике преступности в России периода принятия «руководящих начал по уголовному праву РСФСР» 1919 года, их классовой направленности и законодательном содержании основных уголовно-правовых институтов.....	2
<i>Коняхин В.П.</i> Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – одна из первых отраслевых кодификаций советского социалистического права	7
<i>Бойко А.И.</i> Руководящие начала РСФСР по уголовному праву 1919 года в генезисе отечественной уголовно-правовой мысли	12
<i>Козаченко П.Я.</i> Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: 100 лет надежд и разочарований (исторический и уголовно-правовой срез)	18
<i>Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.</i> Руководящие начала 1919 года как прообраз общей части УК РСФСР 1922 года	24
<i>Кибальник А.Г.</i> Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: оценка в юридической историографии.....	31
<i>Жук М.С.</i> Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года: предпосылки формирования новой системы российского законодательства в советский период	36
<i>Усенко С.П.</i> Институциональные основы руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года: исторический аспект	39
<i>Сматлаев Б.М.</i> Роль руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года в истории уголовного права Казахстана	46
<i>Хомич В.М.</i> К вопросу о реализации социального контроля преступности в контексте руководящих начал по уголовному праву 1919 года	51
<i>Грошев А.В.</i> Трансформация института преступления в руководящих началах по уголовному праву 1919 года: основные черты и значение	57
<i>Огородникова Н.В.</i> Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года о степени реализации преступного намерения	62
<i>Клюев А.А.</i> Непреступные деяния, предусмотренные в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года	67
<i>Трахов А.И., Бешукова З.М.</i> Предпосылки становления института наказания в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года	71
<i>Селиверстов В.И.</i> О наказаниях в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года	77
<i>Прохоров Л.А., Прохорова М.Л.</i> Основные критерии назначения наказания: регламентация в руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года	82
<i>Вишневецкий К.В.</i> Уголовно-исполнительная политика в сфере развития правового регулирования исполнения наказаний и организации труда осужденных в 1919 году.....	87
<i>Дмитренко А.П., Подгайный А.М., Сарницкий С.Н.</i> История криминализации насилия в уголовном законодательстве России советского периода	93
<i>Коробеев А.И., Князева Н.А., Князева Е.А.</i> Транспортные преступления: от руководящих начал 1919 года до уголовного кодекса РФ 1996 года	98

<i>Иванчин А.В.</i> Оконченное и неоконченное получение взятки: критический анализ судебной практики (к 100-летию руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года)	105
<i>Шульга А.В., Коргулев А.Г.</i> Отражение современных реалий при оценке общественной опасности деяния как требования руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года и их преемственность при определении предмета взяточничества по УК РФ 1996 года	112

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Жинкин С.А.</i> Некоторые проблемы технологий правового воздействия на правовую культуру личности в современном обществе	119
---	-----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Потапенко С.В.</i> Уголовно-процессуальные гарантии конституционного права на судебную защиту от преступных посягательств в суде кассационной инстанции	125
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Коняхин В.П., Прохорова М.Л., Куфлева В.Н.</i> Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. 1919 года: концептуальные основы и историческое значение (к 100-летию со дня принятия)	133
--	-----